ИМЛИ
РАН
1932

РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Выпуск 4

RUSSIAN ESTATE IN THE WORLD CONTEXT

Issue 4

Серия
РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Редакционная коллегия серии:

О.А. Богданова (*председатель*)**,** ***Е.Е. Дмитриева,***
М.В. Скороходов, Е.В. Глухова,
М.С. Акимова, Г.А. Велигорский

Ответственный редактор четвертого выпуска:
Е.В. Глухова

Series
RUSSIAN ESTATE IN THE WORLD CONTEXT

Editorial Board of series:

O.A. Bogdanova (*chairwoman*)***, E.E. Dmitrieva***
M.V. Skorokhodov, E.V. Glukhova
M.S. Akimova, G.A. Veligorsky

Executive editor of the fourth issue:
E.V. Glukhova

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М.В. Скороходов

ПОМЕЩИЧЬЯ УСАДЬБА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

МОСКВА
ИМЛИ РАН
2020

A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Maxim V. Skorokhodov

LANDOWNER'S ESTATE IN RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE XIX — FIRST THIRD OF THE XX CENTURY: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

MOSCOW
IWL RAS
2020

УДК 82.09
ББК 83.3.(2Рос=Рус)

Издание подготовлено
в ФГБУН «ИМЛИ им. А.М. Горького РАН»
за счет средств Российского научного фонда (РНФ),
проект № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре:
отечественный и зарубежный взгляд»

Рецензенты:
доктор филологических наук А.Г. Гачева
кандидат филологических наук А.А. Журавлева

М.В. Скороходов

Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX — первой трети XX в.: междисциплинарный подход / Отв. ред. Е.В. Глухова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 272 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4). — https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0636-9

В монографии рассмотрены проблемы тезауруса российского литературного «усадьбоведения» в междисциплинарном ключе: показано, как теоретический инструментарий гуманитарной географии и искусствознания обогащает литературоведческий анализ текстов русской словесности, отражающих специфику «усадебной» и «дачной» моделей сельской жизни. Особенности «усадебно-дачного топоса» раскрываются при обращении к лирике Н.А. Клюева, стихотворениям и поэмам С.А. Есенина, прозе И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева. В приложение включены материалы, обобщающие опыт автора по разработке документов стратегического планирования для ряда литературных музеев-заповедников и музеев-усадеб.

Книга адресована ученым-гуманитариям — филологам, культурологам, гуманитарным географам, а также деятелям культуры и широкому кругу любителей русской словесности.

ISBN 978-5-9208-0635-2
ISBN 978-5-9208-0636-9

© М.В. Скороходов, 2020
© ИМЛИ РАН, 2020

УДК 82.09
ББК 83.3.(2Рос=Рус)

The publication was prepared and implemented
in the Federal State Budgetary Institution "A.M. Gorky Institute of World Literature RAS"
at the expense of the Russian Science Foundation (RSF),
project No. 18-18-00129 "Russian estate in literature and culture:
domestic and foreign look"

Reviewers:
DSc in Philology Anastasia G. Gacheva
PhD in Philology Anastasia A. Zhuravleva

Maxim V. Skorokhodov

Landowner's estate in Russian literature of the late XIX — first third of the XX century: an interdisciplinary approach / Executive ed. E.V. Glukhova. — Moscow, IWL RAS Publ., 2020. — 272 p. — (Series "Russian Estate in the World Context". Iss. 4). — https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0636-9

The monograph examines the problems of the thesaurus of Russian literary «estate studies» in an interdisciplinary manner: it is shown how the theoretical tools of humanitarian geography and art history enrich the literary analysis of the texts of Russian literature, reflecting the specifics of the «estate» and «dacha» models of rural life. The peculiarities of the «estate-dacha topos» are revealed when referring to the lyrics of N.A. Klyuev, poems by S.A. Esenin, prose by I.S. Shmelev and B.K. Zaitsev. The appendix contains materials summarizing the author's experience in developing strategic planning documents for a number of literary reserve museums and estates-museums.

The book is addressed to humanities scholars — philologists, culturologists, humanitarian geographers, as well as cultural figures and a wide range of lovers of Russian literature.

ISBN 978-5-9208-0635-2
ISBN 978-5-9208-0636-9

© Maxim V. Skorokhodov, 2020
© IWL RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
Образ помещичьей усадьбы в русской культуре
конца XIX — первой трети XX в. 16

Часть I
Междисциплинарные векторы
в изучении «усадебно-дачного топоса»

Глава 1
Пространство культурное и пространство литературное:
между географией, литературоведением и искусствознанием . . 26

Глава 2
«Усадебная» и «дачная» модели сельской жизни.
Помещичьи и крестьянские усадьбы в творчестве
представителей «крестьянской купницы» 40

Глава 3
Достопримечательное место и визуализация
литературных образов 63

Часть II
Интермедиальные аспекты в поэтических
интерпретациях «усадебного топоса»

Глава 1
Усадьба литературная и реальная в наследии Н.А. Клюева . . . 80

Глава 2
«Это все мне родное и близкое»: вид из окна
в произведениях С.А. Есенина 91

Глава 3
«Усадебные» контексты и вариативность «русского мира» в творчестве С.А. Есенина 115

Часть III
Вариации «усадебного топоса» в прозе И.С. Шмелева и Б.К. Зайцева

Глава 1
Гибель усадебного мира в повести И.С. Шмелева «Стена» . . .152

Глава 2
Эволюция «усадебно-дачного топоса» в творчестве И.С. Шмелева периода эмиграции 165

Глава 3
Идеал усадьбы в жизни и творчестве Б.К. Зайцева 174

Глава 4
Усадебно-дачные контексты в повестях Б.К. Зайцева «Голубая звезда», «Анна» и в романе «Золотой узор» 200

Приложения

Приложение 1
Миссия литературного музея и музея-усадьбы 212

Приложение 2
Историко-культурное пространство и формирование имиджа территории 222

Заключение. 238

Список иллюстраций 244

Список использованной литературы 248

Указатель имен. *Составитель Е.Н. Сченснович* 268

CONTENTS

Introduction
Image of the landowner's estate of the late XIX —
first third of the XX century 16

Part I
Interdisciplinary vectors in the study of "estate-dacha topos"

Chapter 1
Cultural space and literary space:
between geography, literary criticism and art history 26

Chapter 2
"Estate" and "dacha" models of rural life.
Landlord and peasant estates in the works
of representatives of the "peasant concord" group 40

Chapter 3
A place of interest and the visualization
of literary images 63

Part II
Intermediate aspects in poetic interpretations of the "estate topos"

Chapter 1
Literary estate and real estate in the works by N.A. Klyuev 80

Chapter 2
"All is here familiar and near": A view
from the window in the works by S.A. Esenin 91

Chapter 3
The "estate" contexts and variability of the "Russian world"
in the works by S.A. Esenin 115

Part III

Variations of the "estate-dacha topos" in the prose by I.S. Shmelev and B.K. Zaitsev

Chapter 1

The death of the estate world in the story "The Wall" by I.S. Shmelev 152

Chapter 2

Evolution of the "estate-dacha topos" in the works by I.S. Shmelev of the emigration period 165

Chapter 3

The ideal of the estate in the life and work of B.K. Zaitsev . . . 174

Chapter 4

Estate and dacha contexts in the stories "The Blue Star" and "Anna" and in the novel "The Golden Pattern" by B.K. Zaitsev 200

Applications

Appendix 1

Mission of the literary Museum and the estate Museum 212

Appendix 2

Historical and cultural space and formation of the territory's image 222

Conclusion 238

List of illustrations 244

References 248

Index of names. *Comp. by E.N. Schensnovich* 268

ВВЕДЕНИЕ

Образ помещичьей усадьбы в русской культуре конца XIX — первой трети XX в.

На основе русской помещичьей усадьбы сформировалось особое культурное пространство, эволюционировавшее на протяжении нескольких столетий и оказавшее значительное влияние на формирование русской картины мира и национального менталитета. Мир русской усадьбы во всем его многообразии воплотился в произведениях словесности и различных искусствах. Поскольку специфику русской усадьбы исследуют представители разных научных дисциплин, в литературоведческих работах требуется учитывать методологию, применяемую искусствоведами, географами, культурологами и др. Комплексное изучение усадебного мира, рассмотрение его воздействия на литературный процесс, характеристика литературных усадеб, оказавших существенное влияние на мировосприятие писателей и отразившихся в их художественных текстах, переписке и мемуарах, — все это диктует необходимость применения междисциплинарного подхода.

Когда мы говорим об усадьбах, возникают некоторые терминологические сложности. Исследователи феномена русской усадьбы обращаются к истории создания и развития помещичьих, прежде всего дворянских усадеб. И это имеет свои основания, поскольку именно на основе последних сформировался своеобразный мир русской усадьбы. В помещичьих усадьбах шла насыщенная творческая жизнь, велись оживленные дискуссии, задумывались и создавались произведения живописи, литературы, музыки, статьи критиков. Достаточно вспомнить усадьбы, в которых сейчас работают музеи-заповедники, такие как Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново, Тарханы, Остафьево, Хмелита и многие другие.

Исторически нередко происходило так, что усадьба, в которой жили дворяне, переходила другим владельцам — купцам или промышленникам. При этом сам усадебный комплекс мог сохраняться без существенных изменений. На рубеже XIX–XX вв. развивался, все более усиливаясь, катастрофический процесс гибели помещичьих усадеб и утраты усадебного быта, усадебной культуры. Об этом свидетельствуют не только произведения отечественной

Илл. 1. Главный дом усадьбы Грибоедовых Хмелита (Смоленская область). 2019. Фото автора

словесности, некоторые из которых будут охарактеризованы ниже, но и многочисленные описания утрачиваемых усадеб и исследования, проведенные как в начале прошлого столетия, так и в последующие десятилетия. Отмена крепостного права привела к постепенному обеднению значительной части дворянства. Нередко наследники богатых имений не имели средств для их содержания, для ремонта ветшающих строений, ухода за садом. В результате дома либо погибали, либо обретали новых собственников. Некоторые из владельцев даже не пытались сохранить и восстановить обветшавшие здания и зарастающие сады и парки. Деревья вырубались и продавались на дрова, пригодные для дальнейшего использования постройки разбирались, а ветхие уничтожались.

В начале XX в. велось активное изучение усадеб, их истории, архитектурных особенностей, уникальных коллекций и предметов, собранных за многие десятилетия их владельцами. Многочис-

ленные материалы об усадьбах появлялись на страницах выходивших в Петербурге журналов «Старые годы» (1907–1916, издавался при Кружке любителей русских изящных изданий) и «Столица и усадьба» (1913–1917). Подзаголовок последнего — «Журнал “красивой жизни”», с пояснением:

> Красивая жизнь доступна не всем, но она все-таки существует, она создает те особые ценности, которые когда-нибудь станут общим достоянием. Хотелось бы запечатлеть эти черточки русской жизни в прошлом, рисовать постепенно картину того, что есть сейчас, что осталось, что видоизменяется, подчеркнуть красивое в настоящем[1].

В статье русского искусствоведа барона Н.Н. Врангеля «Помещичья Россия», опубликованной в журнале «Старые годы» за июль — сентябрь 1910 г., сообщается о критической ситуации с русскими усадьбами:

> Разорены и обветшали торжественные дома с античными портиками, рухнули храмы в садах, а сами «Вишневые сады» повырублены. Сожжены, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы бесчисленные богатства фаворитов русских императриц: картины и бронза, мебель и фарфор и тысячи других великолепий. <…> Русские люди делали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть следы старой культуры. С преступной небрежностью, с нарочитой ленью и с усердным вандализмом несколько поколений свело на нет все, что создали их прадеды.
>
> Ведь культурным было русское дворянство от Екатерины Великой и до освобождения крестьян, берегло и любило красоту жизни. А потомки надругались над тем немногим, о чем могли бы говорить с гордостью, и, Бог весть, придет ли день, когда снова об этом вспомнят?[2]

О гибели усадеб писали и другие авторы, в том числе и в 1920–1930-е гг. Среди них С.Р. Минцлов — автор основанной на соб-

---

[1] Столица и усадьба. 1913. № 1. С. 4.

[2] *Врангель Н.Н.* Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль — сентябрь. С. 7.

ственных воспоминаниях книги «За мертвыми душами» (1921), в которой он рассказывает об усадьбах и библиотеках, в которых побывал с 1895 по 1913 г. Например, тягостные воспоминания остались у него после посещения имения члена земской управы, потомственного дворянина, внука прославленного русского композитора М.И. Глинки:

> Рояль Глинки!.. — многозначительно проронил Ченников.
>
> Я оглянулся и тут только заметил, что ножек и педали у рояля нет и что драгоценный инструмент стоит на трех толстых и круглых березовых поленьях[3].

Илл. 2. Парковая аллея в усадьбе Грибоедовых Хмелита (Смоленская область). 2019. Фото автора

По собранным материалам Минцлов составил «Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время Великой войны и революции». Конечно, этот перечень далек от исчерпывающей полноты. Утрата усадеб и гибель их коллекций продолжалась довольно длительное время. Лишь немногие усадьбы были спасены

[3] *Минцлов С.Р.* За мертвыми душами. Берлин: Сибирское книгоиздательство, 1921. С. 13.

от разорения, вызванного Декретом о земле, лишившим владельцев всех прав на движимое и недвижимое имущество.

После революционных событий 1917 г. наблюдалось два противоположных процесса. С одной стороны, многие усадьбы, переданные местным властям, были разорены, уникальные предметы продавались за рубеж. С другой стороны, хранившиеся в усадьбах частные коллекции, в том числе ценнейшие произведения живо-

Илл. 3. Флигель усадьбы А.С. Хомякова Липицы (Смоленская область). 2020. Фото автора

писи и изделия декоративно-прикладного искусства, национализировались и передавались в центральные и региональные музеи. В 1918–1920 гг. на территории РСФСР было создано 246 музеев — больше, чем за весь предшествующий период истории России. Среди них усадебные комплексы Подмосковья, связанные с именами А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского, А.И. Герцена, Ф.И. Тютчева, Л.Н. Толстого и других писателей. Благодаря развитию краеведения, активной экскурсионной деятельности издавались путеводители[4]. Хранящиеся в музеефицированных усадьбах произведения

[4] Отметим представляющую наибольший интерес для нашего исследования серию «Подмосковные музеи: Путеводители» / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. М.; Л.: Государственное издательство, 1925 (вып. 1: Кусково. Останкино; вып. 2: Архангельское. Николо-Урюпинское. Покровское-Стрешнево; вып. 3: Остафьево. Мураново. Абрамцево; Вып. 4: Ольгово. Дубровицы; вып. 5: Сергиевский историко-художественный музей; вып. 6: Царицыно. Кузьминки. Суханово).

искусства, усадебные парки, внутреннее убранство усадеб — все это становилось предметом научного изучения, вводилось в культурный оборот. Плодотворно работали Общество изучения русской усадьбы, Музейный отдел Наркомпроса, Государственное управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки Наркомпроса. В 1930-е гг. наблюдался процесс реорганизации музеев, деятельность многих из них, как и деятельность организаций,

Илл. 4. Парк в усадьбе А.С. Хомякова Липицы (Смоленская область). 2020. Фото автора

занимавшихся сохранением и изучением усадеб, сворачивалась, внимание к мемориальным комплексам и историческим интерьерам сменялось тиражированием в музеях-усадьбах идеологически актуальных экспозиций, которые должны были свидетельствовать о торжестве нового политического строя. Лишь в конце XX в. идеологические установки стали играть меньшую роль в музейном деле, начало работу возрожденное Общество изучения русской усадьбы, общественность и ученые стали уделять большее внимание усадебным комплексам. Однако в литературоведении изучению усадебного мира и его влияния на литературный процесс до недавнего времени уделялось крайне мало внимания.

При отнесении того или иного комплекса к русской усадьбе необходимо учитывать один из важных факторов — тиражирование в усадьбе традиций усадебной культуры, согласно которым

для ее обитателей является особенно важным дружеское общение, способствующее отдыху и формированию особого культурного пространства. Многие же другие характеристики усадебного комплекса вариативны. Социальный статус помещика обеспечивает (подтверждает) именно наличие усадьбы, беспоместные дворяне не являлись помещиками. В то же время некоторые крестьянские усадьбы могли быть весьма больших размеров и включать целый ряд жилых и хозяйственных построек, их владельцы нередко были весьма состоятельными людьми и имели наемных работников.

Если мы обратимся к музеям-заповедникам, сохраняющим культурные традиции и архитектуру разных народов России, то обнаружим, что в музееведении под усадьбами нередко понимаются не только дворянские усадьбы, но и комплексы крестьянских построек. Показателен в этом отношении архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай» в Республике Удмуртия, раскинувшийся на территории бывшего русского починка Ильинка. В экспозиции под открытым небом представлены различные экспозиционные комплексы, свидетельствующие о разнообразии архитектурных построек и быта жителей разных районов Удмуртии. Предметом изучения здесь становится прежде всего крестьянская усадьба[5].

В данной монографии нас интересуют русская помещичья усадьба и во многом ориентированная на сохранение традиций усадебной культуры дача, сыгравшие заметную роль в развитии русской словесности конца XIX — первой трети XX в. Особый интерес представляет — на материале художественных текстов и эпистолярного наследия русских писателей — сопоставление восприятия усадьбы и ее ключевых элементов, а также дачи представителями разных сословий дореволюционной России. При литературоведческом анализе произведений Н.А. Клюева, С.А. Есенина, А. Ширяевца, С.А. Клычкова, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева и некоторых других авторов, в творчестве которых прослеживаются различные варианты интерпретации «усадебного топоса», учитываются научные исследования представителей гуманитарной географии и других естественных и общественных

[5] *Шумилов Е.Ф.* Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы // Искусство Удмуртии. Сб. статей. Ижевск, 1975. С. 215–245.

наук. Это позволяет выявить ряд недостаточно изученных литературоведами особенностей поэтики названных авторов. Прежде всего это касается комплексного анализа «локальных топосов» (в рамках литературоведения этими аспектами занимается геопоэтика), которые нередко играют важную роль в художественных текстах.

Илл. 5. Парк в усадьбе Достоевских Даровое (Московская область). 2018. Фото автора

Значительная часть работы по сбору материала, уточнению библиографических описаний, выявлению неизвестных ранее источников была проведена во время командировок по России и за рубеж по проекту РНФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд».

Некоторые главы написаны на основе докладов, прозвучавших на международных конференциях и научных семинарах, проводившихся в рамках реализации названного проекта, а также на других научных мероприятиях, в числе которых ежегодные конференции, посвященные биографии и творчеству С.А. Есенина, московские Анциферовские чтения, Клюевские чтения, проводящиеся в Санкт-Петербурге и Вытегре. При работе над монографией учтены прозвучавшие после докладов предложения, итоги дискуссий. Особая благодарность за ценные советы руководителю проекта РНФ «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный

и зарубежный взгляд» О.А. Богдановой, руководителю Есенинской группы ИМЛИ Н.И. Шубниковой-Гусевой, ответственному редактору монографии Е.В. Глуховой, рецензентам — А.Г. Гачевой и А.А. Журавлевой, а также всем членам научного коллектива, реализующего проект «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд», сотрудникам отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья под руководством Н.В. Корниенко. Знакомству с литературными усадьбами России способствовало участие автора монографии в проектах под руководством Г.А. Зайцевой, а также работа в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина и Государственном историко-культурном и природном музее-заповеднике А.С. Грибоедова «Хмелита», за внимание и поддержку я признателен директорам этих музеев — Б.И. Иогансону и Н.В. Кулаковой, музейным сотрудникам.

ЧАСТЬ I

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЕКТОРЫ В ИЗУЧЕНИИ «УСАДЕБНО-ДАЧНОГО ТОПОСА»

ГЛАВА 1

Пространство культурное и пространство литературное: между географией, литературоведением и искусствознанием

В филологические науки все более активно проникает терминология, применяемая в смежных, а иногда и более далеких по методологии дисциплинах. Такие процессы вызывают необходимость изучения различных вариантов употребления подобных терминов. Нужно понять, насколько они важны и актуальны или же это кальки с других языков, новое наименование уже давно существующего и ранее широко применявшегося понятия, имеет ли смысл брать на вооружение новые термины или же следует использовать устоявшийся тезаурус филологической науки. В данной работе нас интересует терминология, используемая в различных научных дисциплинах при характеристике «усадебных текстов» русской словесности.

В статье О.А. Богдановой «“Усадебная культура” в русской литературе XIX — начала XX века. Социокультурный аспект»[1] показано, что «всемирность» и «почвенность» русской классической литературы во многом обусловлены тем, что ее создатели, европеизированные дворяне, благодаря усадебной близости с самобытным народом сумели выразить его миросозерцание общеевропейским художественным языком. Напротив, городская разночинная интеллигенция Серебряного века, чуждая «усадебной культуре», утратила непосредственную связь с народом и создала литературу, далекую

[1] *Богданова О.А.* «Усадебная культура» в русской литературе XIX — начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 14–25.

от русского национально-религиозного «предания», — не «почвенную», а «катастрофическую». Такое противопоставление различных культурных установок находит подтверждение со стороны географов, занимающихся изучением культурных, в том числе литературных ландшафтов. Так, географ и культуролог Д.Н. Замятин отметил:

> …территория усадьбы являло собой дидактическое пространство европейского культурного ландшафта в том виде и в тех образах, как они были поняты и представлены в российском культурном «истэблишменте»[2].

Для выявления используемых географами терминов, которые могут применяться в филологии, нужно иметь представление о структуре географической науки. В контексте данного исследования наибольший интерес представляет социально-экономическая (или общественная) география, которая изучает территориальную организацию общества, ее законы и закономерности. Социально-экономическая география подразделяется на экономическую, социальную, политическую и культурную географию. В культурной географии выделяют литературную географию, актуальную при изучении усадебных комплексов литературоведами.

В числе важных объектов изучения гуманитарной географии — произведения словесности. Нередко художественные тексты используются как источник сведений о природе того или иного региона, о природных и культурных ландшафтах. Показателен в этом отношении круглый стол «Культурные ландшафты Константина Паустовского», прошедший 4 февраля 2018 г. в рамках выставки «Константин Паустовский. Без купюр», посвященной 125-летию со дня рождения К.Г. Паустовского. Его провел председатель правления Общества изучения русской усадьбы, заместитель председателя Союза краеведов России, научный руководитель «Школы наследия», доктор географических наук Ю.А. Веденин. В круглом столе участвовали сотрудники национальных парков, экологи, географы, в числе которых Д.Н. Замятин — главный научный сотрудник Высшей школы урбанистики ВШЭ, основатель и руководитель Центра гуманитарных исследований пространства РНИИ культурного и

[2] *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 187.

природного наследия им. Д.С. Лихачева, кандидат географических наук, доктор культурологии; В.Н. Калуцков — ведущий научный сотрудник кафедры физической географии и ландшафтоведения географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор географических наук; М.Е. Кулешова — руководитель сектора правовых проблем управления культурными ландшафтами РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, кандидат географических наук; В.П. Чижова — ведущий научный сотрудник кафедры физической географии и ландшафтоведения географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат географических наук. Тематика круглого стола: 1. Паустовский как творец новых культурных ландшафтов. 2. Русский лес К.Г. Паустовского. 3. Культурно-экологическая тема в творчестве и общественной деятельности К.Г. Паустовского. Это научное заседание красноречиво продемонстрировало, насколько велик интерес географов к творчеству и биографии русского писателя. Выступавшие ученые неоднократно апеллировали к художественным текстам Паустовского, отмечая их важность для прояснения истории отдельных экосистем, развития природных процессов, для раскрытия влияния человека на окружающую среду. Также рассматривалась деятельность Паустовского, содействовавшая повышению уровня комфорта жителей Тарусы, развитию прилегающих к городу природных ландшафтов.

Вслед за В.Н. Калуцковым и В.М. Матасовым мы рассматриваем литературный ландшафт — «сложный природно-культурный территориальный комплекс, обладающий устойчивым литературным образом»[3] — как одну из разновидностей культурного ландшафта. Названные авторы выделяют, например, «петербургский литературный ландшафт, пермский литературный ландшафт, уральский литературный ландшафт, которые корреспондируют с соответствующими региональными сверхтекстами (петербургским, пермским, уральским)», отмечая при этом

> …гроздь важнейших литературных мест региона. К примеру, орловский литературный ландшафт пространственно отображается как спектр орловских литературных музеев (Тургенева, Буни-

[3] *Калуцков В.Н., Матасов В.М.* Литературный ландшафт и вопросы его развития (на материале Пушкиногорья) // Географический вестник. 2017. № 1 (40). С. 26.

на, Лескова, Леонида Андреева), тургеневской усадьбы Спасское-Лутовиново, других литературных мест[4].

Напомним, что термин «литературный ландшафт» ввел в научный оборот Ю.А. Веденин[5]. Литературный ландшафт — одно из основных понятий литературной географии. В.Н. Калуцков отмечает:

> Предмет литературной географии — взаимодействие литературного и географического пространств; в результате такого взаимодействия формируется литературно-географическое пространство[6].

Культурная география искусства, или, по Ю.А. Веденину, география искусства[7], занимается следующим:

> …изучает и интерпретирует ареалы артефактов и их культурные комплексы, пространственные образы и ландшафты произведений искусства, культурное пространство и географические образы выдающихся деятелей искусства. Среди конкретных исследовательских направлений можно выделить географию живописи, литературную географию, географию музыки, географию кинематографа и др.[8]

Одним из первопроходцев, зачинателей гуманитарной географии является В.П. Семенов-Тян-Шанский (1870–1942) — русский и советский статистик и географ, автор фундаментальных работ о районировании, городском и сельском расселении. Вениамин Петрович — сын известного русского ученого и общественного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. В 1910 г. им была опубликована книга «Город и деревня Европейской России»,

---

[4] *Калуцков В.Н., Матасов В.М.* Литературный ландшафт… С. 26.

[5] *Веденин Ю.А.* Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.

[6] *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 69.

[7] *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997.

[8] *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет… С. 69.

в которой были рассмотрены зональные типы сельского расселения, это была первая монография по геоурбанистике. В 1928 г. на основе лекционных курсов Семенов-Тян-Шанский издал работу «Район и страна», которая крайне важна для нашего анализа. Ученый сопоставляет и сближает восприятие явлений с помощью научного знания и средствами искусства.

Одна из глав книги — «География и искусство» — раскрывает тесное взаимодействие науки и искусства, закладывая основы культурной географии. Ученый отмечал:

> Для всякого рода изображений у человека имеется четыре средства. Первое из них — лепка природных форм, второе — графика их посредством линий и штрихов, третье — изображение посредством красочных пятен и мазков и четвертое — передача впечатлений от них посредством слова и звука. Отсюда логически заключаем, что все виды искусства, пользующиеся этими средствами, должны иметь связь с географической наукой…[9]

В.П. Семенов-Тян-Шанский рассматривал взаимодействие географической науки со всеми видами искусства, останавливаясь и на литературном творчестве:

> Особенно близка к чисто научному географическому описанию художественная проза. <…> Впечатление, производимое на географа словом художественной прозы, нередко усугубляется и делается еще обворожительнее в стихах, с их правильно чередующимися ударениями и созвучиями, вносящими сюда музыкальный элемент. Когда же стихи положены на музыку, то получается дальнейшее усовершенствование в смысле глубины и силы воздействия на слушателя…[10]

Художественная литература, а также другие искусства важны для географа, поскольку они представляют для его изучения различного рода описания и образы, и здесь наибольший интерес обретает ландшафт — как природный, так и культурный. Вместе с

---

[9] *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 262.

[10] Там же. С. 267.

тем литературное творчество приводит к формированию и специфического литературного ландшафта.

Современные исследователи развивают идеи Семенова-Тян-Шанского. Показательным примером является монография О.А. Лавреновой «Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков (геокультурный аспект)». Исследователь отмечает:

> Через художественную литературу возможно с большой степенью достоверности исследовать геокультурное пространство в целом и информационную составляющую отдельного культурного ландшафта. Художественная литература, фиксирующая в себе пространственные образы, стереотипы и символы своего времени, кроме того, является богатым материалом для изучения динамики формирования пространственных образов[11].

Безусловно, одну из ключевых позиций при формировании литературного ландшафта занимают усадебные комплексы, исторически сложившиеся в результате тесного взаимодействия, а порой и взаимопроникновения природных ландшафтов и антропогенной составляющей, связанной с деятельностью человека, преобразующего природные ландшафты в ландшафты культурные. Ю.А. Веденин так охарактеризовал состав усадебного комплекса:

> …господский дом с флигелями (порою образовывавшие ансамбль дворцового типа), сад или парк, хозяйственные службы, связанное с усадьбой сельское поселение с церковью, а также принадлежащие владельцу усадьбы поля и лесные угодья[12].

Таким образом, по Веденину, усадебный комплекс вбирал в себя не только собственно помещичью усадьбу, но и окрестные общественные пространства, крестьянские усадьбы и другие объекты. Усадебный комплекс — это культурный ландшафт, часто простирающийся на несколько километров. Для культурного,

---

[11] *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998. С. 22.

[12] *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. С. 17.

в частности литературного, ландшафта важна такая протяженность. Всестороннее рассмотрение ландшафта дает возможность изучить взаимодействие отдельных компонентов усадебного комплекса, отметить вписанность рукотворных построек в природный ландшафт, проследить, что и как было изменено при приспособлении природной территории к нуждам человека.

Многие русские усадьбы, т. е. помещичьи усадебные комплексы, расположенные преимущественно в центральных районах Европейской России, могут рассматриваться в качестве литературных ландшафтов, поскольку они связаны с жизнью писателей и нашли отражение в их творчестве. Некоторые литераторы являлись владельцами усадеб или жили в них длительное время, другие приезжали в гости на короткие периоды, третьи любили путешествовать, и усадьбы входили в их маршруты. К тому же русские усадьбы являются одним из излюбленных мест, где происходит действие произведений русской словесности, а владельцы и гости усадеб становятся прототипами литературных персонажей. Все это привлекает филологов к исследованию усадебных комплексов, их важнейших составляющих, к раскрытию историко-культурных контекстов. Нередко знакомство с жизнью и бытом усадеб позволяет открыть новые страницы творческой истории художественных произведений. Анализ контекстов эпохи неминуемо приводит к междисциплинарным исследованиям, прежде всего в поле зрения оказывается гуманитарная география, привлекают внимание культурные ландшафты, история их формирования и развития, а также вопросы сохранения культурного наследия, актуальные при создании и развитии музеев-заповедников и музеев-усадеб, определении их охранных зон, при разработке документов, фиксирующих предмет охраны и территории достопримечательных мест.

Выделение литературного ландшафта как разновидности культурного ландшафта достаточно условно, поскольку одни и те же ландшафты часто вдохновляли на творчество не только писателей, но и художников, композиторов, деятелей театрального искусства. И все же часто именно литературные произведения и связанные с ландшафтной первоосновой литературные образы становились основой для формирования культурных ландшафтов и определяли их значимость для отечественной культуры.

Яркими примерами формирования на основе литературных ландшафтов ландшафтов культурных могут служить писательские усадьбы, сохранившиеся в составе музеев-заповедников и музеев-усадеб России и развивающиеся как целостные комплексы, часто в составе достопримечательных мест.

Так, литературный ландшафт «Ясной Поляны» — пространство, связанное с жизнью Л.Н. Толстого, отразившееся в его творчестве, детально описанное в воспоминаниях и исследованное

Илл. 6. И.Е. Репин: Пахарь. Лев Толстой на пашне. 1887. Государственная Третьяковская галерея

специалистами, — расширяется до культурного ландшафта благодаря работам многочисленных художников, запечатлевших образы усадьбы, ее жителей и окрестности. Полотна живописцев, авторов работ об усадебном комплексе «Ясная Поляна», хранятся в различных музейных собраниях: Государственной Третьяковской галерее, Государственном мемориальном и природном заповеднике «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”», Государственном музее Л.Н. Толстого, Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля, Государственном музейно-выставочном центре «РОСИЗО», Государственном мемориально-архитектурном комплексе «Музей-усадьба П.И. Чайковского» и др. Деятели искусства запечатлели виды толстовской усадьбы в разные времена года. На их полотнах предстают усадебные постройки, аллеи, могила писателя, окрестности Ясной Поляны. Благодаря тому, что произведения создавались на протяжении длительного времени,

мы можем проследить, как менялся ландшафт в течение почти полутора столетий.

Одной из самых ранних и при этом относящейся к числу наиболее известных картин, представляющих ландшафт Ясной Поляны, является полотно И.Е. Репина «Пахарь. Лев Николаевич Толстой на пашне» (1887). Несколько позже была создана картина С.Н. Салтанова «Ясная Поляна. Уголок парка» (датировка: конец XIX — начало XX в.). Картина М.М. Галкина «Дорога в усадьбу "Ясная Поляна" со станции "Засека"» датируется ориентировочно 1900–1911 гг. На этом полотне прекрасно просматривается ландшафт — проселочная дорога петляет среди пашен и лесов. Картина того же автора «Ясная Поляна. Дом Л.Н. Толстого ночью» запечатлела усадебный дом вскоре после смерти писателя — произведение датируется 1913 г. На картине В.С. Баюскина «Ясная Поляна. Крыльцо литературного музея» (1943) предстают гости усадьбы и запряженная в сани лошадь.

Работы художников позволяют в какой-то мере восстановить окружение Л.Н. Толстого. В числе таких работ «Портрет сторожа музея-усадьбы "Ясная Поляна" Ивана Васильевича Егорова (бывший кучер Толстых)» А.Н. Чеботаревского (1940-е гг.). Интерьеры усадебного комплекса фиксируют картины Е.А. Калачева «Ясная Поляна. Туалетный стол в комнате Софьи Андреевны Толстой» (1923) и Е.С. Денисенко «Ясная Поляна. Угол кабинета Л.Н. Толстого» (1924).

На полотне В.Я. Фролова «Ясная Поляна. В саду Л.Н. Толстого» (1936) изображена не только хозяйственная постройка — сарай, но и стоящие около него корзины с яблоками, а также женщина, несущая на плече корзину. Культурный пейзаж оживает, раскрывается бытовая жизнь усадьбы. Значительный интерес для исследователей культурного ландшафта представляют картины В.С. Константинова «Ясная Поляна. Въезд в усадьбу со стороны деревни» (1956), Ю.В. Пузырева «Ясная Поляна» (1960), В.В. Щербакова «Вечер. Ясная Поляна» (1983), А.С. Макарова «Ясная Поляна. Прудище» (1998), С.В. Ширенкова «Ясная Поляна. Подкапустник» (2001) и др.

Отметим, что некоторые современные художники включают в свои работы приметы, позволяющие соотнести ландшафт с мемориальным периодом. Например, на картине В.И. Бочарова «Ясная Поляна. Дом Волконского» (2001) предстают косарь и запряжен-

ная в повозку со скошенной травой лошадь. Порой в работах художников на фоне местных пейзажей возникает мифологизированный образ писателя — как на картине Г. Пласкеева «Лев Толстой с яснополянскими детьми» (1968). На полотне маститый писатель предстает на лесной поляне в окружении счастливых опрятно и даже празднично одетых детей.

Илл. 7. Парк в усадьбе Л.Н. Толстого Ясная Поляна. 2018. Фото автора

Усадьба и ее обитатели запечатлены в альбоме фото-тинтогравюр «Ясная Поляна. Жизнь Л.Н. Толстого». Усадебные ландшафты также нашли отражение в графике и декоративно-прикладном искусстве. Например, яснополянский дом и портрет писателя предстают на шкатулке «Лев Толстой. Ясная Поляна», созданной из дерева и металла в 1880–1890-е гг.

Для поклонников А.А. Блока интерес представляет серия линогравюр В.С. Китаева, на которых представлен усадебный комплекс Шахматово («Тополь в Шахматово. “Огромный тополь серебристый...”» (1990), «Шахматово. “Пусть светит месяц — ночь темна...”» (1990), «Шахматово. Возлюбленная поляна» (1978)), офорт А.П. Журова «Зима в Шахматове» (1973) и др. произведения.

Для любителей поэзии С.А. Есенина значима собираемая на протяжении полувека фондовая коллекция живописи Государ-

ственного музея-заповедника С.А. Есенина. Важная часть живописных полотен — пейзажи родины Есенина, тех мест, в которых он вырос и куда потом неоднократно приезжал. Несколько репродукций из этого собрания вошло в выпущенный в 1972 г. комплект из 13 открыток «По есенинским местам: живопись рязанских художников»[13], в который включены репродукции следующих произведений: «Сергей Есенин» (1960) И.П. Веселкина, «Рязань. Улица С. Есенина» (1965), «Кузьминская ГЭС (на родине Есенина)» (1965), «Рязань. Площадь В.И. Ленина» (1970), «Я снова здесь в семье родной…» (1970), «Вечер над Окой. Константиново» (1970), «Мемориальная усадьба Есениных» (1970) и «Теплоход “Сергей Есенин”» (1970) С.Ф. Якушевского, «Литературный музей С. Есенина (бывший дом Л. Кашиной)» (1965), «Дорога в Криушу» (1966), «Заливные луга рязанские» (1966), «Рязань индустриальная» (1970) и «Рязань. Первомайский проспект» (1970) А.М. Титова. Подбор иллюстраций отражает приметы того времени — наряду с пейзажами, характеризующими родину поэта, предстает и современная художникам индустриальная Рязань. Полное представление о живописных и графических произведениях, связанных с литературными ландшафтами, оказавшими влияние на формирование поэтической системы Есенина и отразившимися в его творчестве, дает первый том «Каталога коллекций Государственного музея-заповедника С.А. Есенина»[14]. К сожалению, до настоящего времени эти полотна демонстрировались только на выставках. В ближайшее время некоторые из них будут представлены в новой экспозиции литературного музея, который откроется в восстановленном каретном дворе в усадьбе Л.И. Кашиной[15].

---

[13] По есенинским местам. Комплект из 13 открыток. М.: Советский художник, 1972. См. также: Анатолий Михайлович Титов, заслуженный художник РСФСР. По есенинским местам. Живопись: каталог / Рязанская организация Союза художников РСФСР, Управление культуры Рязоблисполкома. Рязань: [Б. и.,] 1989. 32 с.

[14] Каталог коллекций Государственного музея-заповедника С.А. Есенина: В 7 т. / Сост. Б.И. Иогансон, В.С. Титова; под общей ред. Б.И. Иогансона. Т. 1. Изобразительное искусство. Живопись, графика, скульптура. Рязань; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2015. 366 с.

[15] Научная концепция экспозиции разработана в 2019 г. автором данной монографии.

Вопрос о формировании культурных ландшафтов на базе литературных несмотря на наличие ряда исследований[16] требует более детального рассмотрения.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что культурная значимость литературного ландшафта приводит к созданию произведений различных видов искусства. Благодаря этому изначально литературный ландшафт, расширившийся до культурного, не только воспринимается как место, связанное с наследием писателя, с теми пространствами, которые отразились в его произведениях, но и соотносится с изображениями живописцев, графиков и мастеров декоративно-прикладного искусства, которые дают свое прочтение ландшафта, представляют его значимые составляющие, дополняют, а порой и мифологизируют.

Напомним, что филологи в последнее время достаточно широко применяют в своих исследованиях термин *геопоэтика*, который помогает описать географические пространства, важные для текстов писателей. Геопоэтика, а также геоэстетика и геофилософия, по мнению Д.Н. Завьялова, близки по семантическому наполнению поэтике пространства — междисциплинарной области гуманитарно-научных и философских исследований[17]. Названный ученый справедливо отмечает:

---

[16] См., например: *Андреев В.Е.* Понятия «литературного гнезда» и «литературного ландшафта» в изучении тамбовского литературного наследия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 7 (51). С. 130–134; *Хмара Д.Н.* «Произведение места»: культурное пространство усадьбы Гумнищи (по произведениям К. Бальмонта) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 315–319; *Скороходов М.В.* Русская усадьба в контексте литературных ландшафтов: литературоведческие аспекты // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам VII Международной научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 24–25 октября 2018 года. 2018. С. 350–354; *Поздеев А.О.* Литературный ландшафт как объект туристско-рекреационного использования // Региональные проблемы геологии, географии, техносферной и экологической безопасности: Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Вострикова П.В., ПоЛиАРТ, 2019. С. 129–131.

[17] *Замятин Д.Н.* Поэтика пространства // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. 2006. Вып. 4. С. 334–336. См. также: *Башляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004.

> Литературное произведение, образ могут вырастать из географического пространства, пейзажа, ландшафта, города; питаться ими — но и одновременно фактом своего существования создавать их. Поэтика пейзажа — еще не геопоэтика, но пейзаж, осознаваемый как геопоэтический образ, уже есть геопоэтическое орудие. Геопоэтика — это широкое междисциплинарное ментальное поле на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой локально, регионально, иначе говоря — пространственно. Местность, схваченная как образ — поэтический, прозаический, эссеистический, — непосредственно и наиболее качественно (среди всех возможных способов), наиболее экономно географизируется[18].

Многие произведения русской словесности «вырастают» из усадебного пространства, включающего в себя как собственно усадебный комплекс, так и окружающие его территории, которые важны как для биографии многих писателей, так и для развития сюжетов их художественных произведений. Так, Д.Н. Замятин в монографии «Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов» рассматривает географические образы в романе А. Платонова «Чевенгур» и его комедии «Ноев ковчег»[19].

Филологами написано немало работ, в которых при изучении различных локальных текстов рассматриваются вопросы геопоэтики; классическими стали исследования В.Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы[20]. В последнее время число таких исследований возрастает[21].

При литературоведческом рассмотрении литературного ландшафта наибольший интерес вызывают места, связанные с твор-

---

[18] *Гринева Г., Голованов В., Замятин Д., Березин В., Балдин А., Рахматуллин Р., Замятина Н., Балдин П.* Геопоэтика и географика // Октябрь. 2002. № 4. С. 159.

[19] *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. С. 126–143.

[20] *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003; *Топоров В.Н.* Петербургский текст. М.: Наука, 2009.

[21] См., напр.: *Абашев В.В.* Урал как предчувствие // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 125–144; *Абашев В.В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012; *Киши И.* Геопоэтика «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: карта русской истории и невидимой Москвы // Новое литературное обозрение. 2016. № 2. С. 196–208.

чеством писателей, с формированием их системы образов. «Усадебные тексты» русской литературы заслуживают всестороннего рассмотрения. Важно проследить, как ландшафт, приметы быта, характерные для конкретной территории топонимы отразились в литературном творчестве. Исследователи наследия писателей, а также широкий круг туристов отправляются в те места, где жили писатели, где написаны ставшие заметными явлениями отечественной и мировой словесности художественные произведения, поскольку погружение в литературный ландшафт позволяет глубже проникнуть в творческую лабораторию авторов.

ГЛАВА 2

«Усадебная» и «дачная» модели сельской жизни. Помещичьи и крестьянские усадьбы в творчестве представителей «крестьянской купницы»

На протяжении нескольких столетий помещичья усадьба как особая модель сельской жизни была неразрывно связана с расположенными в непосредственной близости от нее сельскими крестьянскими усадьбами, жизнь владельцев помещичьих усадеб испытывала постоянное воздействие обычаев и традиций русского крестьянства. Важную роль в жизни России играла церковь, которая становилась местом встречи помещиков и крестьян во время службы. В.Я. Брюсов в стихотворении «В полях забытые усадьбы…» (1910–1911) связывал процесс постепенного угасания усадебной жизни с оскудением жизни церковной:

В полях забытые усадьбы
Свой давний дозирают сон.
И церкви сельские, простые
Забыли про былые свадьбы,
Про роскошь барских похорон[1].

Единство двух моделей сельской жизни, помещичьей и крестьянской, отмечают не только литературоведы и историки, но и представители гуманитарной географии. Выше мы уже цитировали монографию Ю.А. Веденина «Очерки по географии искусства»

[1] *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения. 1909–1917 / Подготовка текстов и примечания А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1973. С. 31.

(1997), в которой охарактеризован состав усадебного комплекса, включающего в себя не только территорию помещичьей усадьбы, но и окрестные общественные пространства, крестьянские дома и наделы, другие объекты[2].

Необходимо напомнить о весьма существенных изменениях, произошедших в политической и социальной жизни России во второй половине XIX в., которые отразились на состоянии русской усадьбы. Как справедливо отмечает В.Г. Щукин, «после серии судьбоносных реформ 1960-х годов» «в усадьбах стали жить не только дворяне, что не могло не сказаться на стиле жизни, который имел место в этих теперь уже бывших гнездах. Стиль этот становится менее изысканным, но зато более открытым для элементов, чуждых поведению благородного сословия, — другими словами, демократичным в специфически русском значении этого слова»[3]. Для второй половины XIX в. характерен все более усиливающийся со временем процесс, отмеченный Щукиным, — перенос усадебной культурной традиции в измененное пространство — в приобретаемую или арендуемую на летнее время дачу, в купленную и преобразуемую на свой лад купцами или промышленниками бывшую дворянскую усадьбу и т. п.: «культурные функции “дворянского гнезда” все больше стала принимать на себя именно дача, где временно селились или проводили некоторое время представители различных городских сословий»[4]. В дачной жизни «до поры до времени не было ничего оригинального: дачники явно подражали обитателям дворянских гнезд, а почти что всякое подражание невыгодно отличается от оригинала»[5].

Об отличиях «дворянских гнезд» от снимаемых на летнее время помещений в сельской местности размышлял А.П. Чехов, только осваивавшийся в приобретенной им усадьбе Мелихово. 15 мая 1892 г., через два с небольшим месяца после переезда в усадьбу, он сообщал А.С. Суворину:

---

[2] *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. С. 17.

[3] *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. С. 370.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 375.

Мне кажется, что Вы никогда не купите себе имения, потому что ищете того, чего нет. Такого имения, которое нравилось бы покупателю и сегодня и завтра, и в целом и в частностях, не находил, вероятно, еще ни один человек. Чтобы имение нравилось, надо в нем родиться или связать с ним приятное воспоминание. <…> Как привыкают к штанам, так привыкают и к имению. <…> Вам Мелихово ужасно, ужасно не понравилось, и мне оно при покупке не нравилось, но теперь я привык и к полю, и к деревьям, и к людям, и чувствую себя дома. Быть может, я буду со временем каяться и продавать Мелихово, но зато весну я провел великолепно. Хоть день, да мой[6].

Если усадьба не является родовой, связанной с историей семьи, то, по мнению Чехова, мысли о ней не сопряжены с какими-либо воспоминаниями. Однако постепенно происходит освоение незнакомого пространства, которое сначала воспринимается как чужое и именно поэтому вызывает неприязненное или настороженное отношение; затем в нем появляются элементы своего, в том числе и в связи с тем, что это пространство приспосабливается к своим собственным нуждам, окультуривается, наполняется как своими вещами, так и новыми смыслами, понятными и близкими новому владельцу или арендатору.

Чехов, как явствует из процитированного письма, довольно быстро освоился в новой усадьбе, чему способствовал и начавшийся сразу же по приезде ремонт. Писатель делится с корреспондентами впечатлениями, сообщает о проводимых им преобразованиях, которые именно и делают усадьбу «своей». И, что важно для нас, в письме к А.С. Киселеву от 7 марта 1892 г. Чехов описывает структуру усадебного комплекса:

…большое, громоздкое имение, владельцу которого в Германии непременно дали бы титул герцога. 213 десятин на двух участках. Чересполосица. Больше ста десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же изображает собою кустарник. Называют его оглобельным, по-моему же, к нему более подходит название розговой, так как из него пока можно изготовлять

[6] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 5: 1886. М.: Наука, 1976. С. 66.

только розги. <…> Фруктовый сад. Парк. Большие деревья, длинные липовые аллеи. Сараи и амбары недавно построены, имеют довольно приличный вид. Курятник сделан по последним выводам науки. Колодезь с железным насосом. Вся усадьба загорожена от мира деревянною оградою на манер палисадника. Двор, сад, парк и гумно также отделены друг от друга оградами. Дом и хорош, и плох. Он просторнее московской квартиры, светел, тепел, крыт железом, стоит на хорошем месте, имеет террасу в сад, итальянские окна и проч., но плох он тем, что недостаточно высок, недостаточно молод, имеет снаружи весьма глупый и наивный вид <…>. Есть парники. В саду, в 15 шагах от дома, пруд <…>. За двором другой пруд, которого я еще не видел. В другом участке есть речка, вероятно, скверная. В трех верстах река широкая, рыбная. Посеяно 14 десятин ржи. Будем сеять овес и клевер[7].

О некоторых деталях осваиваемого пространства и проводимых работах по его приспособлению к собственным нуждам Чехов пишет тогда же (6–7 марта 1892 г.) и Суворину:

Сижу в своем кабинете с тремя большими окнами и благодушествую. Раз пять в день выхожу в сад и кидаю снег в пруд. <…> Ужасно много хлопот. Чистим, моем, красим, обновляем кое-где полы, переносим кухню из дому в людскую, ставим скворешни, возимся с парниками и проч. Если бы я не был занят своим делом, то весь день проводил бы на дворе. С формальностями по покупке уже покончено. Купчая утверждена[8].

Для нашей работы важно обозначить специфику помещичьей усадьбы. Как верно отмечают Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова,

…помещичья усадьба (как и европейский замок или дворец) не была деревенским домиком в прямом смысле этого слова. С самого начала она претендовала на то, чтобы быть пространством культуры, но в естественном, природном ландшафте. Тем самым, в определенном смысле, она занимала положение промежуточное (между городом и деревней), объединяя в себе не толь-

[7] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 5. С. 18–19.

[8] Там же. С. 16.

ко преимущества двух составляющих данной оппозиции, но и их недостатки[9].

Поэтому сельская помещичья усадьба, с одной стороны, сближается с городской усадьбой, для которой более значимы атрибуты городской культуры и традиционного для города быта, с другой — с более демократичной (в большинстве случаев) дачей, жители которой стремились к единению с природой, к отдыху в естественных, в меньшей степени, чем в усадьбах, окультуренных ландшафтах, в силу обычно небольшого по сравнению с традиционной усадьбой земельного надела более тесно общались с соседями.

Жизнь на дачах и в усадьбах била ключом в летний период, а на зиму владельцы родовых усадеб, как и обитатели собственных или арендуемых дач, возвращались в города.

«Усадебный топос» тиражировался в новых условиях (в период после отмены крепостного права) как владельцами усадеб, их гостями, имевшими практический опыт жизни в усадебных комплексах, так и благодаря литературной традиции — несмотря на упоминание дач в ряде художественных текстов первой половины XIX в., в произведениях русской классической литературы традиционно преобладали усадебные контексты, которые во многом формировали культурную традицию. Со временем на основе «усадебной модели» сформировалась модель «дачной жизни», ставшая весьма распространенной и достаточно широко тиражируемой и в реальной жизни, и в литературных произведениях.

Отличия дачи от помещичьей усадьбы весьма существенны. Усадьба была достаточно замкнутым и при этом обычно обширным пространством, отделенным от других территорий изгородью или иными способами, со своей планировкой, зонированием территории (участок с главным домом и флигелями, садовая, парковая и хозяйственная зоны, система прудов). Общественным пространством, в котором происходила встреча владельцев усадеб с крестьянами, являлась прежде всего церковь. Частыми были поездки владельцев усадьбы к своим соседям-помещикам. Для дачи (если не считать богатых частных дач, расцвет которых пришелся на первую половину XIX в.) в силу ее большей

[9] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. [2-е изд.]. М.: О.Г.И, 2008. С. 16.

демократичности характерно значительное число общественных пространств, мест общего пользования, где встречались и общались дачники, близкие друг другу по социальному статусу и / или по материальному состоянию. Именно поэтому «дачные местности» существенно отличались одна от другой знатностью и богатством обитателей. Дачниками-соседями, как правило, становились люди «своего круга».

Дачи существовали в России и ранее середины XIX в., имея и в ту пору весьма существенные отличия от дворянской усадьбы. Щукин, основываясь на анализе различных источников, в том числе материалов путешествовавших по России иностранцев, отмечает:

> В отличие от поместья, как источника «кормления» служилых людей, дача была местом отдыха и не выполняла сколько-либо значительных хозяйственных функций. Она чаще всего представляла из себя сруб, окруженный садом или небольшой рощицей[10].

Подобные дачи появлялись еще в XVII в. в ближайших окрестностях Москвы, несколько позже, в начале XVIII в., возникли вдоль Невы в годы строительства Петербурга. По мере развития городов и расширения их территорий дачи перемещаются за пределы городской застройки. Именно с петровским временем связан, вероятно, наиболее ранний период «дачного бума» в России. Организован он был на самом высоком государственном уровне:

> Острова в дельте Невы — Каменный, Крестовский, Елагин, Петровский — были бесплатно отданы Петром I под дачи с тем, чтобы владельцы этих участков исполняли «дачную повинность», то есть обрабатывали их, устраивали там сады и парки. Неписаный закон гласил, что чем богаче был владелец, тем обширнее, грандиознее должна была быть у него дача[11].

Возникновение дач справедливо рассматривается как определенный этап развития российского общества:

---

[10] *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. С. 371.

[11] Там же.

Дачи наемные, которые снимались на лето не только людьми богатыми, но и средней руки горожанами, появляются в России в тот момент, когда возникает потребность интимного переживания красот природы, то есть в период «сентиментальной революции» конца XVIII столетия[12].

Дачи нередко упоминаются и в художественной литературе, вспомним здесь, к примеру, «Послание к А.И. Тургеневу» (1818) К.Н. Батюшкова.

Второй период «дачного бума» относится ко времени развития железнодорожной сети, прежде всего в окрестностях двух столичных городов — Москвы и Санкт-Петербурга (в них входили и расположенные недалеко от столицы России территории Финляндии). В 1847 г. А.П. Башуцкий в очерке с характерным заглавием «Петербург на даче» пишет о «дачемании»[13]. Если первые дачи возникали непосредственно за городской чертой, чтобы до них можно было без труда добраться на лошадях (в каретах, колясках и др.), то дачи середины — второй половины XIX в. появляются на значительно большем удалении от крупных городов, существенно расширивших за полтора столетия (со времени первого «дачного бума») свои площади. Все более быстрый железнодорожный транспорт позволял владельцам или арендаторам дач за несколько часов добраться из центра городов, где они жили, до своих дач.

Вслед за Щукиным отметим «важное социальное отличие наемной дачи от усадьбы» — дачей мог владеть или же проживать на ней любой человек вне зависимости от его сословной принадлежности:

Если владеть доходными земельными угодьями мог в России конца XVIII — начала XIX в. только дворянин, то дачу позволительно было нанять любому свободному горожанину. Потому купец вносил в дачную жизнь свой, купеческий стиль жизни, а ремесленник свой. В то же время любой обитатель дачи жил по законам досужего времяпрепровождения, праздной жизни на лоне

[12] *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. С. 372.

[13] *М.* [Башуцкий А.П.]. Петербург на даче // Иллюстрация. 1847. Т. V. № 32 (116). С. 118.

природы — и это частично роднило жизнь дачника с жизнью помещика[14].

С отменой крепостного права, ускорением промышленного развития социальная принадлежность владельцев усадеб и дач постепенно меняется. К тому же в конце XIX — начале XX в. наблюдается такое явление, как совмещение на одной территории традиционной русской усадьбы и дачи. Это происходит по следующей причине: владельцы усадеб сдают часть своих помещений (например, флигели или отдельные этажи, комнаты главного дома) дачникам. В результате появляется не встречавшийся ранее феномен — пересечение в рамках одного пространства двух вариантов летнего времяпрепровождения. Примеры такого совмещения пространств будут приведены ниже при рассмотрении конкретных произведений. Традиционная замкнутость усадебного пространства разрушается, на территории появляются «чужие» люди, не гости, а арендаторы. Такая трансформация имеет чисто экономические причины — сдача в аренду усадебных помещений позволяет зарабатывать средства для поддержания в надлежащем состоянии усадебного комплекса.

Интерес к дачам настолько возрастает, что появляются специальные справочники, освещающие вопросы, связанные с этим аспектом жизни и отдыха. Справочники, включавшие информацию о дачах, стали издаваться с середины XIX в.[15]. Более интенсивно дачное строительство продолжалось в конце XIX — начале XX в., и в этот период публиковались соответствующие путеводители, посвященные дачам в окрестностях Санкт-Петербурга[16] и

---

[14] *Щукин В.Г.* Российский гений просвещения. С. 372–373.

[15] В числе первых — Путеводитель к замечательным окрестностям Московским, ближним и дальним, заключающий в себе исчисление мест для богомолья, прогулок, найма дач, ружейной охоты, пикников и проч.: Также с показанием ярмарок и торжищ в некоторых местах, приблизительных цен за наем лошадей, за постой на лет. квартирах и ночлегах и проч., также с показанием дорог, ведущих к окрестностям Москвы, как-то: к монастырям, к гуляньям, к дачам, к лагерям, к кладбищам и ко всему, касающемуся для мест пребывания и времяпрепровождения, служащий справкою как иногородним, так и московским жителям. М.: Типография Семена, 1855. 63 + V с.

[16] Путеводитель по дачным местностям, водолечебным заведениям и морским купаниям в окрестностях С.-Петербурга и по железным дорогам: финляндским и Балтийской: С указанием цен и размеров дач, двумя подробными карт., многи-

Москвы[17]. Все более активно развивается и дачное строительство в Крыму, в связи с этим обратим внимание на посвященные крымским дачам издания[18]. Отметим, что уже в советские годы трудами Общества изучения русской усадьбы издавались путеводители по дачам[19].

ми рис. и др. прил.: 4 год. 1889 / Сост. и изд. Н. Федотов. СПб. 1889. IV + 288 с.; Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным живописным местностям Финляндии: С новыми картами, иллюстрациями и словарем / Сост. и изд. Н.П. Федотов. Год 6. 1899. СПб., 1899. VI, 251 с.; Финляндия: Путеводитель по дачным и водолечебным местностям Финляндии и живописным районам восточной части ее с приложением 7 карт / Сост. К.Б. Гренгаген. СПб.: Линдеберг, 1899. 275 с.; Путеводитель по дачным окрестностям г. С.-Петербурга... Санкт-Петербург: О.С. Иодко, 1903–1908. На 1907 год: [V год изд.]. СПб.: О.С. Иодко, 1907. 38 с.; Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным живописным местностям Финляндии: С картами и планами / Сост. и изд. Н. Федотов. Год 7. 1905. СПб., 1905. 89 с.; Дачный указатель: Руководство для едущих на дачу: Путеводитель для туристов и экскурсантов / СПб.: Электропечатня К.А. Четверикова, 1910. 156 с. и др. Некоторые из названных книг выходили неоднократно в разные годы.

[17] См., например: *Любецкий С.М.* Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде: для выбора дач и гулянья: здесь также описывается характеристика и быт московских жителей дедовских и наших времен: гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события: очерк истории земледелия и садов с древнейших времен. М.: Тип. Индриха, 1877. 322 с.; Дачный справочник и путеводитель по окрестностям Москвы с картой. 1907 / Изд. С.С. Кальмансон. 1-е изд. М.: Тип. О.Я. Бурче, [1907]. LXXVIII + 79 с.

[18] Новейший путеводитель по Крыму на 1912 год: Необходимые сведения для туристов и приезжих больных: Справочник лечебных заведений, дач, гостиниц, торгово-промышленных фирм, разных учреждений и лиц. Евпатория: З.Б. Каганович и К°, [1912]. 304 с. (Отметим, что первое издание, выпущенное тиражом 15 000 экземпляров, предназначалось для бесплатного распространения.); Новейший путеводитель по Крыму на 1913 год: Необходимые сведения для туристов и приезжих больных: Справочник лечебных заведений, дач, гостиниц, торгово-промышленных фирм, разных учреждений и лиц. Евпатория: З.Б. Каганович и К°. [2-й г. изд.], [1913]. 320 с.; *Кузьменко В.М.* Дачный поселок Новый-Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма: Перечень снимков с кратким описанием местности. Ялта: Типография Н.Р. Лупандиной, 1913. 14, II с. и др. См. также главу 8.

[19] Дачи и окрестности Москвы: Путеводитель с приложением 24 планов дачных местностей и карты окрестностей Москвы / Составлен Картографической комиссией Общества изучения русской усадьбы. М.: Издательство Московского коммунального хозяйства, [1928]. 196 + 8 с. + 1 л. карта. (Это издание включало достаточно пространный раздел «Планы дачных местностей», представляющий

Все сказанное о трансформации традиционного «усадебного топоса» под воздействием активного дачного строительства, сопровождающегося общей демократизацией и постепенным формированием «дачного топоса», можно подтвердить довольно многочисленными и разнообразными примерами.

Для иллюстрации существенных модификаций «усадебного топоса», испытывавшего все более значительное влияние дачного варианта летнего времяпрепровождения, обратимся к истории еще одной усадьбы, связанной с биографией и творчеством Чехова. За несколько лет до приобретения усадьбы Мелихово писатель проживал в усадьбе Богимово под Алексином.

О радости приезда в эту сельскую местность, где можно было ощутить себя на лоне природы, Чехов писал 20 мая 1891 г. Суворину:

> Я перебрался на другую дачу. Какое раздолье! В моем распоряжении верхний этаж большого барского дома. Комнаты громадные; из них две величиною с Ваш зал, даже больше; одна с колоннами; есть хоры для музыкантов. Когда мы устанавливали мебель, то утомились от непривычного хождения по громадным комнатам. Прекрасный парк; пруд, речка с мельницей, лодка — всё это состоит из множества подробностей, просто очаровательных[20].

Для нас процитированное письмо интересно еще и тем, что в нем Чехов достаточно подробно объясняет Суворину, как добраться до его дачи. Этот способ поездки на достаточно удаленные от крупных городов дачи типичен, поэтому приведем фрагмент чеховского письма:

значительный интерес для исследователей; здесь представлены планы населенных пунктов как утративших самостоятельный статус и входящих ныне в состав Москвы (города Кунцево, Перово, Кусково, поселки Вешняки, Люблино, Новогиреево), так и тех, которые и сейчас являются московскими пригородами (поселки Одинцово, Малаховка, Красково, Сходня)). См. также переиздание: Дачи и окрестности Москвы: Путеводитель с приложением 24 планов дачных местностей и карты окрестностей Москвы / Составлен Картографической комиссией Общества изучения русской усадьбы. 2-е изд. М.: Мосрекламсправиздат, 1930. 160 с.: ил., карты.

[20] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 4: Январь 1890 — февраль 1892. М.: Наука, 1976. С. 233.

Если Вы вздумаете приехать ко мне, то вот Вам маршрут: Москва, из Москвы с двенадцатичасовым ночным поездом в Тулу (брать билет до Алексина), в Туле пересадка на поезд, идущий в Калугу; прибыв утром в Алексин, Вы спрашиваете, где ямщик Гущин; сей человек довезет Вас к нам на паре с колокольчиками; рессорных экипажей нет[21].

Как видим, путешествие было довольно продолжительным, но при этом не очень утомительным. Выезд в такие места подходил для тех случаев, когда арендатор дачи или его гость отправлялись в сельскую местность на несколько дней или недель. Поскольку железнодорожный транспорт был одним из самых распространенных способов поездки на дачу, расписание поездов нередко включали в путеводители по дачным местностям. В ряде случаев, например в Крыму, дачники путешествовали и водным транспортом — об этом также свидетельствуют путеводители.

Традиционная русская помещичья усадьба последних десятилетий XIX в. совмещает функцию усадьбы для его прежнего владельца и функцию дачи — для нанимателей отдельных усадебных помещений. Об этом свидетельствует письмо Чехова М.В. Киселевой из Богимово от 20 июля 1891 г.:

Живем мы в Тарусском уезде Калужской губ<ернии>, в селе Богимове, в усадьбе некоего молодого барина, щеголяющего в рубахе навыпуск и в больших сапогах, очень рассеянного, либерального и держащего у себя в экономках рыжую, беззубую девицу, которую зовут Аменаисой Эрастовной. Громадный дом, отличный парк, неизбежные виды, при взгляде на которые я обязан почему-то говорить: «Ах!», речка, пруд с голодными, любящими попадаться на удочку карасями, масса больных, запах йодоформа и прогулки по вечерам[22].

Вновь обратимся к эпистолярному наследию Чехова, теперь для документирования еще одной существенной особенности дачной жизни — наличия общественных пространств, на которых проходило общение соседей. В письме к Суворину из Богимово от 27 мая 1891 г. Чехов сообщал:

---

[21] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 4. С. 233.

[22] Там же. С. 250.

…мы устроили себе рулетку. Ставка не больше копейки. Доход рулетки идет на общее дело — устройство пикников[23].

Спустя три недели, 16 июня 1891 г., Чехов сообщает тому же адресату:

Затеваем пикники, и ничего у нас не выходит. Был один пикник, на котором знакомились все дачники[24].

Как видим, дачники знакомились друг с другом, однако их совместные планы не всегда успешно реализовывались.

Сданная в аренду помещичья усадьба дала приют сразу нескольким арендаторам. И в этом, как уже отмечалось, состояла одна из особенностей проживания на усадебной территории дачников. Об этом — в письме Чехова Киселевой из Богимово от 20 июля 1891 г.:

В одной усадьбе с нами живут: зоолог Вагнер с семьей и Киселевы, но не те Киселевы, а другие, ненастоящие. Вагнер ловит козявок и пауков, а Киселев-отец пишет этюды, так как он художник. Бывают у нас спектакли, живые картины и пикники. Очень смешно и весело[25].

Воспоминания о летней жизни в Богимове (как, впрочем, и на других дачах, по этому поводу существуют разные версии и обоснования) отразились и в художественном творчестве Чехова. Так, в «Доме с мезонином (Рассказ художника)» (1896) читаем:

Это было 6–7 лет тому назад, когда я жил в одном из уездов Т-ой губернии, в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддевке, по вечерам пил пиво и всё жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия. Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме

[23] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 4. С. 233. С. 235.
[24] Там же. С. 241.
[25] Там же. С. 250.

широкого дивана, на котором я спал, да еще стола, на котором я раскладывал пасьянс[26].

В числе вероятных источников приведенного описания, как и характеристики места действия рассказа в целом, называют усадьбу Горки Тверской губернии (с этим, в частности, соотносят слова: «…я жил в одном из уездов Т-ой губернии»). Впечатлениями от посещения этой усадьбы Чехов делится в письме к Суворину от 5 июля 1895 г.:

…ст. Троица Рыбинск<о->Бологов<ской> дор<оги>. Сюда я только что приехал и располагаюсь в двухэтажном доме, вновь срубленном из старого леса, на берегу озера. Вызвали меня сюда к больному. Вернусь я домой, вероятно, дней через 5 <…>. Имение Турчаниновой[27].

Как свидетельствует эпистолярный источник, Горки — не арендованная дача, а место временного пребывания Чехова, что обусловлено его врачебной практикой.

Знакомство с мемуаристикой, эпистолярным и художественным наследием русских авторов позволяет выявить разные модели дачного варианта времяпрепровождения. Один из них, весьма необычный, Чехов советует опробовать Суворину, в письме к которому от 19 мая 1892 г. пишет:

Знаете что? Соберите Вы все Ваши рукописи, поезжайте в Троицкую лавру и займите там самый лучший номер. Это будет превосходная дача, и не свяжет она Вас[28].

Проживание в Троице-Сергиевой лавре в отведенных для паломников помещениях рассматривается Чеховым как вариант дачной жизни.

---

[26] *Чехов А.П.* Дом с мезонином (Рассказ художника) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 9. Рассказы, повести 1894–1897. М.: Наука, 1977. С. 174.

[27] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 6: 1887. М.: Наука, 1976. С. 65.

[28] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 5. С. 69.

Можно было бы привести немало других цитат, уточняющих или дополняющих то, о чем пишет русский драматург, но для нашей работы достаточно этих весьма ярких примеров, демонстрирующих специфику процесса развития усадебно-дачных пространств в конце XIX — начале XX в. К тому же в других частях нашей монографии достаточно подробно анализируется значительное число «усадебных» и «дачных» произведений разных авторов.

В художественных произведениях и научных исследованиях нередко упоминаются крестьянские усадьбы, имеющие немало отличий от того культурно-исторического феномена, который принято называть русской усадьбой, т. е. по преимуществу усадьбой помещичьей. В разных регионах России помещичьи усадьбы отличались по структуре, также различия были обусловлены имущественным положением владельцев. Процесс обеднения помещиков усилился после отмены в России крепостного права. Интересно рассмотреть, как различия между крестьянской и помещичьей усадьбами отразились в произведениях отечественной словесности.

«Усадебный топос» значим для самых разных русских писателей на протяжении нескольких столетий. В подавляющем большинстве это авторы, которые имели фамильные или собственные усадьбы либо проживали в усадьбах своих родных и знакомых. Для них основным источником сведений об усадебном мире, его особенностях становились личные воспоминания, ощущения от длительного проживания в усадьбе, от встреч с владельцами окрестных поместий. Это характерно как для русской классической литературы (Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Е.А. Баратынский, А.И. Герцен, Ф.И. Тютчев, И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и многие др.), так и для периода русского Серебряного века, с той лишь разницей, что в середине XIX в. на смену «усадебному топосу» (деформируя, но не заменяя его) постепенно приходит «дачный топос», который значим для биографии и творчества А.П. Чехова, И.А. Бунина, Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и др. Отметим, что и в период расцвета усадебной культуры в России многие дворянские усадьбы обживались только на летнее время, т. е. по представлениям людей рубежа XIX–XX вв. могли бы называться именно дачами. Начало активного дачного строительства в окрестностях

Санкт-Петербурга относится к середине XIX в., что было обусловлено введением в строй железной дороги, соединившей столицу России с Царским Селом и Павловском, со временем — и другие населенные пункты, а затем — и отменой крепостного права. Об этом пишет О.А. Богданова:

> Десятки тысяч предпринимателей, чиновников, военных, интеллигентов-разночинцев, не имея собственных усадеб, обладали достаточным заработком для дачного отдыха близ крупных городов, с которыми постоянно были связаны деловой активностью[29].

Дачная культура и, соответственно, «дачный топос» русской литературы наиболее активно формируется с последних десятилетий XIX в. На дачах жили как А.Н. Майков, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Плещеев, С.Я. Надсон, так и А.А. Блок, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, К.И. Чуковский и др. Необходимо учитывать, что «с середины XIX в. с дачей в русской литературе и культуре связан устойчивый комплекс значений, представлений и практик, существенно отличных как от города, так и от усадьбы»[30].

Большинство исследований «усадебного топоса» посвящено произведениям писателей — жителей усадеб и дач. Значительно меньшее внимание уделяется рассмотрению «усадебного топоса» в наследии тех авторов, которые не имели ни собственных усадеб, ни собственных или арендуемых дач и в силу сословных ограничений не могли являться частыми гостями в помещичьих усадьбах или у снимавших дачи знакомых. Если говорить о периоде Серебряного века, то это прежде всего поэты так называемого новокрестьянского направления, представители «крестьянской купницы». Интересно выявить хотя бы некоторые из тех источников, из которых они получали знания об усадебном мире, об усадебной и дачной жизни. Необходимо проследить, какие наиболее важные приметы «усадебного топоса» нашли отражение в их творчестве. Такой анализ позволяет расширить палитру встре-

---

[29] *Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1). С. 78.

[30] Там же. С. 76.

чающихся в литературных текстах вариантов «усадебного топоса», прибавив к числу заслуживающих внимания вариантов[31] и «новокрестьянский».

Один из наиболее известных и ярких представителей «крестьянской купницы» Н.А. Клюев, уроженец Олонецкой губернии, имел личные воспоминания о помещичьих усадьбах, поскольку много путешествовал, прежде всего по территории своей малой родины. Широко распространено мнение о том, что на Севере России практически на было классических усадеб, поэтому приведем опровергающие эти представления суждения И.В. Савицкого, современного исследователя истории расселения дворянства:

> …по данным образованного 2 марта 1861 г. Олонецкого по крестьянским делам присутствия количество помещичьих хозяйств в этой губернии и их обеспеченность крепостной рабочей силой выглядела следующим образом: Вытегорский уезд [место рождения и проживания Клюева — *М. С.*] — 186 имений, 2077 ревизских душ[32].

Эти цифры (в среднем по 11–12 ревизских душ на одно имение) свидетельствуют о том, что многие жившие на севере России дворяне были мелкопоместными, часто они не только сами занимались сельскохозяйственным трудом, но и нанимались на работу к зажиточным крестьянам, чтобы прокормить семью. Однако были и богатые помещики:

> В Олонецком уезде выделялись лодейнопольский помещик Д.В. Поленов (303 души), вытегорский Н.П. Апраксин (230 душ) и другие. Естественно, владельцы именно этих поместий явля-

---

[31] «Перспективно также изучение вариантов “усадебного топоса” в парадигме литературно-художественных течений рубежа XIX–XX вв.: реализма, натурализма, символизма, экспрессионизма, неореализма, акмеизма, футуризма, неосентиментализма и неоклассицизма», — отмечает О.А. Богданова (*Богданова О.А.* Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв. С. 22).

[32] *Савицкий И.В.* Дворянство Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии): Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1998. С. 100.

лись материально хорошо обеспеченными и имели больше условий для своего духовного развития, порой являясь светочами провинциальной культуры. Например, в имении своего отца создавал свои произведения известный русский художник В.Д. Поленов»[33].

Таким образом, Клюев с детских лет имел представление о помещичьей усадьбе[34].

Принято считать, что в творчестве С.А. Есенина, младшего современника Клюева и наиболее известного представителя «крестьянской купницы», важную роль сыграла усадебная культура, с которой он познакомился прежде всего благодаря тому, что в его родном селе Константиново Рязанской губернии была расположена помещичья усадьба. В действительности с 1879 г. константиновское имение принадлежало богородицким купцам Куприяновым, с 1897 г. — московскому купцу И.П. Кулакову, а после его смерти в 1911 г. перешло по наследству его дочери — Л.И. Кашиной. Купцы считали свое имение дачей.

Но для Есенина купеческая дача стала одним из важнейших источников формирования представлений о традиционной помещичьей усадьбе и усадебной культуре. И такое преломление реальной жизни в творческом сознании автора обусловлено определяющим влиянием на Есенина и его соратников по «крестьянской купнице» традиций отечественной словесности.

Как верно отметила А.Г. Разумовская,

> С. Есенин в своем раннем творчестве, как и Клюев, апеллировал к райскому бытию как идеалу преображения мира и также, подчеркивая космический смысл происходящих перемен в дни революций, пел славу новорожденному миру, основанному на братской любви[35].

Сад в творчестве Есенина совмещает черты крестьянских дворов с небольшими садами, среди которых Есенин провел детство,

---

[33] *Савицкий И.В.* Дворянство Европейского Севера России... С. 55–56.

[34] См. подробнее в главе 4.

[35] *Разумовская А.Г.* Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: Автореферат дис. … доктора филол. наук. СПб., 2010. С. 22.

и известную ему константиновскую дачу на территории помещичьей усадьбы с образами усадебных садов и парков, представление о которых он получил благодаря русской классической литературе. Лирический герой стихотворения «Дорогая, сядем рядом…» (1923) вспоминает о родине:

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы, в окна комнат
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят[36].

Сходные картины возникают в созданной в селе Константиново маленькой поэме «Возвращение на родину» (1924). В написанном 20 сентября 1925 г. стихотворении «Снежная замять дробится и колется…» — дальнейшее развитие мотива сада:

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду»[37].

Во всех перечисленных текстах сочетаются приметы крестьянского двора и помещичьей усадьбы.

При несомненной ценности и актуальности личных впечатлений для большинства русских писателей недворянского происхождения важнейшим и часто наиболее ранним по времени освоения источником знаний о русской усадьбе являются произведения русской классики. Мир литературы раскрывает во всей полноте и многообразии проявлений содержание и саму суть усадебного пространства и усадебной жизни.

Характерный пример — творчество А.В. Ширяевца, который выступает продолжателем традиций своих предшественников, вспоминая в первую очередь о негативных моментах жизни крестьян при крепостничестве — о «смертном бое». Именно эти моменты обнаруживаем в поэме с символичным для их раскрытия

[36] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 1 / Сост. и коммент. — А.А. Козловский. М.: Наука; Голос. 1995. С. 194.

[37] Там же. С. 280.

заглавием «Мужикослов» (1921, 1923), посвященной «Памяти матери моей Марии Ермоловны»:

Салтычиха,
Салтычиха,
Мне бросает на шею петлю!.. (главка VII)[38];

Глубже Волги тоска холопья!
Рассчитаюсь, отцы, за вас! (главка VIII)[39];

— Мамыньки! Баушки!
Арины Родионовны!
Зацапанные барами —
Блуднями
Для соромной забавушки!
Рано вас сгорбили
Буднями
Черными! <…>
Не вы ли
Поили
Песнями, сказами ярыми
Пушкиных, Корсаковых, Гоголей! (главка X)[40].

Здесь вслед за А.В. Кольцовым и И.З. Суриковым звучит противопоставление двух миров — крестьянского и помещичьего. А.А. Блок в статье «Интеллигенция и революция» (1918), стремясь объяснить причины гибели усадебного мира, в том числе и уничтожение своей собственной усадьбы, также обратится к истории, к непростым взаимоотношениям крестьян и помещиков:

Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — Потому, что там насиловали и пороли девок, не у того барина, так у соседа.

Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под

[38] *Ширяевец А.В.* Песни волжского соловья. Избранное / Предисл. С.И. Субботина и Е.Г. Койновой. Тольятти: Фонд «Духовное наследие, 2007. С. 250.
[39] Там же. С. 251.
[40] Там же.

их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мошной, а дураку — образованностью[41].

В поэзии Клычкова, для которого русская литературная традиция тоже значима, более явственны, чем у Есенина, черты эдемского сада. Для Клычкова уже в начале его творческого пути важен персонифицированный сад — именно «мой сад», как в стихотворении «Сад» (1912–1913):

Ручеек бежит по лугу,
А мой сад на берегу[42].

При этом при описании сада столь же важную роль, как и у Есенина, играют личные воспоминания, например, в стихотворении «На чужбине далёко от родины…» (<1914, 1918>):

На чужбине далёко от родины
Вспоминаю я сад свой и дом,
Там сейчас расцветает смородина
И под окнами птичий содом...

Там над садом луна величавая <…>
Она смотрит на липы и ясени
Из-за облачно-ясных завес,
На сарай, где я нежился на сене,
На дорогу, бегущую в лес...[43]

Сад, связанный с иным миром, с миром по ту сторону, возникает в стихотворении «Какие хитроумные узоры…» (<1929>):

---

[41] *Блок А.А.* Россия и интеллигенция (1907–1918). М.: Революционный социализм. 1918. С. 37.

[42] *Клычков С.А.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Проза / Сост., подгот. текста, коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина; Предисл. Н.М. Солнцевой. М.: Эллис-Лак, 2000. С. 60.

[43] Там же. С. 119–120.

Что, если смерть, и нет ли там за гробом
Похожего на этот сад?![44]

В «Песенке о счастье» (<1913, 1922>) сад и вовсе теряет земные очертания:

Я играю в гусли, сад мой стерегу,
Ах, мой сад не в поле, сад мой не в лугу,
Кто на свете счастлив? счастлив, верно, я,
В тайный сад выходит горница моя!..[45]

В стихотворении «Предутрие» (<1910>) предстают «голубые сады», в которых «Пасутся в долине олени, / В росе серебрятся следы»[46]. Отсчитывающий время петух возникает в саду, описанном в произведении «Сегодня вечером над горкой…» (<1910>):

И старый сад скороговоркой
Будили в сумраке ручьи.

Церковный пруд в снегу тяжелом
Всю ночь ворочался и пух,
А за соседним частоколом
Кричал не вовремя петух[47].

Неурочное пение петуха рождает библейские аллюзии. Для стихотворения «Сегодня у нас на деревне…» (<1914, 1918>) христианские традиции еще более важны — здесь дважды повторяются строки: «И тихо заря догорает / В далеком, небесном саду»[48]. Небесный сад напоминает читателям об эдемском саде.

Кратко упомянем о еще одном традиционном для «усадебного топоса» элементе — калитке, которая служит границей усадебного пространства, именно здесь происходят важные, а порой и

[44] *Клычков С.А.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. . С. 184.
[45] Там же. С. 66.
[46] Там же. С. 65.
[47] Там же. С. 71.
[48] Там же. С. 114.

судьбоносные события. Достаточно вспомнить есенинскую «Анну Снегину», в художественном мире которой калитка становится преградой на пути лирического героя к счастью[49]. В есенинском стихотворении «Закружилась листва золотая...» (1918) калитка выступает в роли границы сада, в клычковском стихотворении «Юность — питье солодовое…» (<1923, 1927>) она служит преградой для выхода в поле и вместе с тем неким фантастическим предметом, в чем-то уподобляющимся облаку:

Поле, калитка садовая...
Месяц да белый туман...
<…>
Скрипнет вот вечер калиткою,
Шукнет вот ночь у ворот, —
Выбежишь: облак каликою
По полю, сгорбясь, идет[50].

Исторически «усадебный топос» был связан с крепостничеством, последствия которого остро воспринимались выходцами из крестьянского сословия. Наиболее ярко эта составляющая «усадебного топоса» проявилась в творчестве Кольцова, Сурикова и их последователей, в числе которых были члены Суриковского литературно-музыкального кружка, куда в начале своего творческого пути входил Есенин. Для представителей «крестьянской купницы» эта составляющая потеряла былую актуальность, однако ее можно обнаружить в некоторых текстах, что также отражает прежде всего литературную традицию. Показательным в этом отношении является наследие Ширяевца, причем как поэтическое, так и эпистолярное.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в наследии представителей «крестьянской купницы» «усадебный топос», хотя и не относится к числу центральных, однако занимают не последнее место. Для рассматриваемых авторов определяющую роль в вариантах «усадебного топоса» играют традиции русской классики, прежде всего Пушкина и Тургенева, а также выходцев из низших сословий Кольцова и Сурикова, вслед за которыми, хотя и со

[49] Подробнее см. об этом с. 132–143.

[50] *Клычков С.А.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 140–141.

значительно меньшей, чем у них, интенсивностью, подчеркивается сословная ограниченность усадебного пространства, противостояние помещиков и крестьян. В некоторых случаях невозможно провести границу между миром дворянской усадьбы начала XX в. и усадьбами купцов, а также разбогатевших крестьян, скупивших часть господской земли с расположенными на ней строениями, с дачами, которые все шире распространяются в разных регионах России. Значимыми элементами «усадебного топоса» становятся дом, сад, калитка, характерные пейзажи.

ГЛАВА 3

Достопримечательное место и визуализация литературных образов

Для литературоведа, занимающегося биографией писателя, анализом написанных им во время проживания в усадьбе и на даче произведений, «усадебных» и «дачных» текстов, актуально знакомство с территориями, историко-культурными ландшафтами, отразившимися в наследии того или иного автора. Посещение таких мест, хранящих память о человеке, погружение в атмосферу усадебной культуры крайне продуктивно для выявления усадебных контекстов художественных произведений. В ходе выполнения проекта РНФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» были проведены полевые исследования в местах, связанных с творчеством русских писателей, что позволило выявить новые источники их произведений. Полевые исследования в очередной раз подтвердили необходимость сохранения культурных ландшафтов, их включения в научный и культурный оборот.

Один из широко применяемых в последнее время путей сохранения таких территорий — создание в окрестностях музеефицированной усадьбы или дачи достопримечательного места. Наличие достопримечательного места позволяет сохранить не только сам усадебный комплекс, его садово-парковую зону, но и окрестные территории — те места, в которых бывал писатель и которые тем или иным образом отразились в его творческом наследии. Достопримечательные места нередко проектируются в окрестностях расположенных в сельской местности литературных музеев.

Литературный музей, созданный на базе усадебного комплекса, становится центром притяжения для жителей России и зарубежных государств, которые интересуются определенной эпохой или личностью. В России работает значительное число литературных музеев-заповедников и музеев-усадеб, сохраняющих места, связанные с жизнью и творчеством русских писателей, и ориентированных на их популяризацию. Посещение таких территорий позволяет осмыслить истоки творчества писателей, ознакомиться с предметным рядом, который повлиял на формирование их картины мира, восприятие действительности.

Музеефицированные литературные усадьбы играют важную роль в культурном развитии современной России. Они привлекают многочисленных посетителей усадебными постройками, часто с сохранившимися историческими интерьерами, культурными и природными ландшафтами, музейными экспозициями, проводящимися в музейных пространствах выставками, разнообразными программами, рассчитанными на различные целевые группы посетителей. В числе тенденций развития литературных музеев в исторических усадьбах — восстановление во всей полноте усадебных комплексов и формирование на базе активно развивающихся музеев-заповедников и музеев-усадеб достопримечательных мест. Эти две тенденции позволяют сохранить и восстановить не только сами усадьбы с хозяйственными постройками, парками, садами, системами прудов, но и включить в научный и культурный оборот граничащие с ними территории. Наличие значительных по площади достопримечательных мест дает возможность актуализировать важнейшие видовые точки, те элементы культурного ландшафта, которые воплотились в писательском наследии.

Особенностью музеев-заповедников и музеев-усадеб, посвященных писателям, являются литературные праздники — заметные явления в календаре событийного туризма. Именно в такие дни в эти места приезжают многочисленные почитатели творчества писателей, исследователи их биографии и литературного наследия. Те, кто не имеет возможности побывать в музее в праздничные дни, часто связанные с днем рождения человека, которому посвящен музей, стремятся туда в ближайшие к этому событию недели. В последнее время одной из важных тенденций

развития музеев становится широкое внедрение интерактивных программ, театрализация. Такое направление актуально и для литературных музеев-заповедников и музеев-усадеб как один из путей воссоздания (хотя бы частичного) усадебной жизни, реальной атмосферы культурного взаимодействия, попытка осмыслить на новом этапе традиции усадебной культуры. Такая деятельность позволяет привлечь новых посетителей разнообразными программами, представляя им усадебную жизнь во всей возможной полноте, в том числе бытовые детали. На обширных пространствах музеев-заповедников и музеев-усадеб возможно возрождение и демонстрация туристам традиционных видов хозяйствования.

Оптимальный вариант комплексного сохранения мест, связанных с биографией и творчеством писателя, — формирование достопримечательного места, определение которому дано в российском законодательстве. В федеральном законе Российской Федерации № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. (с последующими изменениями) отмечено:

> …достопримечательные места — творения, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, в том числе места традиционного бытования народных художественных промыслов; центры исторических поселений или фрагменты градостроительной планировки и застройки; памятные места, культурные и природные ландшафты, связанные с историей формирования народов и иных этнических общностей на территории Российской Федерации, историческими (в том числе военными) событиями, жизнью выдающихся исторических личностей; объекты археологического наследия; места совершения религиозных обрядов; места захоронений жертв массовых репрессий; религиозно-исторические места[1].

В соответствии с действующим законодательством литературные усадьбы, на основе которых оформлены достопримечательные места (причем такие усадьбы не обязательно должны быть

[1] https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25062002-n-73-fz-ob/ Электронный ресурс. Дата обращения: 10.05.2020.

музеефицированы), могут стать историко-культурными заповедниками:

> В отношении достопримечательного места, представляющего собой выдающийся целостный историко-культурный и природный комплекс, нуждающийся в особом режиме содержания, на основании заключения историко-культурной экспертизы может быть принято решение об отнесении данного достопримечательного места к историко-культурным заповедникам[2].

При этом граница историко-культурного заповедника может не совпадать с границей достопримечательного места.

Если территории самих музеев-заповедников и музеев-усадеб обычно не очень велики, то их охранные зоны, территории достопримечательных мест, которые создаются на их основе, могут составлять десятки и даже сотни квадратных километров. Например, площадь достопримечательного места «Есенинская Русь», включающего территорию Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в селе Константиново Рыбновского района Рязанской области и его окрестностей, составляет около 46 000 гектаров (460 квадратных километров). На этом огромном пространстве должны соблюдаться определенные градостроительные регламенты, в каждом населенном пункте — действовать свои режимы использования участков, определяющие этажность, высотность построек, материал, из которого разрешается возводить строения, материал и высоту ограды и пр. На примере достопримечательного места «Есенинская Русь» рассмотрим особенности этого все более важного для России варианта сохранения и популяризации усадебного наследия.

В 2015 г. вышел приказ Министерства культуры Российской Федерации № 2431:

> Включить выявленный объект культурного наследия (достопримечательное место) «Есенинская Русь — место, связанное с жизнью и творчеством поэта С.А. Есенина» (Рязанская область, Рыбновский район, Рязанский район, г. Рязань) в единый госу-

[2] https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25062002-n-73-fz-ob/ Электронный ресурс. Дата обращения: 10.05.2020.

дарственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия федерального значения[3].

Приказом Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Рязанской области в 2015 г. утвержден предмет охраны достопримечательного места — «исторически сложившийся культурный ландшафт с явно выраженной природной основой, формирующий образ “Есенинской Руси”, — живописный сельский ландшафт средней полосы России с сохранившейся системой расселения и традиционным природопользованием»[4]. В достопримечательное место вошли те селения, в которых бывал поэт, дороги, по которым он часто ездил или ходил пешком, отправляясь из Константинова в Спас-Клепики, Рязань или Москву, те населенные пункты, которые связаны с его творчеством, жители которых стали прототипами есенинских произведений. Достопримечательное место позволит сохранить уникальные территории на многие десятилетия, разработать многообразные однодневные и многодневные есенинские маршруты. Их можно пройти пешком, проехать по ним на велосипеде, лошади, в собственном автомобиле или туристическом автобусе.

В 2019 г. министром культуры Российской Федерации подписан приказ № 1449 об утверждении требований к осуществлению деятельности и к градостроительным регламентам в границах «Есенинской Руси»[5]. Территория «Есенинской Руси» ограничена с юга руслом реки Вожи, с запада — железной дорогой Москва — Рязань, с севера — границей Рязанской области, левым берегом реки и старицы Оки и северными границами Кузьминского и Новосельского муниципальных образований Рыбновского района, с востока — границей Рыбновского района.

---

[3] https://base.garant.ru/71202654/ Электронный ресурс. Дата обращения: 10.05.2020.

[4] http://docs.cntd.ru/document/430658235 Электронный ресурс. Дата обращения: 10.05.2020.

[5] См. также: Достопримечательное место федерального значения, связанное с жизнью и творчеством поэта С.А. Есенина «Есенинская Русь». Т. I. Историко-градостроительные исследования по обоснованию границ территории и проекта охраны достопримечательного места. Рязань, [2015].

Мемориальный период, т. е. время, на которое планируется сохранять и восстанавливать облик территорий и объектов, — 1860–1941 гг.

Достопримечательное место «Есенинская Русь» включает территорию 42 населенных пунктов, в которых зафиксировано 780 ценных объектов историко-градостроительной среды (объекты традиционного типа, характерные для мемориального периода, в основном деревянные дома, построенные в конце 1950-х — начале 1970-х гг., с традиционной планировкой), памятники археологии, историко-культурные ландшафты, особо охраняемые природные территории и другие объекты.

В конце XIX — начале XX в. на территории нынешнего достопримечательного места располагалось несколько помещичьих усадеб: И.П. Кулакова, затем Л.И. Кашиной — в Константинове, Кропоткиных и Голицыных — в Кузьминском (сохранились остатки парка), Никитинских — в Костине (руинирована, сохранились остатки парка), Флешнера — в Летове (утрачена), Грене — в Аблове (сохранились остатки парка), «Корольки» — южнее села Истобники (утрачена).

Один из наиболее важных объектов на территории музея-заповедника Есенина и всего достопримечательного места — главный усадебный дом, последней владелицей которого была Кашина. К сожалению, из всех усадебных построек до настоящего времени сохранился только этот дом, причем в несколько перестроенном по сравнению со временем жизни в селе Есенина виде. Утрачены два пруда, располагавшиеся на надпойменных террасах реки Оки, исторический парк с аллеями и сад.

В последние десятилетия усадьба постепенно возрождается — частично восстановлены аллеи и фруктово-ягодный сад. В 1995 г., в год 100-летия со дня рождения поэта, в главном доме усадьбы был открыт музей поэмы «Анна Снегина», в котором представлены многие мемориальные вещи, а также типологические предметы, связанные с усадебным бытом конца XIX — начала XX в. В начале 2010-х гг. были проведены значительные работы по прояснению истории усадьбы, в том числе сохранившегося здания. В ходе исторической реконструкции удалось в полном объеме восстановить ранее не использовавшийся цокольный этаж, в котором в усадебный период находились слу-

жебные помещения: кухня, комната прислуги, ванная комната, туалет, прачечная, кладовая. Теперь здесь действует новая экспозиция «История повседневности», раскрывающая прежде всего бытовую жизнь усадьбы. Отметим, что подобные экспозиции нечасто можно встретить в музеефицированных литературных усадьбах. Прежде всего заслуживают внимания уникальные подлинные предметы, многие из которых были выявлены в ходе археологических исследований и реставрации цокольного этажа.

> Это строительные материалы и элементы отделки: кирпичи XIX века и детали деревянных конструкций, кованые гвозди, напольная и настенная плитка с клеймами производителей, а также некоторые предметы быта: части стеклянной, фарфоровой и керамической посуды, которую использовали в разные годы[6].

Среди подлинных предметов усадебной жизни — санки, на которых катались дети Кашиной, детская коляска и кроватка. На двух других этажах музея расположены мемориальные комнаты и экспозиции, рассказывающие об истории создания «Анны Снегиной», о постановках этого произведения на сцене, о довольно многочисленных иллюстрациях и переводах известнейшей есенинской поэмы на языки народов мира.

В 2017–2018 гг. были проведены археологические исследования с целью определения исторической планировки усадьбы, мест расположения отдельных объектов, некоторые из которых восстановлены и приспособлены для музейного использования. Прежде всего речь идет о довольно большом по площади каретном сарае (каретном дворе, конюшне), в котором в настоящее время работает выставка, а затем будет создана литературная экспозиция, рассказывающая обо всем жизненном и творческом пути поэта. Включение в мемориальное пространство воссоздаваемого объекта позволит снести расположенное на усадебной территории здание, возведенное несколько десятилетий назад

---

[6] *Аникина О.Л., Бабицына Н.Н., Воронина Ю.Н., Евдокимова В.Ю., Иогансон Б.И., Калинина Л.В., Панкратова В.И., Рамненак Н.В., Скороходов М.В., Титова В.С.* Путеводитель по Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина. С. 107–108.

(в нем в данный момент расположены литературная экспозиция, конференц-зал и служебные помещения). Также восстановлены амбар (в нем разместилась экспозиция по истории Константинова), баня и теплица.

Отметим, что восстанавливаемая усадьба является литературной в полном смысле этого слова. Во-первых, она связана с именем Есенина, который неоднократно бывал в ней, посещал Кашину, приезжая в родное село. С хозяйкой имения поэт познакомился в 1915 или 1916 г. через своего друга и односельчанина Т. Данилина, который в то время занимался с двумя маленькими детьми Кашиной[7]. В усадьбе поэт бывал и позже. Вернувшись летом 1918 г. в Москву из родного села, он написал стихотворение «Зеленая прическа…», посвятив его Кашиной. В послереволюционные годы Есенин заходил к ней в гости в Москве.

Ранее, в детстве, в период учебы в Константиновском земском училище, Есенин мог встречаться с отцом Кашиной — Кулаковым, московским купцом, в течение 10 лет участвовавшим в финансировании училища. Затем, во время революционных событий 1905–1907 гг., когда в селе велась агитация против владельца местной усадьбы, Кулаков отказался от обязанностей приходорасходчика училища. В 1907 или 1908 г. Есенин сочинил частушку:

Есть в селе-то у нас барин
По фамилии Кулак,
Попечитель нашей школы,
По прозванию дурак[8].

Во-вторых, усадебные ландшафты, постройки, «усадебный текст» — все это нашло отклик в творчестве Есенина. Непросто вычленить из разнообразных источников, оказавших влияние на формирование поэтической системы поэта, те элементы, которые связаны именно с кашинской усадьбой. Однако достаточно частот-

[7] Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 2 / Общ. ред. и предисл. — А.Н. Захаров. Сост. В.А. Дроздков, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 144.

[8] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 4 / Подгот. текстов и коммент. С.П. Кошечкин, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1996. С. 487.

ные в есенинской поэзии липы и клены, яблони и вишни напрямую отсылают нас не только к традиции русской классической литературы, которую Есенин прекрасно знал, с детства зачитываясь книгами и журналами, но и к реальным усадебным ландшафтам Константинова (об этом подробнее говорится в главах 2 и 3 второй части).

В-третьих, сама усадьба в 1910-е гг. была своего рода литературным гнездом, здесь в гостях у хозяйки, кроме Есенина, бывали и другие литераторы, московские ученые. Здесь часто велись разговоры на литературные темы. Важно, что фотографии друзей и постоянных гостей хозяйки имения представлены в экспозициях, что позволяет посетителям представить себе, как протекала усадебная жизнь, увидеть лица людей, бывавших здесь более столетия назад.

Ощутить усадебную жизнь помогают, кроме экспозиций и выставок, и музейные программы с элементами театрализации. Это позволяет посетителям «расширить кругозор и познакомиться с традиционным бытовым и праздничным укладом крестьянской семьи, с образом жизни духовенства и традициями дачной жизни представителей русского общества начала XX века»[9].

Для Есенина важно соседнее с Константиновым Кузьминское — центр волости с волостным правлением, в котором Есенин неоднократно получал паспорт, и почтовым отделением, в котором он получал письма и откуда сам отправлял корреспонденцию. Есенин часто бывал здесь, был в приятельских отношениях со многими жителями Кузьминского. Ценные объекты исторической среды, связанные с жизнью и творчеством поэта, — дом дьякона И.В. Брежнева, здание волостного правления (комитета), амбар на усадьбе Солякиных, а также усадьбы Орловых и Фадеевых. В Кузьминском остались кварталы исторической части села, исторические линии застройки, главная улица, дорога по дну оврага к паромной переправе, не нарушен принцип деления кварталов на участки, сохранились исторические границы до-

[9] *Аникина О.Л., Бабицына Н.Н., Воронина Ю.Н., Евдокимова В.Ю., Иогансон Б.И., Калинина Л.В., Панкратова В.И., Рамненак Н.В., Скороходов М.В., Титова В.С.* Путеводитель по Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина. С. 186–187.

мовладений, традиционная планировочная структура земельных участков, сельские площади и проулки.

Не менее значимо для понимания есенинского творчества село Пощупово и находящийся в нем Иоанно-Богословский монастырь. Здесь поэт бывал в детстве, эти места посещали его ближайшие родственники и друзья юности. В обители, основанной в конце XII — начале XIII в., сейчас семь храмов, две часовни и две колокольни. В Иоанно-Богословском соборе находится большой мощевик с частицами мощей более 120 угодников Божиих, значимыми святынями являются чудотворные иконы Божией Матери. Рядом с древними монастырскими пещерами — святой источник. Образы монастыря отразились как в поэзии, так и в прозе Есенина, в частности в написанной в родном селе в 1915 г. повести «Яр».

Многие населенные пункты, включенные в «Есенинскую Русь», размещены в долинах небольших речек и ручьев, в числе таких селений Данилово, Раменки, Чешуево, Шушпаново, Старолетово, Летово, Истобники. С их жителями Есенин мог встречаться и на ярмарках, и во время паломничества в расположенные в округе монастыри, и по пути в Рязань, Спас-Клепики или в Москву.

К сожалению, далеко не все тенденции современного развития можно обратить на пользу музею. Например, негативным для историко-культурной среды, для ее сохранения, является изменение структуры расселения. В России на протяжении многих десятилетий идет процесс укрупнения населенных пунктов и, соответственно, гибели когда-то процветавших сел и деревень. В результате оказываются заброшенными поля и луга, оставленные жителями дома ветшают и утрачиваются. Ландшафт постепенно теряет следы антропогенного влияния, в его формировании все больше доминирует природная составляющая.

На территории «Есенинской Руси» сохранились фрагменты мемориальных дорог. Особый интерес представляет проходившая через деревни Старолетово, Шушпаново и Федякино дорога от станции Дивово до Константинова. Этой дорогой поэт добирался с вокзала до родного дома — нанимал извозчика и ехал до своего села 14 верст. Тем же путем ездили его отец, мать, сестры. Сейчас в здании вокзала станции Дивово Рязанского направления

Московской железной дороги развернута экспозиция из фондов музея-заповедника Есенина, раскрывающая тему дороги в творчестве поэта и рассказывающая о его поездках из родного села. Мемориальной значимостью обладают также дороги Константиново — Раменки, Константиново — Кузьминское — Аксеново, грунтовая дорога в пойме Оки от переправы из Пощупова в Солотчу. Еще можно найти следы дороги от существовавшей ранее паромной переправы в константиновские луга и на бывший хутор Яр — этот топоним отразился в есенинском наследии, прежде всего в повести «Яр»[10]. Важны для «Есенинской Руси» и другие исторические паромные переправы — в Кузьминском, Пощупове и Новоселках.

На протяжении столетий высотными доминантами на Руси были церкви и колокольни (полностью или частично утрачены церкви в селах Вакино, Федякино, Кузьминское, Костино, Пощупово, Окаёмово, Медведево, Волынь, Старолетово, Чешуево, Истобники); ветряные мельницы, в начале XX в. на территории нынешней «Есенинской Руси» их было 14 (все они утрачены), их образ отразился в творчестве Есенина:

> Водит старая мельница ухом,
> Навострив мукомольный нюх («Сорокоуст», 1920[11]).

С возвышенностей и холмов пейзаж открывался на многие километры. Монастырь в Пощупове хорошо просматривается из Солотчи, от Солотчинского Рождества Богородицы женского монастыря — памятного есенинского места, в котором он бывал и в детстве как паломник, и проездом из Рязани в Спас-Клепики в 1909–1912 гг., и в 1915 г., навещая своих знакомых — Марию Бальзамову и сестер Анну и Серафиму Сардановских. А из Пощупо-

---

[10] См.: *Самоделова Е.А.* Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1998. (Рязанский этнографический вестник; [1998. Т. 1]). С. 57, 66; *Воронова О.Е.* Мифологический и фольклорно-этнографический контекст повести С.А. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2013. № 27. С. 38–39; *Самоделова Е.А.* О литературной и реальной топонимике повести «Яр» С.А. Есенина (статья первая) // Современное есениноведение. 2019. № 4 (51). С. 13–26.

[11] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 2 / Подгот. текстов и коммент. — С.И. Субботин. М.: Наука; Голос. 1997. С. 82.

ва различим Солотчинский монастырь. Издалека заметны также церкви в Вакине, Новоселках, Костине и конечно же в Константинове.

С нескольких точек раскрываются характерные виды полевого ландшафта «Есенинской Руси»:

> …трасс дорог Рыбное — Раменки — Константиново, Раменки — Кузьминское, Кузьминское — Аксеново — Иванчино — Новоселки, Раменки — Пощупово — Новоселки, с дороги на Пощупово к Костино, Раменки — Чешуево, Старолетово — Демидово — Шушпаново — Федякино — Константиново, Старолетово — Вакино — Федякино[12].

От есенинского времени хорошо сохранилась гидрографическая сеть — реки Ока и Вожа с впадающими в них небольшими речками и ручьями, а также озера, пруды, старицы. При сопоставительном анализе карт середины XIX в., есенинского времени и современных обнаруживаются довольно значимые различия. Например, если раньше деревня Новоселки находилась на высоком берегу вблизи старицы Оки — того русла, которое не являлось основным, то теперь основное русло вернулось к Новоселкам, а прежняя главная водная артерия на протяжении нескольких километров превратилась в старицу.

Для достопримечательного места «Есенинская Русь» характерно разнообразие природных ландшафтов — в этом одна из его уникальных особенностей. В заповедных местах встречается и полевой ландшафт, и овражно-балочная сеть, и лесостепи, и различных размеров лесные массивы, а также холмы, бугры, гребни[13]. Для «Есенинской Руси» важны два незастроенных открытых береговых участка у деревни Иванчино: «только здесь можно наблюдать

---

[12] Акт государственной историко-культурной экспертизы, обосновывающий принятие решения по установлению требований к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам в границах территории объекта культурного наследия федерального значения — достопримечательное место «Есенинская Русь — место, связанное с жизнью и творчеством поэта С.А. Есенина». М.; Казань, 2019. С. 22.

[13] См. также: *Иванов Е.С.* Границы и природа Государственного музея-заповедника С.А. Есенина. Пейзаж в творчестве поэта. Рязань: Узорочье, 2005.

сразу три основных типа ландшафта: широкие поля, живописный рельеф береговых склонов, заокские пойменные луга, обрамленные лесом»[14], т. е. те типы ландшафта, которые важны для творчества Есенина.

Знаменито Константиновское подгорье с буграми Минаковым, Барским, Калинкиным, Поповским, Средним, с Табашной горой, оврагами, каждый из которых имеет свое имя: Федякинский, Пасик, Потеряевский, Большой, Матовский, Барак. В окрестностях Константинова сохранился луговой ландшафт пойменной части Оки. На территории Константиновского заречья расположены озера Тишай и Глубокое.

Многие местные топонимы свидетельствуют о поэтическом мировосприятии местных жителей. Приведем характерные названия константиновских лугов: Первая пожень, Вилы, Любянки, Долгое, Широкий Низ, Белоборка, Коноплянки, Дальняя коса, Делянки, Журавка, Баронская, Тещин Язык, Ленточка, Шорошенькая, Лохово, Кукариха, Енотово болото, Сапог, Стрелица, Барские луга, Ближняя коса, а также Высокий бугор и Макаров угол. Сестра поэта Александра вспоминала:

> Мы втроем: Сергей, Катя и я, переехав реку, направляемся к Макарову углу. Макаров угол — это место, где Ока давно, еще в XVIII веке, изменив течение, оборвала один из своих поворотов и образовала угол. Из оборванного Окой поворота образовалась старица, а часть его заволокло песком и избавило наших крестьян от второй переправы, через которую раньше нужно было переезжать в луга… лежащее поперек луга озеро Тишь только в одном месте прерывается и дает возможность перебраться через него. Дорога здесь вся изрыта коровьими копытами, и идти по ней очень трудно[15].

Поэтичны и названия частей Константинова: Матово, Волхона, Алексеевка, Потеряевка, Новый поселок. Интересны топонимы Федякина: Козловка, Жаровка, Акуловка, Черкасы, Федякинский овраг, ручей Першня, Гусаров бугор.

---

[14] Акт государственной историко-культурной экспертизы… С. 24.

[15] *Есенина А.А.* Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и комм.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 98.

Лесов в Рыбновском районе немного, некоторые из них (Федякинский лес и лес в окрестностях Пощупова) являются сейчас особо охраняемыми природными территориями. Для достопримечательного места важны и другие занятые деревьями пространства — Раменская роща, колковые леса овражно-балочной сети, парки усадеб Кашиной, Кропоткиных и Никитинских (Корзинкиных). Во многом сохранилось характерное для мемориального периода чередование полей, пастбищ, лугов, сенокосов, рощ, лесов, а также территорий с сельской застройкой.

На территории «Есенинской Руси» заслуживают внимания усадьбы Кропоткиных второй половины XIX в. и Никитинских (Корзинкиных) XVIII–XIX вв. В селе Старолетове сохранилось здание бывшей чайной купца Ганешникова (Галишникова), в котором бывал Есенин, а в селе Федякине — здание школы, в котором он, возможно, выступал.

На сельском кладбище Константинова располагаются могилы отца поэта Александра Никитича, его бабушки по отцу Аграфены Панкратьевны Есениной, деда по материнской линии Федора Андреевича Титова, его односельчан, среди которых одноклассники и друзья юности. К сожалению, не все надмогильные сооружения находятся в хорошем состоянии.

В местах, где русло Оки отступает от берега, селения располагаются на склоне и имеют каскадную планировочную структуру. Там, где Ока вплотную подступает к высоким берегам, селения находятся на их вершине[16]. Традиционная планировка населенных пунктов, расположенных на берегу Оки, сформировалась в XVIII в.: «в 1772 г. в ходе генерального межевания определяются границы земель дач, сел и деревень, которые в целом сохраняются до конца XIX века»[17].

При проектировании достопримечательного места проведены работы по выявлению особенностей территории:

> …застройка сел и деревень велась вдоль линий улиц и на береговую линию выходили огороды или сады. Таким образом, высокий правый береговой склон воспринимался с низкого левого берега Оки как единый природный массив с лесистой верхушкой

[16] Акт государственной историко-культурной экспертизы… С. 58.

[17] Там же. С. 66.

склона и отдаленными друг от друга архитектурными доминантами, роль которых выполняли культовые объекты. С другой стороны, находясь на изрезанном оврагами высоком правом берегу Оки, человек не мог видеть жилые дома. Все это создавало впечатление бескрайних природных просторов, которые воспевал в своих произведениях поэт С.А. Есенин[18].

При подъезде к селениям была заметна «не линия застройки, а массивы леса или сады, в крайнем случае, небольшие хозяйственные постройки. <…> сельский ландшафт со стороны въездов в деревни и села воспринимался максимально органично с природной составляющей»[19].

Характерная крестьянская усадьба: бревенчатая изба из сосны (у состоятельных хозяев — пятистенки, крытые соломой крыши со слуховым окном), украшенная резным декором, примыкающий к сеням двор, отдельно — амбар и рига. Земельный надел с садом и огородом — около 40 соток. При разделе больших семей на одной крестьянской усадьбе могло быть два или три дома, в т. ч. на месте сада. Такая ситуация характерна и для семьи Есениных. Пахотные земли (суглинистая почва требовала внесения большого количества удобрений, но урожаи были невысокими) делились на три поля (трехпольная система земледелия: пар, озимые и яровые культуры), на каждом из них семья имела свои участки[20].

После отмены крепостного права (1861) в центре сел наряду с церковью, торговыми лавками и помещичьими усадьбами появляются школы, в некоторых крупных селах — больницы, аптеки, богадельни, почта и телеграф[21].

Проведенные экспертами исследования показали актуальность охраны значительных территорий, включенных в состав достопримечательного места «Есенинская Русь».

Создание достопримечательных мест, восстановление утраченных усадебных построек и их приспособление для музейных нужд (новые экспозиции, выставочные пространства, точки обществен-

[18] Акт государственной историко-культурной экспертизы… С. 19–20.

[19] Там же. С. 20.

[20] Там же. С. 69–70.

[21] Там же. С. 66.

ного питания, сувенирные киоски, гостевые дома), воссоздание значимых элементов усадебной жизни путем театрализации — все это позволяет не только сохранить память об известном писателе и те пространства, которые оказали заметное влияние на его творчество, но и приобщить посетителей музеев к усадебной культуре, показать ее привлекательность, важную роль в формировании русской национальной идентичности.

ЧАСТЬ II

ИНТЕРМЕДИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ «УСАДЕБНОГО ТОПОСА»

ГЛАВА 1

Усадьба литературная и реальная в наследии Н.А. Клюева

Для Н.А. Клюева, как и для большинства русских писателей недворянского происхождения, первостепенным источником знаний о русской усадьбе является отечественная словесность. Произведения русской классики раскрывают традиционный мир русской усадьбы и во многом мифологизируют его. Все составляющие усадебного комплекса являются своего рода символами, каждый из которых имеет свое семантическое наполнение, наблюдается своего рода мифологизация как усадебного пространства в целом, так и составляющих его объектов. Например, аллеи и беседки становятся символами мечтаний о любви, местом романтических встреч, уединенных разговоров[1].

Клюев оставил немного текстов, которые позволяют судить о его отношении к русской усадьбе. В неозаглавленном фрагменте, записанном Н.И. Архиповым (этот текст условно назван исследователями по первым словам — «Кольцов — тот же Венецианов…»), Клюев, обращаясь к творчеству русского поэта, отмечал 17 ноября 1922 г.:

> Кольцов поверил в крепостную культуру и закрепил в своих песнях не подлинно народное, а то, что подсказала ему усадьба добрых господ, для которых не было народа, а были поселяне и мужички[2].

---

[1] См.: *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа…

[2] *Клюев Н.А.* Словесное древо. Проза / Сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 55.

Как видим, для Клюева важна не реальная помещичья усадьба. Его интересует восприятие усадьбы в литературе, литературная интерпретация русской усадьбы. И это характерно не только для кольцовских контекстов. Не менее важна пушкинская традиция, в которой усадебный мир играет важную роль. Показательный в этом отношении пример — одна из «Новых песен» Клюева — «Застольная» («Мои застольные стихи…», 1926):

Не говори, моя Сусанна,
Что мы старей на восемь лет,
Что оплешивел твой поэт
От революции изъяна...
Не опускай ресниц, Сусанна!

В твою серебряную свадьбу,
У обветшалых клавесин,
Тебе споет красавец-сын
Не про Татьянину усадьбу —

Про годы бурь и славных ран,
Про человеческие муки,
Когда как бор шумели руки,
Расплескивая океан...
Наш сын — усатый мальчуган![3]

При чтении этого клюевского стихотворения возникают ассоциации с Татьяной Лариной — героиней романа «Евгений Онегин». Если пушкинские и тургеневские усадьбы осмысливались Клюевым как литературные ландшафты, открытые им благодаря чтению текстов Пушкина и Тургенева, то усадебные комплексы некоторых других писателей он мог оценить и благодаря личному знакомству с ними. Одно из таких знаменательных мест — усадьба Л.Н. Толстого Ясная Поляна.

В «Гагарьей судьбине» Клюев сообщает о посещении Ясной Поляны в то время, когда он был еще «недоростком». Факт не проверен, но Клюев в «Гагарьей судьбине» во многом мифологи-

[3] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Сост., подг. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. С. 532.

зировал свою биографию. Этот приезд к Толстому (даже если он не состоялся в реальности, но был включен в сконструированную Клюевым биографию) позволил ему дополнить свои представления об усадебном мире, полученные из произведений художественной литературы и, вероятно, из рассказов знакомых, посещением родовой усадьбы Толстого, встречей с ее владельцем и отчасти соприкосновением с усадебным бытом. Великий писатель, к которому стремились крестьяне, предстал перед ними в повседневной обстановке:

> Толстой сидел на скамеечке, под веревкой, на которой были развешаны поразившие меня своей огромностью синие штаны.
>
> <…> На дворе ругалась какая-то толстая баба с полным подойником молока, откуда-то тянуло вкусным предобеденным духом, за окнами стучали тарелками... И огромным синим парусом сердито надувались растянутые на веревке штаны[4].

В памяти Клюева сохранилось пространство яснополянской усадьбы, а его спутники были крайне огорчены тем, что не обнаружили в Толстом того собеседника, которого искали:

> Старые корабельщики со слезами на глазах, без шапок шли через сад, направляясь к проселочной дороге, а я жамкал зубами подобранное под окном яснополянского дома большое с черным бочком яблоко[5].

Важно, что Клюев не только упоминает о Толстом, но и вписывает этот эпизод в бытовые реалии усадьбы. Клюев мог иметь личное мнение и о других помещичьих усадьбах.

Особого внимания заслуживает стихотворение поэта «Братья, сегодня наша малиновая свадьба…», написанное в октябре 1918 г., когда революция со своими многочисленными последствиями стала реальностью. Это клюевское произведение содержит неоднократные отсылки к усадебному миру. В его начале говорится о

---

[4] *Клюев Н.А.* Словесное древо. С. 37–38.

[5] Там же. С. 38 см. также: *Азадовский К.М.* О «народном» поэте и «святой Руси» («Гагарья судьбина» Николая Клюева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–122.

разрушении традиционной русской жизни, которая была дорога для Клюева, однако крестьянский мир пока оказывается не затронутым преобразованиями:

Костоедой обглоданы *церковь и усадьба,*
Но ядрено и здраво мужицкое поле!

Не жалейте же семени для плода мирскова,
Разнежьте ядра и случкой китовьей
Порадуйте Бога — старого рыболова,
Чтоб закинул он уду в кипяток нашей крови![6]

В беловом автографе, хранящемся в Российской национальной библиотеке, стихотворение имеет знаковое заглавие — «25 октября 1918 г.»[7], т. е. соотнесено с первой годовщиной событий октября 1917 г. Клюев, оглядываясь на прошедший год, подводит первые итоги революционных преобразований.

Помещичья усадьба и церковь отделяются Клюевым от «мужицкого поля». В этом его отличие от А.В. Ширяевца, еще до революций писавшего В. Ф. Ходасевичу о неразрывной связи помещичьего мира и мира крестьянского, о чем подробнее скажем позже. В соответствии с Декретом о земле — одним из первых декретов советской власти — помещичья собственность была национализирована, т. е. отнята у хозяев, крестьяне же получили право на землю. И этот первый этап послереволюционного передела нашел отражение в стихотворении Клюева. Т.А. Пономарева, рассматривая его при анализе концепта молодости / старости, отмечает:

> В стихах 1917–1918 гг. <…> образ солнца революции сопрягается с молодостью, красным пиром, свадьбой, рождением: «Смольный — в кожаной куртке, с загаром на лбу, / Юный шкипер…»; «Братья, сегодня наша малиновая свадьба — / Брак с Землей и орлиной Волей»[8].

---

[6] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 399. Курсив наш.

[7] Там же. С. 907.

[8] *Пономарева Т.А.* Концепт молодости / старости в поэзии Клюева // Николай Клюев: Образ мира и судьба. СПб.; Томск, 2013. Вып. 4. С. 176.

Обратим внимание на то, что с первой строкой текста, вводящей образ «малиновой свадьбы», перекликается предпоследнее четверостишие стихотворения:

> Это было в Москве... Недосказ и молчанье —
> В океанах киты, погруженные в сон.
> Ленин — Красный Олень, в новобрачном сказанье
> Он пасется меж строк, пьет малиновый звон[9].

И, наконец, последнее четверостишие, с упоминанием Тургенева, творчество которого ассоциировалось с усадебной тематикой, продолжает характеристику свадьбы, которая из *малиновой* становится *яростной*, т. е. несоотносимой с традиционными представлениями о свадьбе. Свадьба обретает черты некоего вселенского действа — ведь это свадьба «всенародного сердца с Октябрьской грозой»:

> Обожимся же, братья, на яростной свадьбе
> Всенародного сердца с Октябрьской грозой,
> Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе,
> Исходя потихоньку бумажной слезой[10].

Тургенев вместе с миром русской усадьбы, миром книжного знания и традиций, миром тишины и покоя противостоит «яростной свадьбе», результаты которой непредсказуемы. Эти клюевские строки с упоминанием Тургенева нередко цитировали современники поэта, видевшие в них прежде всего неприятие усадебного мира, помещичьей жизни. Так, Л.Д. Троцкий отмечал в книге «Литература и революция»:

> Упразднением барской усадьбы Клюев доволен: «пусть о ней плачет Тургенев на полке». Но ведь революция — это прежде всего город: без города не было бы и упразднения дворянской усадьбы[11].

---

[9] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 400.

[10] Там же.

[11] *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. С. 122.

Сходное мнение, причем более четко оформленное, многими годами позже выскажет В.Г. Базанов:

> Клюевская защита крестьянской самобытности и дедовских устоев оборачивается бравированием и оппозиционностью патриархального мужика. Приветствуя разрушение царских дворцов и помещичьих усадеб, поэт призывает сохранять в неприкосновенности крестьянскую деревянную Русь, старые крестьянские обряды. В самых революционных стихах о «красном солнце», о союзе серпа и молота, крестьян и рабочих поэт непременно напомнит о «дедовском кисете», «пшеничном рае»[12].

Интересно сопоставить клюевский текст и его интерпретации, в общем-то, несмотря на разность общей оценки Клюева, созвучные друг с другом, с уже упоминавшимся письмом Ширяевца Ходасевичу, написанным накануне страшных революционных событий — 7 января 1917 г.:

> Пусть уж о прелестях современности пишет Брюсов, а я поищу Жар-Птицу, пойду к тургеневским усадьбам, несмотря на то, что в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем. Ну как не очароваться такими картинками?..
>
> И этого не будет! Придет предприимчивый человек и построит (уничтожив мельницу) какой-нибудь «Гранд-отель», а потом тут вырастет город с фабричными трубами…[13]

Для Ширяевца важен усадебный комплекс. Русская усадьба неотделима для него от крестьянской жизни, поэтому ее гибель приводит и к уничтожению, к гибели мира крестьянского, к утрате культуры как помещичьей, так и крестьянской. Хотя усадебная жизнь символизирует для Ширяевца социальное неравенство, угнетение («в этих самых усадьбах предков моих били смертным боем»), усадьбу, усадебный комплекс как феномен традиционной русской культуры он противопоставляет агрессивному городу, го-

---

[12] *Базанов В.Г.* С родного берега. О поэзии Н. Клюева. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. С. 115.

[13] *Ширяевец А.* Из переписки 1912–1917 гг. / Публ. Ю.Б. Орлицкого, Б.С. Соколова, С.И. Субботина // De Visu. 1992. № 3 (4). С. 30–31.

родской культуре, которая все перемалывает, обрекая на гибель то, что не сродно ей по духу, что противится и сопротивляется молоху города.

В стихотворении Клюева «Старый дом зловеще гулок…» (1910) воспроизводятся значимые составляющие традиционной помещичьей усадьбы. Первое четверостишие — напоминание о золотом веке русской усадебной культуры:

Старый дом зловеще гулок,
Бел под лунным серебром.
Час мечтательных прогулок,
Встреч и вздохов о былом[14].

Этому идиллическому усадебному миру (с обилием поэтических штампов: «лунное серебро», «мечтательные прогулки», «встречи и вздохи») противопоставляется грядущее, в котором возникает образ замка:

Но былому неподвластны —
Мы в грядущее глядим,
Замок сказочно прекрасный
Под луною сторожим[15].

Знаменательно, что это «усадебное» произведение Клюев включил в число текстов, приложенных к письму А.А. Блоку от 5 ноября 1910 г. В том, блоковском, варианте стихотворение начиналось с позднее изъятого автором четверостишия, в котором также нашла отражение усадебная тематика:

Мерно стукает машинка,
Что-то дальнее поет,
Букв оттиснутых *тропинка*
Нас к бессмертию ведет[16].

---

[14] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 134.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 846. Курсив наш.

Бессмертие запечатленных на бумаге текстов соотносится с усадебной тропинкой, уводящей владельцев и гостей усадьбы в загадочные дали, в манящую бесконечность, а возможно, и приводящей к бессмертию.

Продолжает стихотворение «Старый дом зловеще гулок…» образ сада, расцветающего «под луны волшебным взглядом»[17]. Освещенный луной сад не менее значим для «усадебного топоса», чем тропинки и старый помещичий дом.

Переписка Клюева с Блоком началась осенью 1907 г. с отправки последнему в числе произведений и «усадебного», по точному определению С.И. Субботина, стихотворения «Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад…». Исследователь отмечает:

> Среди пяти стихотворений, отобранных Клюевым для своего творческого представления Блоку, было и такое:
>
> Вот и лето прошло, пуст заброшенный сад,
> На дорогу открыта калитка,
> Из поблекшей травы сквозь сырой листопад
> Сиротливо глядит маргаритка. <…>
> Были грезы и сны, и порывы ума,
> Сгибло всё под дыханьем ненастья.
> Позабытый букет да обрывки письма
> Нам с тобою остались от счастья.
>
> Не зная автора этого «усадебного» элегического романса безупречно точной интонации, вполне можно было бы подумать, что перед нами — неизвестный текст одного из поэтов-дворян второй половины XIX века. Но его написал «олонецкий мужик»[18].

При незначительном числе упоминаний в наследии Клюева собственно усадьбы обращает на себя внимание актуальность для его поэтической системы ключевых элементов усадебного комплекса, среди которых наиболее значим сад. Если имеются специальные исследования о концепте сада в поэзии Есенина, прежде

---

[17] *Клюев Н.А*. Сердце Единорога. С. 135.

[18] *Субботин С.И.* Николай Клюев // Русская литература 1920-х — 1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ, 2008. С. 52–53.

всего В.А. Доманского[19], то применительно к наследию Клюева этот концепт требует детального рассмотрения[20].

Для Клюева сад часто ассоциируется именно с русской усадьбой — при отсутствии прямых отсылок легко установить, что описывается именно усадебный сад. Одному из своих стихотворений — «Вы обещали нам сады…» (1911) — Клюев предпослал эпиграф — первую строку стихотворения К.Д. Бальмонта «Оттуда» (1899): «Я обещаю вам сады…». Это стихотворение посвящено стране мечты, стране грез, и сады «с неомраченными цветами» являются символами этой идиллии:

Я призываю вас в страну,
Где нет печали, ни заката,
Я посвящу вас в тишину,
Откуда к бурям нет возврата[21].

Клюев разрушает представление об этой стране, «где нет печали, ни заката»:

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво далеком, <…>

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

---

[19] *Доманский В.А.* Художественный концепт сада в поэзии С.А. Есенина // Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. М.: Лазурь, 2009. С. 102–116; *Доманский В.А.* «Хорошо под осеннюю свежесть душу-яблоню ветром стряхать…». Художественный концепт сада в поэзии С. Есенина // Русская словесность в школах Украины. 2011. № 2. С. 43–48.

[20] Одна из немногих работ, в которой затрагивается тема сада в клюевском творчестве: *Vroon R.* The garden on Russian modernism: Notes on the problem of mentalité in New Peasant poetry // Revue des Études slaves. Paris, 1997. T. LXIX. Fasc. 1/2. P. 135–150. В переводе на русский язык Н.Н. Перцовой: *Вроон Р.* Сад в русском модернизме: К вопросу о менталитете в новокрестьянской поэзии // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск, 2011. Вып. 3. С. 21–46.

[21] *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Полное собрание стихов. 1909–1914. Кн. 1–3. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. С. 284.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли, —
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли[22].

Сад и столь же характерный для усадебного пространства ручей, питающий водой и соединяющий окультуренные или искусственные водоемы, вместо отдохновения и радости приносят печаль и отраву.

Однако для садов, которые описывает сам Клюев, характерны особенности, сближающие их с райским садом. Вот несколько примеров:

Зреет в Отчих садах
Виноградная гроздь[23].

Напомним, что это произведение под названием «На распутье» было приложено автором к уже упоминавшемуся письму Блоку от 5 ноября 1910 г.

Другой пример — стихотворение «Вы деньки мои — голуби белые…» (между 1914 и 1916 гг.):

Вы деньки мои — голуби белые,
А часы — запоздалые зяблики,
Вы почто отлетать собираетесь,
Оставляете сад мой пустынею?

Аль осыпалось красное вишенье,
Виноградье мое приувяло,
Али дубы матерые, вечные,
Буреломом, как зверем, обглоданы[24].

В стихотворении «Труд» («Свить сенный воз мудрее, чем создать…») возникает образ золотого сада:

---

[22] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 145.

[23] Там же. С. 132.

[24] Там же. С. 245.

Бредете вы *по золотому саду*,
Не смея плод оброненный поднять[25].

Или в стихотворении «Пусть черен дым кровавых мятежей…» (1918; первое стихотворение цикла «Из “Красной газеты”»):

Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый Божий сад…[26]

Образ Божьего сада возникает и во втором стихотворении названного цикла — «Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный Суд!..» (1918):

О племя мокриц и болотных улиток!
О падаль червивая в Божьем саду!
Грозой полыхает стоярусный свиток,
Пророча вам язвы и злую беду[27].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что образ русской усадьбы близок Клюеву. Первостепенную роль в определении характерных примет усадебного мира играла для него русская литература, традиции которой были важны для поэта на протяжении всего творческого пути. Если для произведений рубежа 1900–1910-х гг. характерно внимание к усадебному миру и его представителям, что особенно ярко проявляется в поэтических текстах, приложенных к письму Блоку от 5 декабря 1910 г., то произведениям первых послереволюционных лет свойственно отторжение усадебных комплексов, вызванное прежде всего социальными причинами, противопоставлением помещичьего, усадебного мира миру крестьянскому.

---

[25] *Клюев Н.А.* Сердце Единорога. С. 386. Курсив наш.
[26] Там же. С. 378.
[27] Там же. С. 380.

ГЛАВА 2

«Это все мне родное и близкое»: вид из окна в произведениях С.А. Есенина

Центральным объектом на территории традиционной русской усадьбы является главный дом, в котором проживает семья владельцев. Именно вокруг него организуется все остальное пространство, точнее, оно формируется так, чтобы обеспечить комфорт и безопасность обитателям дома. Это касается флигелей, служебных и хозяйственных построек, садово-парковой зоны, системы прудов и др. При планировке непременно учитывалось, какой вид будет открываться из окон тех помещений, в которых будут проживать владельцы и собираться их гости. Предусмотреть, что именно будет видно из окон, — одна из задач, стоявших перед архитекторами, проектировавшими усадебные комплексы. Особое внимание уделялось видам с балкона главного усадебного дома, учитывалось, что владельцам и их гостям будет приятно, если здесь можно будет наслаждаться ароматами цветущих растений, пением соловьев и других птиц.

Крестьянская усадьба, как правило, значительно скромнее помещичьей, в ее проектировании не участвуют известные архитекторы, тем не менее и для крестьян был крайне важен вид из окна их избы.

В этой главе мы обратимся к творчеству С.А. Есенина и важному для него пространству родного села Константиново, расположенного на высоком окском берегу. Для творчества поэта характерно совмещение и частичное наслоение реалий, характерных для помещичьей и крестьянской усадеб. Это касается и вида из окна, причем в данном случае можно проследить взаимодействие в художественном мире поэта видов из окна крестьянского дома, помещичьей усадьбы, городской квартиры, больницы, движущегося поезда. При этом многие из пейзажей,

открывающихся за окном, испытывают явное воздействие «усадебного топоса».

Есенин родился в крестьянской семье. Впрочем, А.Н. Есенин, отец будущего поэта, крестьянским трудом не занимался — с юношеского возраста он жил и работал в Москве приказчиком, лишь временами возвращаясь на родину. Отхожим промыслом, причем довольно успешно, занимался и дед поэта по материнской линии Ф.А. Титов.

Для Есенина как в детстве, так и позже важны несколько объектов на территории села, значимые для него и воплотившиеся в его творчестве. Прежде всего это крестьянская усадьба, в которой Есенин родился, вырос и жил, нередко приезжая в село уже известным писателем. В усадьбе представляют интерес несколько построек, и в первую очередь дом Есениных, в котором в настоящее время расположена мемориальная экспозиция Государственного музея-заповедника С.А. Есенина.

Дом, в котором родился Есенин, необычен для села. В нем было два этажа, причем вся жизнь семьи протекала на втором этаже. Вот как описывает эту постройку сестра Есенина Екатерина:

> С 1907 года мы живем в доме, построенном нашим дедушкой Никитой Осиповичем Есениным, одни. Дом этот несколько необычен для нашего села. Он значительно выше окружающих его изб. Нижний этаж его не имеет ни одного окна. Он служит нам амбаром, ибо ни риги, ни отдельного амбара, ни других хозяйственных помещений построить на усадьбе невозможно. <…> У всех людей есть для летней поры амбары, где от пожара хранят все имущество, а у нас нет. У людей есть сады и огороды за двором, а у нас тоже нет. За нашим двором чужой огород, хозяин которого живет в Кронштадте, и этот огород арендует сосед, самый богатый мужик в нашем селе. Кур наших бьют там чем попало, если они пролезут в этот огород. У нас на старой усадьбе есть половинка огорода <…>. Но из окон нашей избы есть на что посмотреть. Прямо перед глазами заливные луга, без конца и края, до самого леса. По лугу широкой лентой раскинулась Ока. Синее небо чашей опрокинулось над нами. Тишина, простор[1].

[1] *Есенина Е.А.* В Константинове // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и комм.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 31.

Другая сестра, Александра, вспоминала о том, какой удивительный вид открывался из окон, и охарактеризовала интерьеры избы:

> Три передние окна выходили в сторону церкви, и в пролет между церковной оградой и поповским домом из наших окон был виден синеющий вдали лес, излучина Оки и заливные луга. <…> Двери, перегородки, оконные рамы и наличники выкрашены белой краской, на окнах белые, с кружевными прошивками шторы[2].

Илл. 8. Вид из окна усадьбы А.А. Блока Шахматово (Московская область). 2020. Фото автора

Подобная картина — в одном из ранних произведений начинающего автора — «Не видать за туманною далью…» (1911–1912):

> Но сквозь сумрак в туманной дали́
> Загорается, вижу, заря…[3]

Более детально пейзаж, который можно было видеть из окна, предстает в стихотворении «Заглушила засуха засевки…» (1914):

> Зыбко пенились зори за рощей,
> Как холстины ползли облака,

---

[2] *Есенина А.А.* Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 87.

[3] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 4. С. 27.

И туманно по быльнице тощей
Меж кустов ворковала река[4].

Это вид из окна на Оку и поднимающееся из-за далеких мещерских лесов солнце. Перед есенинской избой, как и перед другими домами в Константинове (и это хорошо видно на фотографиях 1926 г.[5]), не было деревьев. Ничто не загораживало Оку и расположенные вдали за рекой леса[6].

Для юного Есенина окна на втором этаже родного дома являлись окнами в большой мир — манящий и увлекающий. В холодные зимние дни, когда нельзя было отправиться с соседскими ребятами на прогулку (не у всех крестьянских детей была теплая одежда и обувь), Есенин подолгу смотрел в окно, наблюдая за постоянно меняющейся картиной.

Именно такими воспоминаниями навеяно одно из ранних произведений Есенина, написанное им в возрасте 16–17 лет и еще сохранившее черты ученичества, — «Воспоминание» («За окном, у ворот…»; 1911–1912). Стихотворение, что характерно и для ряда зрелых произведений поэта, имеет кольцевую композицию, ведущую роль в которой играет окно. Его первое четверостишие:

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
Юность вспоминает[7].

---

[4] *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1 / Сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Наука; Голос. 1995. С. 63.

[5] Воспроизведение фотографий см.: *Савченко Т.К., Серегина С.А., Скороходов М.В., Солобай Н.М., Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И.* Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.). Т. 5. Кн. 2. 24 декабря 1925 — середина 1926. Справочные материалы / Сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 635–636. См. также: *Аникина О.Л., Солобай Н.М.* Первый народный есенинский праздник на родине поэта: Публикация доклада В. Львова-Рогачевского о поездке делегации Всероссийского союза поэтов в Константиново в 1926 г. (из архива ИМЛИ РАН) // Современное есениноведение. 2013. № 25. С. 40–48.

[6] Много позже, в августе 1925 г., Есенин с С.А. Толстой будет жить на просторной даче в Мардакянах под Баку. И там, под окнами, — настоящий большой сад, из которого будут доноситься птичьи голоса (*Толстая-Есенина С.А.* Отдельные записи // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2 / Сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 261).

[7] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 11.

Финальное:

За окном, у ворот
Вьюга завывает,
А на печке старик
С грустью засыпает[8].

Бушующая за окном вьюга не мешает лирическому герою размышлять о былом и спокойно засыпать, насладившись воспоминаниями.

Тот же мотив — в стихотворении «Поет зима — аукает…» (1910):

Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна. <…>

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна[9].

Сходная картина предстает и в другом раннем стихотворении — «Вечер, как сажа …» <1914–1916>:

Вечер, как сажа,
Льется в окно.
Белая пряжа
Ткет полотно.
Пляшет гасница,
Прыгает тень.
В окна стучится
Старый плетень[10].

К тому же времени относится и другое произведение, включенное Есениным в первый поэтический сборник «Больные думы»,

[8] *Есенин С.А*. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 12.
[9] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 17–18.
[10] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 87.

который он намеревался издать в Рязани в 1912 г. (этот проект не осуществился). Сохранилась рукопись сборника, в том числе стихотворение с характерным для рассматриваемой нами темы заглавием «Отойди от окна» (<1911–1912>). Это обращение девушки к своему поклоннику, ухаживания которого она отвергает:

Не ходи ты ко мне под окно
И зеленой травы не топчи;
Я тебя разлюбила давно,
Но не плачь, а спокойно молчи. <…>
Все равно я не буду твоею,
Я теперь не люблю никого,
Не люблю, но тебя я жалею,
Отойди от окна моего!
Позабудь, что была я твоею,
Что безумно любила тебя;
Я теперь не люблю, а жалею —
Отойди и не мучай себя![11]

В годы лихолетий Есенин всегда с радостью и волнением приезжал на родину. И вид из окна позволял ему вспоминать о детстве. Его сестра Екатерина вспоминала:

> Началась война. Сергея призвали в армию.
>
> Худой, остриженный наголо, приехал он на побывку. Отпустили его после операции аппендицита.
>
> — Какая тишина здесь, — говорил Сергей, стоя у окна и любуясь нашей тихой зарей[12].

Сейчас вид из окон дома Есениных несколько иной, поскольку нынешний дом одноэтажный, значительно ниже прежнего, сгоревшего в 1922 г. во время сильнейшего пожара, которым были уничтожены многие крестьянские избы и хозяйственные постройки. Но в памяти поэта сохранялись детские воспоминания. Причем память о родине, о доме в Константинове во многом ассоциировалась именно с видом из окна.

[11] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 36.

[12] *Есенина Е.А.* В Константинове. С. 42.

Илл 9. Село Константиново (Рязанская область). Вид из окна дома Есениных на Казанскую церковь. 2018. Фото автора

В маленькой поэме «Мой путь» (1925) воспоминания о родном селе связаны с интерьерами избы и видом из окна:

Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий свет.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущенья детских лет.

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.
Лежанка, бабка, кот...
И бабка что-то грустное,
Степное пела[13].

[13] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2 / Подгот. текстов и коммент.: С.И. Субботин. М.: Наука; Голос. 1997. С. 159.

И позже в стихотворении «Я красивых таких не видел…» (13 сентября 1925), посвященном «Сестре Шуре»:

Как живет теперь наша корова,
Грусть соломенную теребя? <…>
Отгорела ли наша рябина,
Осыпаясь под белым окном?[14]

Также и в другом обращенном к сестре стихотворении — «Ты запой мне ту песню, что прежде…» с той же датой:

Показалась ты той березкой,
Что стоит под родимым окном[15].

Процитированный фрагмент соотносится с одним из ранних есенинских стихотворений — «Береза» (<1913>):

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром[16].

Образ окна значим и для написанного неделю спустя, 20 сентября 1925 г., стихотворения «Снежная замять дробится и колется…»:

Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна[17].

Морозной зимой, когда бушует вьюга, особенно дорогим становится для лирического героя уютный мир родной избы, теплящийся и согревающий даже на расстоянии огонек. Он вселяет уверенность в свои силы, дает путнику надежду.

В заключительном четверостишии этого стихотворения — соединение разных видов из окна. Лирический герой находится

[14] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 242.
[15] Там же. С. 246.
[16] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 45.
[17] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 279.

уже внутри дома, и ему предстает совершенно иная картина — окружающий мир с бушующей вьюгой оказывается теперь за окном:

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду[18].

Илл. 10. Село Константиново (Рязанская губерния). Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. 1910–1917 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина

За окном лирическому герою видится «наш сад» — пространство, крайне важное для Есенина. Подробнее мы остановимся на этой теме ниже (см. с. 121–122), сейчас же отметим актуальность для образной системы поэта образа липы — одного из главных «усадебных» деревьев в произведениях русской словесности.

Липы, липовые аллеи — одна из значимых примет как помещичьей усадьбы, так и «усадебного топоса» русской словесности. Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова справедливо отмечают:

…очень быстро липовые аллеи отвоевывают себе место в русских усадебных садах и, что еще более важно для нашей темы,

[18] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 280.

становятся практически обязательным элементом любого имения, а также элементом его литературного описания. В самом деле, мы почти не найдем описания усадьбы, будь то поэтического или прозаического, в котором бы не фигурировала липовая аллея[19].

Характерный пример такого литературного описания — стихотворение А.Н. Апухтина «Ожидание грозы» (16 июля 1856):

Ночь близка… На небе черном
Серых туч ползет громада;
Всё молчит в лесу нагорном,
В глубине пустого сада.
<…>
Ночь настанет. Черной тучей
Пыль поднимется сильнее,
Липы с силою могучей
Зашатаются в аллее[20].

В стихотворении В.Я. Брюсова «В полях забытые усадьбы...» (1910–1911) именно липовые аллеи, как одни из самых распространенных в помещичьих усадьбах, становятся символом всего усадебного парка:

Дряхлеют парки вековые
С аллеями душистых лип[21].

Говоря об аллеях у Брюсова, нельзя не упомянуть об одном чрезвычайно интересном его поэтическом опыте. Это произведения о «гендерных» аллеях — два стихотворения «с одинаковым названием “В том же парке”, написанные соответственно в 1906 и 1912 гг.: причем в одном случае история любви дана глазами девушки (1906), в другом — юноши (1912). И в парке “женской” вер-

[19] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа… С. 60.

[20] *Апухтин А.Н.* Сочинения: Стихотворения. Проза / Сост. и подгот. текстов А.Ф. Захаркина; Вступ. ст. М.В. Отрадина; Примеч. Р. А. Шацевой. М.: Художественная литература, 1985. С. 43.

[21] *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 31.

сии фигурируют лиственные деревья (липы), а в парке “мужской” версии — хвойные»[22].

Подобное отношение русских писателей к липовым аллеям со временем не только не утратилось, но и укрепилось. Реальные аллеи на потерявших былых владельцев усадьбах продолжали дряхлеть и исчезать, но «спасла» их литературная традиция. В зна-

Илл 11. Село Константиново (Рязанская область). Церковь Казанской иконы Божией Матери. Вид со стороны Оки. 2018. Фото автора

чительной степени благодаря Бунину, «в частности его повести “Темные аллеи”, давшей название и всему циклу, липовая аллея впоследствии стала восприниматься как символ русской усадебной жизни, как одна из составляющих позднего пассеизма и даже символ русской жизни вообще»[23].

Но вернемся к виду из есенинского окна. Отметим, что в окна родительского дома Есениных смотрели и родные поэта. Вид из него действительно завораживал. После революций 1917 г., когда в Москве национализировали, а затем и вовсе закрыли мясную лавку, в родное село вернулся отец поэта Александр Никитич. Он, все зрелые годы проработавший в Москве, не был привычен к крестьянскому труду, ему было крайне сложно адаптироваться к новой для него обстановке. Размышлять о бы-

[22] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа… С. 63.

[23] Там же. С. 61.

лом помогал ему вид из окна. Его дочь Александра вспоминала: «Целыми часами сидел он у окна, опершись на руку, и смотрел вдаль»[24].

Из окна дома Есениных был виден не только храм, но и дом его настоятеля священника отца Иоанна (И.Я. Смирнова), законоучителя константиновского земского училища, в котором учился Есенин. Екатерина Есенина вспоминала, что когда брат «отправлялся к Поповым, мать не отрывая глаз смотрела в окно до тех пор, пока Сергей скрывался в дверях дома Поповых»[25]. Когда к этому всегда гостеприимному хозяину съезжались гости, из окна есенинской избы можно было наблюдать за происходящим. Екатерина Есенина писала:

> Санки, одни за другими, подъезжали к дому Поповых. Я сидела и смотрела в окно, как гости вылезали из санок[26].

Дом священника отличался от крестьянских построек наличием важного элемента — ставней:

> Кусты акаций каймою облегали невысокий старинный дом со створчатыми ставнями. Направо — церковь, белая, и стройная, как невеста, налево — дом дьякона, дальше — дьячка. Большие сады позади этих домов как бы сплелись между собою и, полные разных яблок и ягод, были соблазнительно хороши. В старинном доме с акациями жил наш священник, отец Иван[27].

Именно воспоминаниям об этом доме посвящено стихотворение Есенина «Низкий дом с голубыми ставнями…» (<1924>), в котором дважды — в начале и в конце — повторяются строки:

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда[28].

---

[24] *Есенина А.А.* Родное и близкое. С. 88.
[25] *Есенина Е.А.* В Константинове. С. 36.
[26] Там же. С. 38.
[27] Там же. С. 37.
[28] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 205–206.

Кроме крестьянской усадьбы Есениных, для поэта важен и другой объект на территории села — усадьба Титовых, родителей матери Татьяны Федоровны, урожденной Титовой. В детстве Есенин провел несколько лет в этом доме, расположенном в другой части Константинова, которая носила название Матово. К сожалению, дом не сохранился, но память о нем, о жизни у Титовых была важна для Есенина. Причем, как и в случае с домом Есениных, сестры поэта в своих достаточно подробных воспоминаниях уделяют значительное внимание окнам и виду из них, прежде всего ночному:

> Дедушка с Сергеем спали на печке. Из окна на печку светила луна.
>
> — Дедушка, а кто это месяц на небе повесил?
>
> Дедушка все знал и, не задумываясь, отвечал.
>
> — Месяц? Его туда Федосий Иванович повесил.
>
> — А кто такой Федосий Иванович?
>
> — Федосий Иванович сапожник, вот поедем с тобой во вторник на базар, я тебе покажу его — толстый такой[29].

В стихотворении «Вот уж вечер. Роса…» (1910) Есенин напишет:

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу[30].

Хотя окно здесь не упоминается, важен лунный свет, который не только освещает крышу, но и проникает через окно в дом.

Воспоминания об усадьбе Титовых найдут отражение в маленькой поэме Есенина «Письмо деду» (декабрь 1924), которая начинается строками:

Покинул я
Родимое жилище.

---

[29] *Есенина Е.А.* В Константинове. С. 33.

[30] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 15.

Голубчик! Дедушка!
Я вновь к тебе пишу.
У вас под окнами
Теперь метели свищут,
И в дымовой трубе
Протяжный вой и шум,

Как будто сто чертей
Залезло на чердак.
А ты всю ночь не спишь
И дрыгаешь ногою.
И хочется тебе,
Накинув свой пиджак,
Пойти туда,
Избить всех кочергою[31].

Дом деда предстает в памяти лирического героя как защищенное от природных и житейских невзгод пространство. За окном, вне дома, — зима, которая пытается проникнуть внутрь через всевозможные отверстия — щели на чердаке, трубу, но внутренний мир сберегается.

После пожара 1922 г. для проживания до постройки нового дома Есенины приобрели и установили в глубине двора небольшую избу-времянку, в которой ютились до конца 1924 г. В этой избе во время приездов на родину в 1924 г. бывал и поэт. Вид из окна времянки был совершенно иным, чем из прежнего дома, — не на церковь и петляющую вдали Оку, а на сад. Александра Есенина писала о том времени:

> Все здесь было бедно и убого. <…> Но стоило распахнуть маленькое оконце — и перед глазами вставала чудесная картина. Кругом яблони и вишни. Сидя у окна, чувствуешь себя как в сказке. Отойдешь, и еще какое-то время тебя не покидает это сказочное ощущение.
>
> Своего яблоневого сада у нас не было. В 1921 году отец купил и посадил несколько молодых яблонек, но во время пожара они все погибли, за исключением одной, которая стояла теперь перед

[31] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 138.

окнами домика. Но по обе стороны нашего огорода у соседей были прекрасные многолетние сады с раскидистыми яблонями, свешивающими свои ветви на наш огород[32].

Поскольку вид из окна крайне важен для поэтики Есенина, кратко остановимся и на виде из окон городских квартир, в которых он жил. Из окна московской квартиры Г.А. Бениславской по Брюсову переулку в то время, когда там жил Есенин, тоже открывался прекрасный вид, причем были заметны кресты на церкви и уходящая вдаль река, роднившие его с константиновским:

Квартира, в которой жила Галя, находилась на седьмом этаже. Из широкого венецианского окна Галиной комнаты в солнечные дни вдалеке виднелся Нескучный сад, лесная полоса Воробьевых гор, синевой отливала лента реки Москвы и золотились купола Ново-Девичьего монастыря[33].

Отметим, что теперь, спустя почти 100 лет, из окна этого сохранившегося дома можно увидеть только соседние дома — все вокруг застроено более высокими зданиями.

После переезда поэта в середине 1925 г. к Софье Андреевне Толстой вид из окна новой для него квартиры совершенно иной. Уже нет простора, к которому поэт привык с детства, нет даже того вида, который открывался из окна квартиры в Брюсовом переулке. За окном — типичный городской пейзаж, который, как известно, всегда угнетающе действовал на Есенина. По типу скорее даже не московский, а петербургский. И душевной близости между людьми в таком мрачном доме с мрачным видом из окна тоже нет:

Серый, мрачный шестиэтажный дом. Сквозь большие со множеством переплетов окна, выходившие на северную сторону, скупо проникал свет. <…> В этой квартире жили люди кровно родные между собой, но внутренне чужие друг другу и почти не общались[34].

---

[32] *Есенина А.А.* Родное и близкое. С. 90–91.

[33] Там же. С. 98.

[34] Там же. С. 116.

Один из последних видов из окна в жизни Есенина — вид из палаты больницы, на лечении в которой он находился в конце ноября — первой половине декабря 1925 г. Об этом времени вспоминала сестра поэта Александра:

> 26 ноября Сергей лег в клинику для нервнобольных, помещавшуюся на Б. Пироговской улице, в Божениновском переулке. Клиника эта скорее походила на санаторий: внизу в вестибюле стояли цветы, всюду чистота, на натертых паркетных полах лежали широкие ковровые дорожки. Отношение врачей к Сергею было очень хорошим. Ему отвели отдельную светлую комнату на втором этаже, перед окном которой стояли в зимнем уборе большие деревья[35].

На третий день пребывания в клинике Есенин пишет стихотворение, в котором воспроизводит вид из окна:

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел[36].

Клен с раскидистой кроной, которому не мешают другие деревья или тесная городская застройка, воспринимается поэтом как примета сельской жизни. Вид из окна рождает в памяти автора другие ассоциации — с видом из окна в далеком детстве.

Еще через два дня — вновь вид из окна, теперь уже ночного — воплощается в стихотворении «Какая ночь! Я не могу...»:

Какая ночь! Я не могу...
Не спится мне. Такая лунность!
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью.

---

[35] *Есенина А.А.* Родное и близкое. С. 121.

[36] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 233.

Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью[37].

Толстая-Есенина вспоминала:

…в одном из предсмертных стихотворений «Какая ночь! Я не могу...», написанном в ноябре 1925 г. в клинике, отразились впечатления от сада в снегу, который Есенин видел из окна своей комнаты:

...Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая[38].

О лунной ночи пишет сестра Александра, вспоминая о приезде Есенина в Константиново в мае — июне революционного 1917 г.:

Была тихая теплая лунная ночь. Дома на селе, освещенные полной луной, казались какими-то обновленными, а на белой церковной колокольне четко отпечатались густые узорные тени от ветвей берез. Все спали. Не было видно ни одного освещенного окна, а мы еще сидели за самоваром. Напившись чаю, Сергей вышел погулять и остановился у раскрытого окна[39].

О проницаемости окна для лунного света свидетельствует стихотворение зрелого периода — «Синий май. Заревая теплынь…» (1925):

В деревянные крылья окна
Вместе с рамами в тонкие шторы
Вяжет взбалмошная луна
На полу кружевные узоры[40].

Причем луна воздействует на пространство как внутри дома, так и за его пределами:

---

[37] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 234.
[38] *Толстая-Есенина С.А.* Отдельные записи. С. 262.
[39] *Есенина А.А.* Родное и близкое. С. 74.
[40] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 211.

Сад полышет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова «милый»[41].

Впрочем, в стихотворении «Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки…»; 1925) происходящее за окном хотя и волнует лирического героя, однако не помогает ему обрести любимую:

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится[42].

Но все же желание увидеть ее, хотя бы и за окном, не оставляет лирического героя. Мотив получает развитие в стихотворении «Листья падают, листья падают…» (август 1925):

Что желать под житейскою ношею,
Проклиная удел свой и дом?
Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном[43].

Причем, как и в ряде других произведений, значимой становится луна, которая завораживает лирического героя («Я смотрю и смотрю на луну…»[44]). Более того, возникает особое состояние — «лунность»[45].

В одном из стихотворений осени 1925 г. — «Не криви улыбку, руки теребя…» (4/5 октября 1925) — уже лирический герой находится за пределами дома, вне его, и заглядывает в окно:

Ты сама ведь знаешь, знаешь хорошо —
Не тебя я вижу, не к тебе пришел.

---

[41] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 211.

[42] Там же. С. 217.

[43] Там же. С. 235.

[44] Там же.

[45] См. также стихотворения «Неуютная жидкая лунность…» (<1925>) и «Какая ночь! Я не могу...» со строкой «Не спится мне. Такая лунность!» (*Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 234).

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно[46].

И здесь также значим любовный мотив («Я люблю другую, только не тебя»[47]).

Есенин много путешествовал — совершил один из первых перелетов на самолете, добравшись из Москвы до Кенигсберга, на океанских лайнерах пересек Атлантический океан, ездил на автомобилях. Но больше всего путешествовал поездом. И, конечно, внимательно следил за тем, что происходит за окном. Об этом мы узнаём из писем поэта. В одном из них, к Евгении Лившиц от 11 августа 1920 г., описывается событие, ставшее основой маленькой поэмы «Сорокоуст»:

> Сегодня утром мы из Кисловодска выехали в Баку, и, глядя из окна вагона на эти кавказские пейзажи, внутри сделалось как-то тесно и неловко. Я здесь второй раз в этих местах и абсолютно не понимаю, чем поразили они тех, которые создали в нас образы Терека, Казбека, Дарьяла и вс<его> проч<его>. <…> Ехали мы от Тихорецкой на Пятигорск, вдруг слышим крики, выглядываем в окно, и что же? Видим, за паровозом что есть силы скачет маленький жеребенок. Так скачет, что нам сразу стало ясно, что он почему-то вздумал обогнать его. Бежал он очень долго, но под конец стал уставать, и на какой-то станции его поймали. Эпизод для кого-нибудь незначительный, а для меня он говорит очень много. Конь стальной победил коня живого[48].

Об этом эпизоде вспомнит и Мариенгоф[49].

Позже, сидя несколько дней в стоявшем в Самаре поезде, Есенин в конце апреля — начале мая 1921 г. писал Мариенгофу:

---

[46] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 285.

[47] Там же.

[48] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 6 / Сост. и общ. ред. — С.И. Субботин; Подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; Реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 115.

[49] *Мариенгоф А.Б.* Воспоминания о Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 320–321.

Сейчас сижу в вагоне и ровно третий день смотрю из окна на проклятую Самару и не пойму никак, действительно ли я ощущаю все это или читаю «Мертвые души» с «Ревизором»[50].

Отсылка к произведениям Н.В. Гоголя в данном случае крайне важна — автор письма сравнивает современную ему действительность с образами и сюжетами классика.

Мир, который лирический герой Есенина наблюдает за окном, весьма разнообразен. В ряде случаев окно отделяет мир живущих от мира усопших, является границей между здравствующими и ушедшими в иной мир людьми. Такая доступность неземного мира, его открытость для молитв характерна для раннего творчества Есенина. И такое представление соответствует православной культуре, в духе которой поэт воспитывался в Константиновском земском училище и Спас-Клепиковской второклассной учительской школе.

В маленькой поэме «Марфа Посадница» (1914) окно выступает в качестве проницаемой границы между земным и горним мирами:

Раскололся зыками колокол на вече,
Замахали кружевом полотнища зорние;
Услыхали ангелы голос человечий,
Отворили наскоро окна-ставни горние[51].

Аналогичная ситуация в маленькой поэме «Микола» (1915):

Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
«О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край…»[52].

Еще один подобный пример того же времени — стихотворение «Богатырский посвист» (<1914>):

Грянул гром. Чашка неба расколота.
Разорвалися тучи тесные.

---

[50] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 120.
[51] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 7.
[52] Там же. С. 14.

На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небесные.
Отворили ангелы окно высокое,
Видят — умирает тучка безглавая…[53]

Но окно выполняет не только сакральные функции. В реальной жизни близость к окну порой воспринималась Есениным как опасность. Об этом свидетельствуют воспоминания Р. Ивнева, характеризующие время пребывания поэта в больнице на рубеже 1923–1924 гг.:

> Еще до отъезда Есенина на Кавказ я навестил его в больнице на Полянке. Это было своеобразное лечебное заведение, скорее похожее на пансионат. У Есенина была своя комната — большая, светлая, с четырьмя окнами. Опять встреча, поцелуи, расспросы. На вид Есенин был совершенно здоров.
>
> Во время разговора мы сидели у окна. Вдруг Есенин перебил меня на полуслове и, перейдя на шепот, как-то странно оглядываясь по сторонам, сказал:
>
> — Перейдем отсюда скорей. Здесь опасно, понимаешь? Мы здесь слишком на виду, у окна...[54].

Отметим, что эти биографические данные созвучны ощущению тревоги, которое возникает в поэме «Страна Негодяев» (1922–1923). Например:

Барсук
<…> (Подходит к окну.)
Я хотел бы...
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция.
Номах
(подбегая к окну)
Как?

---

[53] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 72.

[54] *Ивнев Р.* О Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 345.

Уже?
О! Их всего четверо...
Барсук
Мы пропали[55].

Окно в данном случае не может оберегать тех, кто находится внутри помещения. Это ненадежная защита. Однако прозрачность окна позволяет узнать об опасности и принять соответствующие меры для спасения.

Различные модификации мотива вида из окна характерны для «Поэмы о 36» (август 1924). Например, мечты заключенных о доме «Там за Уралом», где хочется видеть не мрачные казематы, а обстановку, напоминающую родной дом, и окно становится одной из его характерных примет:

В синюю гладь
Окна
Скрипкой поет
Луна[56].

Страшнее судьба узников, томящихся в Шлиссельбурге. Там неотступно желание покинуть тюрьму, освободиться:

Хочется вырвать
Окно
И убежать в луг[57].

Однако картина, которую можно наблюдать за окном тюрьмы, безрадостна:

В окнах бурунный
Вспург.

---

[55] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 3 / Сост. и подгот. текстов — Н.И. Шубникова-Гусева; Коммент.: Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: Наука; Голос. 1998. С. 110.

[56] Там же. С. 141.

[57] Там же. С. 143, 151.

Крепко стоит
Шлиссельбург[58].

Окно вагона, в котором узников везут в Сибирь, проницаемы для взгляда, а потому опасны. Именно поэтому намеревающийся бежать «тридцать первый» просит:

«…Вы заградите меня
Подле окна
От огня,
Чтоб не видал
Конвой»[59].

Внутренний мир начинающего поэта раним, его непросто сохранять в гармонии после переезда в огромную Москву, где за окном — неизвестный и потому кажущийся враждебным мир, мостовая вместо проселочной дороги, к которой он привык. Сходная ситуация наблюдается и при восприятии из замкнутого пространства дома или поезда внешней среды, которая оценивается как «чужой» мир, что часто вызывает тревогу. Неслучайно начинающий 18-летний поэт, в детстве и юности прочитавший огромное количество книг, включая произведения классиков и современных ему авторов, писал в письме к своей близкой знакомой Марии Бальзамовой:

> Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится еще, — я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую[60].

Окна — одно из свидетельств защищенности того внутреннего пространства, границей которого они служат. Отсутствие окон и дверей — другой, не менее важной защиты пространства внутри дома, — одно из свидетельств разорения, разрушения. Подтверждением этого тезиса может служить маленькая поэма «Кобыльи корабли» (сентябрь 1919):

---

[58] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 144, 150.

[59] Там же. С. 150.

[60] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 41.

Синей конницей скачет рожь,
Обгоняя леса и села?

Нет, не рожь! Скачет по́ полю стужа,
Окна выбиты, настежь двери.
Даже солнце мерзнет, как лужа,
Которую напрудил мерин[61].

Мы уделили значительное внимание произведениям, в которых важную роль играет вид — крестьянского дома, городской квартиры, мчащегося по бесконечным пространствам степей или стоящего на запасных путях поезда. Насколько важны подобные описания для нашей темы? Без сомнения, важны и актуальны. Нельзя не отметить, что в творчестве Есенина окно — в соответствии с отечественной и мировой литературной традицией (да и повседневным опытом также) выполняет роль границы, отделяющей один мир от другого. Сходную роль границы выполняют и некоторые элементы усадебных комплексов, например, калитка, о чем будет подробнее рассказано в следующей главе.

[61] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 78.

ГЛАВА 3

«Усадебные» контексты и вариативность «русского мира» в творчестве С.А. Есенина

Выявление глубинных смыслов «Анны Снегиной» (1925) и других произведений С.А. Есенина в контексте «русского мира» — одной из центральных мифологем отечественной культуры[1] — базируется на анализе биографического и литературного материала, свидетельствующего о вовлеченности поэта в литературный процесс эпохи. Внимание к крестьянскому и помещичьему быту, к традиционным усадебным темам роднит поэтическое пространство Есенина с наследием его предшественников и современников, свидетельствует о важности для него творческого инструментария, характерного для русского модернизма.

Современные исследователи, как уже было отмечено, подчеркивают тесную связь культуры русской усадьбы с крестьянской культурой, с крестьянским миром. Так, Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова констатируют:

> …в самом способе существования русской усадьбы, по необходимости включающей в себя равно миры дворянский и крестьянский, культура и естество шли рука об руку. Это единство природы и культуры выражалось во всем: начиная с предметов быта, усадебного образа жизни, особенностей усадебно-парковой архитектуры[2].

---

[1] См. об этом, например: *Габриелян О.А.* Русский мир: мифопоэтические основания идеологии // Ярославский педагогический вестник: Научный журнал. 2018. № 6. С. 353–358.

[2] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа… С. 17.

Это положение актуально при рассмотрении есенинского наследия. Свойственное эпохе переосмысление линейной модели исторического времени, характерный для нее семантический сдвиг в трансформации традиционной пространственно-временной модели затрагивает и есенинское творчество, в том числе поиски, связанные с «усадебным топосом».

Интересно проследить, как переплетаются две модели «русского мира» — помещичьего и крестьянского — в творчестве Есенина — поэта, который называл себя «последним поэтом деревни», но при этом для него, в отличие от предшественников по крестьянскому сословию, таких как И.З. Суриков и С.Д. Дрожжин, быт и заботы сельских тружеников не стали ведущей творческой темой. Есенин смог отойти от сословного восприятия «русского мира», постичь его целостность и неделимость.

Важнейшим источником сведений об усадебной жизни явилась для Есенина русская словесность, произведения которой будущий поэт изучал в родном селе как учащийся Константиновского земского училища и позже, отправившись для продолжения учебы в Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу, а затем став слушателем Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. Обращает на себя внимание документально зафиксированный интерес Есенина к творчеству писателей XIX в., для которых была актуальна усадебная тема. Так, в письме Есенина другу юности Григорию Панфилову (1912) есть фраза: «я все-таки встречал тургеневских типов». И далее, рассказывая о знакомстве с Марией Бальзамовой, Есенин поясняет: «Эта девушка тургеневская Лиза (“Двор<янское> гн<ездо>”) по своей душе»[3]. Эти слова одного из наиболее ранних среди сохранившихся писем Есенина не только позволяют рассматривать его как внимательного читателя И.С. Тургенева, сравнивающего людей, с которыми знакомился и общался, с образами, созданными классиком XIX в., но и свидетельствуют о том, что о Тургеневе, о созданных им типах Есенин говорил с друзьями и раньше. Еще один «усадебный» писатель, о котором сообщает Есенин, — Л.Н. Толстой. Его фамилия возникает в письме к «тургеневской девушке» Марии Бальзамовой (1913) — в сообщении о некоем И. Павлове,

[3] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 13.

который характеризуется как «последователь и ярый поклонник Толстого, тоже вегетарианец»[4]. Отметим, что С.И. Субботин, комментировавший в полном собрании сочинений Есенина ранние письма поэта, проследил влияние идей Толстого и составленного им «Круга чтения» на эпистолярное наследие поэта[5]. Важны для него «усадебные» произведения Н.В. Гоголя[6], которого он называет любимым писателем[7]. Безусловно, актуальны при рассмотрении есенинского наследия и образцы «усадебной» лирики — произведения Н.П. Огарева, А.Н. Апухтина, А.А. Фета, А.Н. Плещеева и др.

Илл. 12. Село Константиново (Рязанская губерния). Л.И. Кашина и Б.И. Кулаков. 1910–1912 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина

---

[4] *Есенин С.А*. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 31.

[5] *Субботин С.И.* [Комментарии] // *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 260–291.

[6] О значимости для Есенина наследия Н.В. Гоголя см.: *Знобищева М.И.* Гоголь в художественном сознании Есенина: философия и поэтика русского пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2012.

[7] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 10.

В контексте рассмотрения усадебно-парковой темы в творчестве Есенина обратим внимание на произведения И.А. Гончарова, что особенно актуально в связи с тем, что гончаровские контексты в есенинском наследии не рассматривались[8]. Прежде всего упомянем «Обыкновенную историю» (1844–1847). Садово-парковое пространство с березами и сиренью предстает главному герою романа Александру Адуеву как «место злачно», «место покойно», что соотносится со словами молитвы при отпевании («Господь Бог наш учинит души их в месте светле, в месте злачне, в месте покойне»):

> …Александр опрокидывался на спинку стула и уносился мысленно в место злачно, в место покойно, где нет ни бумаг, ни чернил, ни странных лиц, ни вицмундиров, где царствуют спокойствие, нега и прохлада, где в изящно убранной зале благоухают цветы, раздаются звуки фортепиано, в клетке прыгает попугай, а в саду качают ветвями березы и кусты сирени[9].

Сад в грезах Александра уподобляется саду эдемскому, что характерно для русской литературной традиции. Более разнообразны деревья в реальной патриархальной помещичьей усадьбе в деревне Грачи:

> От дома на далекое пространство раскидывался сад из старых лип, густого шиповника, черемухи и кустов сирени. Между деревьями пестрели цветы, бежали в разные стороны дорожки, далее тихо плескалось в берега озеро, облитое к одной стороне золотыми лучами утреннего солнца и гладкое как зеркало; с другой — темно-синее, как небо, которое отражалось в нем, и едва подернутое зыбью[10].

---

[8] Материал И.Л. Галинской «Пушкинские мотивы у И.А. Гончарова и С.А. Есенина (обзор)» (Культурология. 2010. № 2 (53). С. 95–97) является по сути рефератом двух статей 2008 г., одна из которых посвящена пушкинским традициям у Гончарова, вторая — у Есенина.

[9] *Гончаров И.А.* Обыкновенная история: Роман в двух частях // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 251.

[10] Там же. С. 187.

Сад во всей своей целостности является одним из символов родовой усадьбы, которая создается поколениями владельцев. Именно об этом обращенные к Александру слова его матери, Анны Павловны:

> — Вот эти липы, — говорила она, указывая на сад, — сажал твой отец. Я была беременна тобой. Сижу, бывало, здесь на балконе да смотрю на него. Он поработает, поработает да взглянет на меня, а пот так градом и льет с него. «А! ты тут? — молвит, — то-то мне так весело работать!» — и опять примется[11].

Однако Александра не удовлетворяет сельская жизнь:

> Он сиживал молчаливо у окна и уже равнодушно глядел на отцовские липы, с досадой слушал плеск озера. Он начал размышлять о причине этой новой тоски и открыл, что ему было скучно — по Петербургу!? Удалясь от минувшего, он начал жалеть о нем[12].

В приведенной цитате важно размышление у окна, актуальное, как было отмечено выше, для многих есенинских произведений. Конечно, для образной и философской системы Есенина жизненны не только процитированные размышления Александра Адуева, но и традиция русской «усадебной» литературы в целом, и роль Гончарова в ее создании очевидна[13].

Нельзя не отметить и более близкую по времени традицию, прежде всего А.А. Блока, в том числе при описании сада и парка: «…таинственный клен, / Неизменно склоненный к тебе» («Я и молод, и свеж, и влюблен…», 1902[14]). Ср. у Есенина: «…тот ста-

---

[11] *Гончаров И.А.* Обыкновенная история. С. 446.

[12] Там же. С. 448.

[13] См. также: *Глазкова М.В.* «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2008; *Акимова А.С.* И.А. Гончаров в художественном мире А.Н. Толстого: мир русской усадьбы в изображении писателей // Вопросы культурологии. 2018. № 12. С. 48–50.

[14] *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. М.: Наука, 1997. С. 114.

рый клен / Головой на меня похож» («Я покинул родимый дом…» (1918[15]).

> Уподобление человека дереву, а дерева человеку становится обычным для творчества Есенина, о чем свидетельствует обилие поэтических образов, связанных с деревом,

— справедливо отметил В.А. Доманский[16].

Вторым весьма существенным источником сведений о русской усадьбе явились для поэта личные впечатления. Есенин видел помещичьи усадьбы во время близких и дальних поездок по России в дореволюционное время. Была усадьба и в селе Константиново, во времена его детства она принадлежала московскому купцу И.П. Кулакову, а в период его юности — дочери Кулакова Л.И. Кашиной, ставшей одним из прототипов главной героини поэмы «Анна Снегина».

Помещичья усадьба существовала в селе на протяжении длительного времени, неоднократно меняла владельцев, перестраивалась и обновлялась. Исторически эти красивейшие места на высоких окских холмах были частью земель, принадлежавших владельцам села Константиново, здесь располагалась барская усадьба, где центральное место занимал господский дом с парком и садом. Но никто из владельцев, среди которых были князя Мышецкие и Нарышкины, А.М. Голицын и Е.А. Долгорукова, братья Олсуфьевы, не проживал здесь постоянно.

> В 1879 г В.А. Олсуфьев продает усадьбу Сергею, Николаю и Александру Григорьевичам Куприяновым — купцам из уездного центра Тульской губернии города Богородицка. В конце 1880-х гг. на месте деревянного одноэтажного дома новые хозяева имения

---

[15] *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 143.

[16] *Доманский В.А.* Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. С. 194. См. также: *Щербаков С.А.* Мотивы сада в творчестве С. Есенина и С. Клычкова // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. С. 252–287. См. также: *Акимова М.С.* Стихотворение Н.М. Рубцова «В старом парке» в контексте русской усадебной поэзии // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 164–175.

купцы построили уютную дачу с цокольным кирпичным этажом и деревянным мезонином. Первый этаж окаймляла полукругом просторная веранда. В 1897 г. А.И. Куприянов продает имение Ивану Петровичу Кулакову. При нем, а впоследствии при его дочери Ли-

Илл. 13. Село Константиново (Рязанская губерния). Усадьба Л.И. Кашиной. Слева направо: Е.И. Муретова, Г.А. Кожевников, Л.И. Кашина, Нина Кашина, неизвестный в усадебном парке. 1916–1917 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина

дии Ивановне Кашиной здесь протекала характерная для начала XX в. дачная жизнь состоятельной московской купеческой семьи.

Имение Л.И. Кашиной по декрету советской власти было конфисковано и передано на попечение местных властей, а в 1918 году по решению Рязанского уездного исполкома в доме был организован детский дом имени III Интернационала, просуществовавший здесь до 1923 года. <…> в 1969 году усадьбу музеефицировали, с 1995 года в ней работает музей поэмы «Анна Снегина»[17].

Жители Константинова вспоминали, что при И.П. Кулакове, а особенно при Л.И. Кашиной эта небольшая по размерам и небо-

[17] *Аникина О.Л., Бабицына Н.Н., Воронина Ю.Н., Евдокимова В.Ю., Иоганссон Б.И., Калинина Л.В., Панкратова В.И., Рамненак Н.В., Скороходов М.В., Титова В.С.* Путеводитель по Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина. С. 129.

гатая усадьба приобрела ухоженный вид: около дома росли кусты сирени и жасмина, был разбит розарий, порядок в котором поддерживал приглашенный садовник. Свой сад Кашина описывает в письме от 23 мая 1908 г.:

> Сад замечательно погустел; вишни уже в цвету, яблони начинают распускаться, а сирень и жасмин еще не цветут[18].

На усадебной территории располагался довольно просторный каретный сарай — хозяйка, любившая лошадей, пригласила берейтора, который объезжал лошадей и учил верховой езде ее детей. Специально для них был разбит детский огород. Недалеко от усадьбы, ниже по склону в сторону Оки, был пруд, питавшийся подземными родниками. Кашина со своими гостями или с детьми нередко выезжала на конные прогулки. В 1915 г. она сообщала одному из своих корреспондентов:

> Каталась верхом до переутомления и в комнаты почти не показываюсь…[19]

Даже эти немногочисленные цитаты свидетельствуют о том, что в кашинской усадьбе протекала характерная для помещичьих владений того времени жизнь на лоне природы, сопровождавшаяся посещением ближайших окрестностей. Кашина была гостеприимной хозяйкой, в числе ее гостей — поэты Ефим Янтарёв (литературный псевдоним Е.Л. Бернштейна) и Н.М. Мешков, артист и режиссер Малого театра, актер немого кино И.Н. Худолеев, энтомолог, профессор Императорского Московского университета Г.А. Кожевников, священник сельской Казанской церкви отец Иоанн (И.Я. Смирнов). Бывал здесь и Есенин, возможно, с лета 1916 г. (во второй половине июня поэт, проходивший службу в Царском Селе, приезжал на родину в краткосрочный отпуск).

В юбилейном для Есенина 2020 г. восстановлены хозяйственные постройки усадьбы: баня, оранжерея, каретный сарай и амбар. В них размещаются новые музейные экспозиции.

---

[18] *Аникина О.Л. и др*. Путеводитель... С. 125–126.

[19] Там же. С. 126.

Более детально, чем помещичья усадьба, Есенину был знаком быт крестьянской усадьбы, структура этого комплекса — дом, рига, амбар, другие хозяйственные постройки. Родовая усадьба Есениных, как уже говорилось, была небольшой. Крестьяне, обладавшие более обширными по площади участками, имели хотя бы маленькие сады. Прекрасно знал Есенин усадьбу константиновского священника, расположенную напротив его родного дома.

Интересно проследить, как совмещаются в есенинском творчестве характерные особенности двух взаимосвязанных, но различных по структуре и функциям усадеб, составляющих основу «русского мира», — помещичьей и крестьянской.

В отличие от небольшого крестьянского надела, который использовался прежде всего для постройки жилища и обеспечения семьи продовольствием, помещичья усадьба предполагала организацию культурного досуга (подробнее об этом см. в книге Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай»[20]). Это касается и тех случаев, когда дворянская земля была приобретена купцами и фактически использовалась ими как дача — именно такой вариант характерен для кашинской усадьбы в Константинове.

Обращает на себя внимание контаминация — наслоение и смешение в есенинских текстах черт, характерных для крестьянского надела с домом, с одной стороны, и помещичьей усадьбы, с другой. Обычно лирический герой Есенина рассматривается как вышедший из крестьянского сословия поэт, что обусловлено не только его происхождением и биографией, но и самопрезентацией лирического героя. Как, например, в стихотворениях «Я последний поэт деревни…» (1920[21]) и «Мелколесье. Степь и дали…» (1925):

У меня отец крестьянин,
Ну а я крестьянский сын[22].

---

[20] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа…

[21] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 136.

[22] Там же. С. 291.

Эту особенность биографии своей и отца Есенин корректирует в поэзии, расширяя пространство за окном крестьянской избы до обширного сада и парка, свойственного помещичьей усадьбе. Появление в есенинских поэтических текстах деревьев, причем не плодовых, которые еще могли расти на крестьянских наделах, но и березы, липы, клена, тополя, ели можно рассматривать как следование литературной традиции, которая создавалась писателями дворянского происхождения и была востребована Есениным. Для помещичьей усадьбы необходимы аллеи из изначально дикорастущих, но посаженных в нужном порядке и ухоженных деревьев и кустарников. Как мы знаем теперь благодаря недавно поступившим в фонды музея-заповедника Есенина фотоснимкам начала XX в., это в полной мере относится и к кашинской усадьбе[23], быт и ландшафты которой многократно и в различных вариациях отразились в есенинском творчестве. Характерный пример — строки стихотворения «Дорогая, сядем рядом…», написанного в Москве 9 октября 1923 г. Память о родине, на которой автор не был несколько лет, связана с окружающими родной дом природными объектами:

Я хотел, чтоб сердце глуше
Вспоминало сад и лето <…>.
Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат[24].

В стихотворениях 1925 г., связанных с воспоминаниями о родном селе, пространство сада становится разнообразным: в него входит «наша рябина» («Я красивых таких не видел…»[25]); сестра Шура, которой посвящено произведение, показалась «березкой, / Что стоит под родимым окном» («Ты запой мне ту песню, что прежде…»[26]); осенью «…осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду» («Снежная замять дробится и колется…»[27]). В основе стихотворения «Отговорила роща золотая...» (1924) со строками «В

[23] Некоторые фотоснимки воспроизведены в статье: *Скороходов М.В.* «Низкий дом» и «Дом с мезонином» — две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 199–201, 203.

[24] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 193, 194.

[25] Там же. С. 242.

[26] Там же. С. 246.

[27] Там же. С. 280.

саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть»[28], согласно воспоминаниям сестры поэта[29], — вид из окна избы-времянки, в которой ютилась семья Есениных после пожара. Образы этих деревьев, большинство которых не характерно для крестьянских наделов, позволяют автору раздвинуть тесные границы родной усадьбы.

Через семь месяцев после создания стихотворения «Дорогая, сядем рядом…» Есенин наконец приезжает в свое село. Свидетельством этой долгожданной встречи становится маленькая поэма «Возвращение на родину» (1924). Лирический герой признаёт бедность своей семьи:

Как много изменилось там,
В их бедном неприглядном быте[30].

Одной из примет, свидетельствующих о растущей нищете, становится изменение облика крестьянской усадьбы:

Отцовский дом
Не мог я распознать;
Приметный клен уж под окном не машет,
И на крылечке не сидит уж мать,
Кормя цыплят крупитчатою кашей[31].

Значимость клена для есенинского сада можно объяснить литературной традицией. В начале «Старосветских помещиков» Гоголя представлена картина сада — конечно, не крестьянского, а помещичьего. Причем автор подчеркивает типичность такой картины:

> Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими <…> душистая черемуха, целые ряды

[28] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 209.

[29] *Есенина А.А.* Родное и близкое. С. 98.

[30] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 89.

[31] Там же.

низеньких фруктовых дерев, потопленных багрянцем вишень и яхонтовым морем слив, покрытых свинцовым матом; развесистый клен, в тени которого разостлан для отдыха ковер…[32].

В процитированном отрывке упоминаются не только клен и садовая вишня, но и часто растущая ближе всего к дому, к окнам, источающая аромат черемуха. Хотя черемуха встречается у Есенина как дикорастущее дерево в стихотворениях «Сыплет черемуха снегом…» (1910), «Черемуха» (1915) и в повести «Яр» (1915), она обретает и черты усадебного растения — например, в стихотворении «Край ты мой заброшенный…» (1914):

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом[33].

В поздних произведениях с образом черемухи неразрывно связан мотив любви в усадебных ландшафтах. Яркое подтверждение этому — стихотворения «Вечер черные брови насопил…» (1923): «Слушать песни дождей и черемух»[34]; «Ну целуй меня, целуй…» (1925):

До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.

Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя»[35];

«Песня» («Есть одна хорошая песня у соловушки…»; 1925):

---

[32] *Гоголь Н.В.* Старосветские помещики // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 2. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937. С. 13–14.

[33] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 60.

[34] Там же. С. 199.

[35] Там же. С. 222.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет черемухой[36].

Часто невозможно точно определить, где именно произрастает и кого радует своими ароматами черемуха:

Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна

— в маленькой поэме «Ответ» (1924)[37]; «Спит черемуха в белой накидке»[38] — в стихотворении «Синий май. Заревая теплынь…» (1925).

Разобраться в том, какие деревья характерны для реальной, а не литературной дворянской усадьбы, помогают различного рода документы. Так, в «Распределении садовых работ на осень 1848 года и весну 1849» Гоголя среди работ на октябрь отмечено:

> Если можно успеть, то привезть из Яресок в разное время осени от 10-ти до 20-ти подвод разных дерев, выбирая наибольше таких, которые б равно росли и были прямы, а именно: берез, клена, липы, ясеня, простого тополя[39].

Это именно те деревья, которые нередко возникают на страницах есенинских произведений.

Например, в поэме «Пугачев» (1921) тополь под окном навевает лирические воспоминания:

---

[36] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 218.

[37] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 130.

[38] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 211.

[39] *Гоголь Н.В.* Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849 // [Кулиш П.А.] Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. Т. 2. СПб., 1856. С. 279.

Бурнов
Жалко солнышко мне, жалко месяц,
Жалко тополь над низким окном[40].

Творогов <Бурнову>
Слушай, слушай, есть дом у тебя на Суре,
Там в окно твое тополь стучится багряными листьями…[41]

Деревья, появляющиеся в есенинских текстах, возникали ранее при описании садово-паркового пространства в одном из наиболее любимых поэтом произведений — в поэме «Мертвые души». Например, при знакомстве с усадьбой Манилова:

> Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины[42].

Или Плюшкина:

> Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. <…> Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный излом его, которым он оканчивался к верху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица. <…> наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, под один из которых забравшись, бог весть каким

---

[40] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 42.
[41] Там же. С. 44.
[42] *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 6. [М.; Л.]: Издательство АН СССР, 1951. С. 22.

образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте[43].

В маленькой поэме «Письмо к сестре» (1925) Есенин подчеркивает неразрывную связь своего творчества с дворянской литературой XIX в., прежде всего с наследием наиболее любимых им Пушкина (он «близкий, / Как цветущий сад!») и Лермонтова: «И Лермонтов / Был Саше по плечу»[44]. Гибель в период молодости лирического героя усадебного сада[45] вызывает воспоминания о вишнях, черемухе, сирени, березках. «Письмо к сестре» — одно из самых «усадебных»

Илл. 14. Село Константиново (Рязанская губерния). Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. Хозяйственный двор. Конюх Иван Миронов и лошадь Радость. 1910–1917 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина

произведений Есенина. Здесь сад не только является приметой усадебной жизни (при его описании прослеживается совмещение двух миров — помещичьего и крестьянского), но и непреходящей ценностью, по сути одной из основ разных моделей «русского мира». От наличия сада зависит ответ на столь важный для лирического героя вопрос: «Крестьянин я иль не крестьянин?!»[46]

---

[43] *Гоголь Н.В.* Мертвые души. С. 112–113.

[44] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 158.

[45] Там же. С. 157.

[46] Там же. С. 156.

Наиболее ярким «усадебным» произведением Есенина является поэма «Анна Снегина». Н.И. Шубникова-Гусева убедительно показала, что, создавая поэму, «Есенин ориентировался на традиции русской классики, и прежде всего, роман в стихах “Евгений Онегин” Пушкина, роман-поэму Гоголя “Мертвые души” и произведения Некрасова»[47]. Анализ «Анны Снегиной» позволяет раскрыть взаимодействие в есенинском творчестве двух моделей «русского мира», их эволюцию и гибель. Здесь предстает полифоничность сельского мира, для которого важна как жизнь крестьян во всем многообразии ее проявлений (заботы об урожае, борьба с засухой и пожарами, с поборами власть предержащих, с завистливыми алчными соседями), так и развитие традиционного пространства помещичьей усадьбы. Революционные потрясения приводят к слому устоявшегося течения жизни всех сословий, что нашло отражение в есенинском произведении.

Для лирического героя родные края — это и помещичья усадьба, и «радовские поместья», характеристику которым дает возница-рассказчик:

Дворов, почитай, два ста. <…>
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя[48].

Неотделимая от множества повседневных забот жизнь радовцев удовлетворяет его:

Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас[49].

---

[47] *Шубникова-Гусева Н.И.* Поэмы Есенина от «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 391.

[48] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 158.

[49] Там же. С. 158.

Но есть и бедные деревни, такие как Криуша:

Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий,
Была бы душа жива[50].

Главное для крестьянина — забота о хлебе насущном, об урожае, который позволит прокормить семью и оставить семена для нового посева. Об этом же — в «Письме к сестре»:

И сколько было у отца хлопот,
Чтоб наша тощая
И рыжая кобыла
Выдергивала плугом корнеплод[51].

Нужда заставляет думать только об удовлетворении простейших жизненных потребностей, забота о пище, об обустройстве быта поглощает все время и все силы. Такая ограниченность мышления, связанная с особенностями трудовой крестьянской жизни (для творчества Есенина характерно обращение к мифологической модели вечного возвращения, сакрального цикла, корреспондирующего с годовым природным циклом, с которым связаны основные работы сельских жителей), — признак «Руси уходящей»[52], дорогой лирическому герою, но уже безвозвратно утрачиваемой в результате послереволюционных преобразований. Литературный топоним «Русь уходящая» наполняется множеством смыслов, обретает черты символа, сакрализуемого про-

[50] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 159.

[51] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 156.

[52] См. также: *Серегина С.А.* Русь уходящая [Топоним] // Есенинская энциклопедия. Вып. 1. *Бабицына Н.Н., Николаева А.А., Савченко Т.К., Самоделова Е.А., Серегина С.А., Скороходов М.В., Солобай Н.М., Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И.* Памятные места и литературная география / Науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. Константиново: ГАУК «Государственный музей-заповедник С.А. Есенина», 2020.

странства. «Русь уходящую» населяют «брадачи», «Чья жизнь в сплошном / Картофеле и хлебе» («Русь уходящая», 1924[53]). Крестьянская жизнь полна неожиданностей, непредсказуема. Об этом — и в «Анне Снегиной»:

Скатилась со счастья возжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар[54].

Вариация в «Анне Снегиной» мотива возвращения на родину после долгой разлуки демонстрирует совмещение разных планов. С одной стороны, бедная крестьянская усадьба, характерной приметой которой становятся сеновал и «состарившийся плетень» (первый подчеркивает стабильность, а второй — хрупкость сельского мира). Отметим, что в финале поэмы плетень «сгорбившийся», т. е. продолжается его старение, путь к окончательной, безвозвратной гибели. С другой стороны, осязаемые приметы помещичьего мира, для которого характерна положительная динамика:

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень[55].

В начале второй главы поэмы раскрываются приметы сада:

Дымком отдает росяница
На яблонях белых в саду[56].

Весна, период цветения — любимое время посещения сада, в это время происходит пробуждение всех сил природы. О встрече лирического героя с ярким, цветущим садом (также характерным для помещичьей усадьбы, а не для крестьянского надела) — и в «Письме матери» (1924):

---

[53] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 105.
[54] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 160.
[55] Там же. С. 164.
[56] Там же.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад[57].

Антонимичен цветущему саду сад запущенный. Лирический герой стихотворения «Заметался пожар голубой…» (1923) и себя сравнивает с «запущенным садом»[58], подчеркивая прежде всего отсутствие ухода, внимания, заброшенность. Со временем запущенный сад превращается в кладбище — как в стихотворении «Мне грустно на тебя смотреть…» (1923):

Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости[59].

Сад является для лирического героя Есенина одним из значимых символов благополучия двух рассматриваемых моделей «русского мира», показателем того состояния достатка, когда нет необходимости уничтожать сад ради пропитания. Яркий подтверждающий это положение пример — трагическая коллизия в «Письме к сестре»:

Отцу картофель нужен.
Нам был нужен сад.
И сад губили,
Да, губили, душка![60]

Такое внимание к саду объясняется не только чисто усадебными контекстами, но и значимостью для автора библейской символики, образа эдемского сада, что наглядно демонстрирует созданная в родном селе «Иорданская голубица» (1918):

То душ преображенных
Несчислимая рать,

---

[57] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 180.
[58] Там же. С. 187.
[59] Там же. С. 196.
[60] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 156.

С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад[61].

Ср. со стихотворением того же года «Не стану никакую…», героиня которого «шептала»:

<…> Мы встретимся у сада
В небесной стороне[62].

Поскольку усадебный сад для Есенина — своеобразное отражение эдемского сада, он имеет непреходящую ценность, именно поэтому его гибель столь трагична. В «Анне Снегиной» семантика сада подчеркивает полноту жизни, которая невозможна без состояния влюбленности. Пространство усадебного мира ограничено, эдемские смыслы не распространяются за его пределы. Отметим, что зеркальным (за-зеркальным) отражением райского сада становится сад в поэме «Черный человек» (1923–1925) — деревья уподобляются зловещим всадникам Апокалипсиса:

И деревья, как всадники,
Съехались в нашем саду. <…>
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук[63].

Сад соединен с внешним миром калиткой, которая становится в «Анне Снегиной» преградой на пути лирического героя к счастью:

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»[64].

Особую значимость этих строк для композиции поэмы подчеркивает их дословное повторение как в первой, так и в заключи-

[61] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 57.
[62] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 179.
[63] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 191.
[64] Там же. С. 164, 187.

тельной, пятой, главе. Для русской литературной традиции калитка сада, парка — одно из привычных мест встречи и расставания влюбленных. Исследователи отмечают, что «усадебный топос» неизменно ориентирован на любовную тематику:

> Усадебное пространство — это всегда ожидание и предвкушение любви, потому что сад обычно полон девушками в белых кисейных платьях и героями, появляющимися, чтобы завоевать их сердца. Уже начиная с Пушкина усадьбы становятся местом, априорно ассоциирующимся с барышнями, ждущими своего суженого…[65].

Есенин выступает продолжателем темы, актуализированной А.А. Блоком. В блоковском стихотворении «Прощались мы в аллее дальной…» (24 июля 1899) прощание героев происходит «в аллее дальной», т. е. на границе усадебного пространства; при этом лишь «На миг улыбкою прощальной / Осенний озарился день»[66]. Здесь важна не только удаленность от центра усадьбы и обусловленная ею уединенность, но и близость к расположенному вне усадьбы пространству, что подчеркивает неустойчивость ситуации. В рассказе Блока «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (ноябрь 1906) значимую роль играет калитка, которая становится границей двух принципиально отличающихся друг от друга миров. Действие разворачивается в городе Гессен-Нассау в Германии. Распахнувшаяся калитка позволяет увидеть в обыденном городском пейзаже совершенно новые перспективы:

> *Калитка распахнулась*. Сразу бросается в глаза непомерный горизонт, обрамленный городами, селами, дымками локомотивов, синими рощами, белыми жаркими облаками. Что-то упорно-новое, распирающее грудь, то новое, что всегда дразнит чудесами и заставляет любить даль. Но только ли от дали эта новизна? Нет, я попал в новую страну. <…> Всему, всему веришь за этой калиткой, обновившей меня по крайней мере на весь день. <…>

---

[65] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа… С. 123.

[66] *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. М.; СПб.: Наука, 1999. С. 88.

Да, ты счастлив; ты встретил ее в маленькой калитке, и романтическая головка твоя дала ей имя: «Девушка розовой калитки». Вот она уже родила тебе толстенькую дочку; вот она стала полнеть от невинного золотистого пива; вот пальчики ее образовали складки вокруг обручального кольца. Но ты все еще зовешь ее: «Девушка розовой калитки»[67].

Для Есенина, как и для Блока, характерно не только обращение к пространству, находящемуся за границами сада, за садом, но и раскрытие семантики калитки — границы этого пространства. Например, в стихотворении «Закружилась листва золотая...» (1918):

За калиткою смолкшего сада
Прозвенит и замрет бубенец[68].

При этом внутреннее пространство сада не только в ранних произведениях, но и в имажинистский период творчества поэта оказывается сакрально важным, закрытым, требующим защиты от внешних сил. Пример этому — стихотворение «Хулиган» (1919):

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад[69].

И все же калитка должна выполнять свои связующие внутреннее и внешнее пространства функции. Отсутствие этой связи, когда «Не прозвякнет кольцо у калитки…» («Синий май. Заревая теплынь…»; 1925)[70], сопряжено с мотивом сна. И в одном из последних есенинских произведений — стихотворении «Ты запой мне ту песню, что прежде…» (13 сентября 1925) — подчеркивается значимость выполняемой калиткой функции связи пространств:

---

[67] *Блок А.А.* Девушка розовой калитки и муравьиный царь // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 7. Проза (1903–1907) / Отв. ред. Д.М. Магомедова. Подг. текстов и коммент.: Е.А. Дьякова, Д.М. Магомедова, И.Е. Усок. С. 32–34. Выделено автором.

[68] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 147.

[69] Там же. С. 154.

[70] Там же. С. 211.

…вовек я любил не один
И калитку осеннего сада,
И опавшие листья с рябин[71].

В одном из стихотворений цикла «Персидские мотивы» — «Улеглась моя былая рана…» — постулируется как непреложная истина: «Все равно калитка есть в саду…»[72], т. е. всегда остается возможность изменения ситуации. Наличие калитки свидетельствует о динамичности, подвижности мира, о жизни, сулит надежду на любовь.

Калитка играет немаловажную роль в некоторых текстах Тургенева — близкого Есенину «усадебного» автора. В качестве примера приведем небольшой отрывок из романа «Рудин»:

> Александра Павловна хотела было удержать Лежнева, но он проворно ушел, без шапки отправился в сад, оперся на калитку и начал глядеть куда-то.
>
> — Михайло Михайлыч! — раздался за ним голос горничной, — пожалуйте к барыне. Оне вас велели позвать.
>
> Михайло Михайлыч обернулся, взял горничную, к великому ее изумлению, обеими руками за голову, поцеловал ее в лоб и пошел к Александре Павловне[73].

Герой останавливается у калитки, но не покидает усадебное пространство. Однако именно в этой пограничной зоне происходит общение с представительницей низшего сословия — Михайло Михайлыч целует горничную.

Отметим, что облик главной героини есенинской поэмы «Анна Снегина» в некоторых чертах совпадает с обликом героини рассказа А.Н. Толстого «Маша» (1916):

---

[71] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 245.

[72] Там же. С. 249.

[73] *Тургенев И.С.* Рудин // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: [В 10 т.]. Т. 3. СПб.: Тип. Глазунова, 1883. С. 117–118.

В сумерках на степной дорожке появилось белое платье. <…> Платье приблизилось, оказалось молодой женщиной в соломенной шляпе с двумя ленточками…[74].

Хотя Маша жила «на дачке», пространство этого комплекса описывается как традиционная русская усадьба:

…Маша встала поздно, вышла на балкон и села в качалку. Всю усадьбу, как маревом, затянула июльская истома. На огороде, опустив руки, сидели три девки-пололышицы, и даже песни им лень было петь[75].

Однако затем вновь говорится о даче:

Дача была вся в тени, но вот в окнах появился свет: со свечою шла Маша в белом халатике, сколотом у горла, остановилась, оглянулась…[76].

Образ «усадебной» девушки в белом, причем находящейся за границами сада, прослеживается в ряде произведений Есенина, например, в стихотворении «Вот оно, глупое счастье...» (1918)[77]:

Где-то за садом несмело,
Там, где калина цветет,
Нежная девушка в белом
Нежную песню поет[78]

или в стихотворении «Сукин сын» (1924):

…припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон. <…>

---

[74] *Толстой А.Н.* Маша // Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Повести и рассказы 1912–1916: Хромой барин: Роман. Егор Абозов: Роман / Коммент. А.В. Алпатова, Ю.А. Крестинского; Подготовка текста А.Л. Сокольской. М.: Гослитиздат, 1958. С. 481.

[75] Там же.

[76] Там же. С. 483.

[77] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 131.

[78] Там же.

Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом[79].

Приведенные примеры свидетельствуют о значимости для поэта «усадебного» женского образа. Девушка в белом — один из центральных персонажей помещичьей модели «русского мира».

Впрочем, в процитированном стихотворении «Сукин сын» происходит наслоение образов лирического героя и клена, которые сливаются в единый образ, овеянный размышлениями об утраченной навсегда юности:

Нынче — юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен…[80].

Встреча с сыном собаки, которая была почтальоном и носила записки для «девушки в белом», навевает воспоминания и вызывает признание лирического героя:

Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом[81].

Прошло время, и мечта о «девушке в белом» начала стираться, утрачиваться, однако «пробуженный в сердце май» воскресил прежние мысли и мечтания — это не просто воспоминания об ушедшем, это память, создающая целостность, полноту жизни. Нельзя отказываться от разных ее проявлений.

Вернемся к поэме «Анна Снегина». В ее центральной по композиции, третьей, главе об ушедшей в небытие жизни напоминает лишь «белое платье», отсылающее к образу недоступной «девушки в белой накидке», и память о встречах —

Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...[82]

---

[79] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 207.

[80] Там же.

[81] Там же. С. 208.

[82] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 171.

Возникающий в третьей главе образ калитки, связанный с мотивом неразделенной, точнее — не обретшей завершения, любви, подчеркивает скрепленность композиции поэмы любовным сюжетом. Причем этот сюжет развивается на границе «усадебного пространства» — у калитки. Эту границу можно рассматривать

Илл. 15. Калитка усадьбы А.А. Блока Шахматово (Московская область). 2020. Фото автора

и как границу между пространствами двух моделей «русского мира» — помещичьего и крестьянского. Для Есенина роль калитки-границы значительно важнее, чем для его предшественников и современников — представителей дворянства. Это не только граница русской помещичьей усадьбы, но и сословная граница, хотя и не табуирующая вовсе, но ограничивающая для представителей крестьянства доступность усадебной территории. Лишь в новое, пореволюционное время владелица поместья, уже теряющая свой прежний социальный статус, навещает поэта в его родовом крестьянском доме.

Революция — это всегда кардинальные преобразования, слом традиционного уклада, потрясения, часто приводящие к роковым

последствиям. Революции в России вызывают утрату традиционной структуры «русского мира». Один из этапов революционных преобразований — «безвластье», вызвавшее «Сплошные мужицкие войны»[83]. Монолог старухи завершается в «Анне Снегиной» горестным выводом:

«Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь!»[84]

Подтверждением трагического развития событий становится растущая бедность криушан:

Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь[85].

Главный вопрос крестьян — вопрос о земле:

Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?[86]

Наиболее простой вариант ответа на этот вопрос, который видит убийца и пьяница Прон Оглоблин, руководящий теперь криушанами, — безвозмездное получение имущества и земли Анны Снегиной. Путь из Криуш до усадьбы оказывается долог и труден из-за курьезного обстоятельства, подчеркивающего, что гибнет не только помещичья, но и крестьянская модель «русского мира»:

И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкеть —
Таких отдают с придачей,

---

[83] Есенин С.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 165.
[84] Там же. С. 166.
[85] Там же. С. 168–169.
[86] Там же. С. 169.

Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли[87].

Есенин кратко и емко описывает усадебную территорию и «дом с мезонином». Отметим, что есенинский «дом с мезонином» отсылает читателя (и исследователя) к рассказу Чехова «Дом с мезонином». Тема «Чехов и Есенин» еще недостаточно разработана[88] и требует детального рассмотрения, в том числе в плане раскрытия «усадебных» контекстов.

Лишь трагедия — гибель на войне мужа Анны — на время откладывает передачу ее имения волости. Судьбоносное событие, означающее гибель одной из традиционных моделей «русского мира» — помещичьей усадьбы, не спасает и вторую модель — крестьянский мир. Итогом становится «хуторской разор». И далее во временной перспективе —

Шли годы
Размашисто, пылко.
Удел хлебороба гас[89].

Трансформация «русского мира» в водовороте войн и революций сметает все его традиционные модели, остается сельское пространство, в котором еще просматриваются приметы «Руси уходящей»:

Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.

---

[87] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 175.

[88] Отметим следующие работы: *Меки Э.Б.* Чеховские традиции в повести С. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2005. № 2. С. 40–52; *Кузнецова В.Е.* Чехов и Есенин: литературные перекрестки // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 90–93. См. также: *Полонский В.В.* Чеховский след в драматургии русских символистов. О «страсти уныния», «заложниках жизни» и «будущей радости» // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 147–163.

[89] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 183.

Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни[90].

Лишь в памяти участников былых событий сохраняются ключевые фрагменты утраченных моделей, о чем свидетельствует, к примеру, письмо Анны из Лондона:

Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
<…> синею заволокой
Покрыта береза и ель[91].

Ограда и калитка не спасли усадебный мир от гибели, а его владельцев — от эмиграции.

Калитка — важный, однако не единственный и, более того, не основной вход в усадьбу и, соответственно, выход из нее. Калитка предназначена скорее для тайного, неофициального оставления усадебного пространства. Есть и официальный вход, точнее въезд, в усадьбу. Преграждают его ворота, столь же проницаемые для сторонних посетителей, как и калитка. Ворота как элемент усадебного пространства до настоящего времени не становились предметом специального рассмотрения филологами, при этом они исследуются историками и культурологами в рамках изучения сакральных представлений народов России[92].

В произведениях Есенина ворота частично дублируют функции калитки. В раннем творчестве это вход во внутреннее пространство сельской крестьянской усадьбы — как в стихотворениях «Деревенская избенка» (<1911–1912>):

Ветхая избенка
Горя и забот,

---

[90] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 185.

[91] Там же. С. 186.

[92] *Иванова Л.В.* Забор и ворота в сакральных представлениях русских Зауралья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. № 23. С. 186–195; *Иванова Л.В., Черниева З.Л.* Забор и ворота в предметно-пространственной среде подворья и усадьбы Зауралья XVI–XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 65–69.

Часто плачет вьюга
У твоих ворот[93];

или «За рекой горят огни…» (<1914–1916>):

А у наших у ворот
Пляшет девок корогод…[94];

или «Воспоминание» («За окном, у ворот…»; 1911–1912).

Как и калитка, ворота разграничивают пространства дольнего и горнего миров. Такое представление наиболее характерно для маленьких поэм 1917–1919 гг. Например, в «Преображении» (1917):

Перед воротами в рай
Я стучусь:
Звездами спеленай
Телицу Русь[95]

или в «Небесном барабанщике» (1918):

Души бросаем бомбами,
Сеем пурговый свист.
Что нам слюна иконная
В наши ворота в высь?[96]

Революционная преобразовательная энергия открыла ворота в горний, нездешний мир, в который устремилась Русь, впереди — отчарь мужик, наследующий традиции многих поколений русских крестьян — живущих и умерших.

В маленькой поэме «Пантократор» (февраль 1919) к воротам горнего мира устремляется лирический герой:

Но знаю — другими очами
Умершие чуют живых.

---

[93] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 35.

[94] Там же. С. 90.

[95] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 52.

[96] Там же. С. 69.

О, дай нам с земными ключами
Предстать у ворот золотых[97].

Сходный мотив прослеживается и в более раннем произведении поэта — стихотворении «То не тучи бродят за овином…» (1916):

Заигрался в радости младенец,
Пал в дрему,
Уронил он колоб золоченый
На солому.

Покатился колоб за ворота
Рожью.
Замутили слезы душу голубую
Божью[98].

В зрелый период творчества Есенин отказывается от сакрального представления о воротах, они становятся обыденными элементами крестьянской или помещичьей усадьбы и связаны прежде всего с воспоминаниями о родине, с возвращением в родные места. Так, в маленькой поэме «Возвращение на родину» (1 июня 1924) дважды повторяются строки:

По-байроновски наша собачонка
Меня встречала с лаем у ворот[99].

Э.Б. Мекш показал, что при создании процитированного текста Есенин ориентировался на фольклорную переделку 13-й строфы первой песни поэмы Д.-Г. Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда»[100], а Л.Л. Бельская отметила:

---

[97] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 75.

[98] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 113.

[99] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 92, 95.

[100] *Мекш Э.Б.* Сергей Есенин в контексте русской литературы. Рига, 1989. С. 60–67. См. также: *Шубникова-Гусева Н.И.* Французские источники Черного человека С.А. Есенина // Revue des Etudes slaves. Париж, 1995. Т. 67. Вып. 1. С. 127–140; *Никё М.* Сергей Есенин — «Русский Бодлер»: о литературной личности поэта // Современное есениноведение. 2007. № 6. С. 23–28; *Сухов В.А.* К вопросу о «байронизме» в позднем творчестве С. Есенина // Современное есениноведение. 2008. № 9. С. 92–100.

…иронический пассаж намекает на эпизод из байроновской поэмы «Странствия Чайльд-Гарольда», в котором герой представляет себе, как вернется домой, а его пес вонзит клыки в своего хозяина[101].

Мы же подчеркнем, что в рассматриваемом фрагменте характеризуется пограничное пространство. Собачонка встречает вернувшегося на родину лирического героя на границе его родной усадьбы, и такая встреча свидетельствует о его отчужденности от родного дома, о несоответствии изменившейся жизни.

Пес встречает лирического героя у ворот и в маленькой поэме «Сукин сын» (31 июля 1924):

Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын[102].

В посвященном «Сестре Шуре» стихотворении «Я красивых таких не видел…» (13 сентября 1925) у ворот вновь оказывается пес:

У ворот, как о сгибшей невесте,
Тихо воет покинутый пес[103].

Также у ворот, на границе своего пространства, встречает лирического героя Прон Оглоблин в поэме «Анна Снегина»:

Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот…[104].

---

[101] *Бельская Л.Л.* «…Вновь я посетил…» // Русская речь. 2012. № 1. С. 21.

[102] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 207–208.

[103] Там же. С. 243.

[104] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 174.

Отметим, что ворота усадьбы, как и калитка, достаточно частотны в произведениях отечественной словесности, в т. ч. встречаются и в текстах, печатавшихся при жизни Есенина и с большой долей вероятности известных ему. В данном случае речь идет об

Илл. 16. Н.Е. Рачков. У калитки (1871). Государственная Третьяковская галерея

общности элементов образной системы и традиции. К примеру, главная героиня романа А.В. Амфитеатрова «Виктория Павловна» (1903) встречает гостей у ворот:

> Виктория Павловна выбежала к нам навстречу за ворота усадьбы, радостная, резвая, возбужденная, вся сверкающая какая-то: и глаза угольками горят, и зубы слоновою костью блестят, и смуглый румянец лица жаром пышет[105].

[105] *Амфитеатров А.В.* Виктория Павловна: (Именины): [Роман]. 3-е изд. СПб.: Издание Райской, [1907]. С. 19.

Дорогих, почетных гостей принято встречать у ворот, выходить им навстречу, чтобы уже совместно заходить или заезжать вместе с ними на усадебную территорию. Это знак уважения и гостеприимства.

Действие романа А.Н. Будищева «Солнечные дни» происходит в находящихся на берегу реки Студеной усадебных комплексах Загореловых и Быстряковых. Один из героев, Жмуркин, заходя в ворота усадьбы, слышит звук, донесшийся от удаляющихся от усадьбы Максима Сергеевича Загорелова и Лидии Алексеевны Быстряковой:

> …он отправился и вошел в ворота усадьбы совершенно бодро и пожалуй даже весело. Но едва лишь он сделал два-три шага, как его слуха внезапно коснулся звук поцелуя, поспешного, сорванного украдкой, подневольная поспешность которого как бы выдавала его удвоенную ею горячность.
>
> Звук этот прилетел со стороны тех, удалившихся, и был едва уловим, как вздох сонного дерева, как шелест листа[106].

Свидетельствующий о сближении героев поцелуй был «сорван» за пределами усадьбы, за воротами. Но звук этого поцелуя преодолел границу между «чужим» и усадебным пространством и был услышан внутри усадебного мира, вызвав внутреннее опустошение Жмуркина.

Напомним, что «поцелуй поспешный, сорванный украдкой», играет важную роль в одном из ранних есенинских произведений — «Подражанье песне» (авторская датировка — 1910, первая публикация — в первом издании авторской книги Есенина «Радуница» (1916)):

> Мне хотелось в кулюканье пенистых струй
> С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй[107].

---

[106] *Будищев А.Н.* Бедный паж. М.: Московское книгоиздательство, 1913. С. 117.

[107] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 27.

Протекавшая за воротами усадьбы жизнь описана в уже упоминавшемся рассказе А.Н. Толстого[108] «Маша»[109]: за воротами усадьбы сидели и покуривали кривой конюх, садовник, два пленных венгра с черными усами и в синих кепи, надвинутых на глаза, и третий, тоже пленный, чех Ян Бочар.

Один из значимых элементов русской усадьбы — обрыв. Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова справедливо отмечают:

> …«страшное место» русских усадеб — обрыв, берущий на себя литературно ту же функцию, что в готических романах выполняли пропасти и ущелья. Собственно, именно на этом представлении и сюжетно, и топонимически построен одноименный роман И.А. Гончарова «Обрыв», где обрыв одновременно оказывается «страшным местом» прошлого усадьбы[110].

Мотив обрыва появляется в ряде есенинских текстов, тематически соотнесенных с Константиновом, хотя у Есенина мы не можем однозначно связать этот мотив с «усадебным топосом», он развивается в общем русле русской «усадебной» литературы. Например, в стихотворении «Осень» («Тихо в чаще можжевеля по обрыву…», 1914):

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков[111]

или в стихотворении «Синее небо, цветная дуга…» (<1916>):

---

[108] Об усадебной традиции у А.Н. Толстого см.: *Акимова А.С.* Традиции изображения «усадебной культуры» в рассказе А.Н. Толстого «Девушки» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 5–10; *Богданова О.А.* Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А.Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9–22.

[109] Впервые рассказ под названием «В июле» с подзаголовком «Впечатления» был напечатан в газете «Русские ведомости» (1916, 11 сентября); под названием «На усадьбе» — в парижской газете «Последние новости» (1920, 2 июня); под заглавием «Маша» — в томе 4 собрания сочинений писателя (1928).

[110] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа… С. 101.

[111] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 43.

Снова я вижу знакомый обрыв
С красною глиной и сучьями ив,
Грезит над озером рыжий овес,
Пахнет ромашкой и медом от ос[112].

Две модели «русского мира» — помещичья и крестьянская — на протяжении нескольких столетий развивались параллельно и были неотделимы друг от друга. Есенин, творчество которого пришлось на период ломки традиционного уклада, показал как сходство, взаимное переплетение, так и различия этих моделей, трагические процессы их утраты.

[112] *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 154.

ЧАСТЬ III

ВАРИАЦИИ «УСАДЕБНОГО ТОПОСА» В ПРОЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА И Б.К. ЗАЙЦЕВА

ГЛАВА 1

Гибель усадебного мира в повести И.С. Шмелева «Стена»

Значительная часть произведений И.С. Шмелева имеет ярко выраженный автобиографический характер, поэтому при рассмотрении творчества писателя важно учитывать его происхождение и факты личной жизни. Шмелевы, выходцы из крестьян-старообрядцев Богородского уезда Московской губернии, переселились в Москву и со временем перешли в купеческое сословие. В творчестве Шмелева отразились многие характерные черты быта небогатого московского купечества, которое имело особняки, расположенные рядом хозяйственные постройки, сад и другие атрибуты традиционной городской усадьбы, более скромной по размерам, чем большинство загородных поместий. На замоскворецком дворе подрядчика строительных работ С.И. Шмелева, отца писателя, бывало множество самых разных людей, за жизнью которых наблюдал будущий писатель. Он много путешествовал по России, посещал самые разные ее уголки, причем именно в то время (начало XX в.), когда достаточно активно утрачивались дворянские усадьбы. Позже, став дачником в Крыму, Шмелев явился свидетелем гибели не только самих дач, но и их владельцев со всем имуществом, огородиками, виноградниками, различной живностью. Страшным ударом для семьи Шмелевых стала гибель в Крыму сына Сергея.

Творчество Шмелева привлекает все большее внимание исследователей, которые обращаются как к фактам его биографии, так и к анализу отдельных произведений. Внимания заслуживают сборники материалов научных конференций, посвященных писателю[1],

[1] И.С. Шмелев и литературный процесс XX–XXI вв.: итоги, проблемы, перспективы. Материалы X Международных Крымских Шмелевских чтений. М.: Россий-

и авторские монографии, в том числе А.П. Черникова[2], Е.Г. Рудневой[3], А.М. Любомудрова[4], Л.Ю. Суровой[5], Н.М. Солнцевой[6], Е.А. Коршуновой[7], Л.А. Спиридоновой[8], В.Т. Захаровой[9], С.В. Шешуновой[10], Ю.У. Каскиной[11] и др. Однако усадебная тема в творчестве Шмелева охарактеризована недостаточно, отметим работу на эту тему К.М. Кожиевой[12].

ский архив, 2004. 313 с.; И.С. Шмелев и духовные традиции славянской культуры: XI Крымские Международные Шмелевские чтения. Алушта: Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, 2004. 299 с.; Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. Сб. материалов международных научных конференций 2003 и 2005 гг. / Редколлегия: Л.А. Спиридонова (отв. ред.), О.В. Быстрова, Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 432 с.; Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева. Сб. материалов международных научных конференций 2007 и 2009 гг. / Редколлегия: Л.А. Спиридонова (отв. ред.), О.В. Быстрова, Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 458 с.; И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). Сб. материалов международных научных конференций 2011 и 2013 гг. / Редколлегия: Л.А. Спиридонова (отв. ред.), О.В. Быстрова, Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина, А.Г. Плотникова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 536 с.

[2] *Черников А.П.* Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга: Калужский областной университет усовершенствования учителей, 1995. 342 с.; *Черников А.П.* Лики жизни: Калужские страницы творческой биографии И.С. Шмелева. Калуга: Гриф, 2002. 152 с.

[3] *Руднева Е.Г.* Заметки о поэтике И.С. Шмелева. М.: Инвент маркетинг, 2002. 128 с.

[4] *Любомудров А.М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

[5] *Суровова Л.Ю.* Живая старина Ивана Шмелева: Из истории создания «Лета Господня». М.: Совпадение, 2006. 304 с.

[6] *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.

[7] *Коршунова Е.А.* Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева. Харьков: ФОП Бровин А.В., 2013. 216 с.

[8] *Спиридонова Л.А.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

[9] *Захарова В.Т.* Поэтика прозы И.С. Шмелева. Н. Новгород: Мининский университет, 2015. 106 с.

[10] *Шешунова С.В.* Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.

[11] *Каскина Ю.У.* И.С. Шмелев и русская классика XIX века. И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 160 с.

[12] *Кожиева К.М.* «Судьба русской усадьбы в повести И.С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Роль науки в развитии общества / Сб. статей международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 143–146.

Для характеристики эволюции «дачно-усадебного топоса» в прозе Шмелева представляется актуальным рассмотреть прежде всего два его произведения — написанную в начале 1910-х гг. повесть «Стена» и созданную в начале эмигрантского периода жизни эпопею «Солнце мертвых» (1923).

Трагический процесс разрушения традиционной русской усадьбы в связи с обеднением дворянства и сменой владельцев усадебных комплексов — одна из наиболее злободневных тем литературы рубежа XIX–XX вв. (достаточно вспомнить «Вишневый сад» А.П. Чехова и многочисленные материалы журналов «Старые годы» и «Столица и усадьба») — нашел яркое отражение в повести Шмелева «Стена», местом действия которой становится проданная под дачи усадьба.

Сюжет произведения довольно прост. Владелец старинной усадьбы Тавруевка приехал из путешествия по Европе с женой-итальянкой, с трудом приспосабливавшейся к жизни в России, к особенностям русской кухни. Для создания комфортных условий ожидающей ребенка супруге владелец усадьбы спешно возводит просторную теплицу, высаживает экзотические растения. Однако именно в этой теплице итальянка погибает. Через некоторое время имение продано с торгов для создания дачного поселка и обустройства полустанка. Работы по подготовке территории к новому использованию поручены проигравшему торги «подрядчику каменных работ Василию Мартынычу Бынину»[13]. Усадебный комплекс постепенно уничтожается, а главный усадебный дом гибнет в пожаре.

Повесть Шмелева интересна тем, что для нее характерны ключевые образы, формирующие традиционный «усадебный топос». Усадьба уже оставлена бывшими владельцами, идет разбор построек, но остатки былой жизни еще теплятся. Сохраняется въездная зона («по щебню <…> в гору, все в гору, мимо старых акаций»), однако уже уничтожаются аллеи — «бежали развесистые березы через десятки пней, залитых розовым наплывом весенней пилки»; здесь же — «пни порезанных елей»[14]. И поэтому от гибнущей усадьбы веет вызывающим тоску запустением:

---

[13] *Шмелев И.С.* Стена // Шмелев И.С. Рассказы. Т. 4. Стена. Пугливая тишина. Поденка. Ненастье. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 8.

[14] Там же. С. 13–14.

Гукнуло по пустым сараям, да из сада отозвалась грустным посвистом иволга, голосом глухих мест.

<…> стояли по краю двора скучные каменные сараи и службы с черными дырьями пустых окон. В черноте их чуялся холодок. Глядели на пустой двор широкими зевами, без дверей и творил[15].

Запустение, заброшенность ощущается во всем: «обшарпанные стены и изъеденные ржавчиной крыши», «просыревшие кирпичи»[16].

Стена, один из основных символов повести, — традиционный элемент усадебного пространства, граница между двором и садом, преграда, которая должна защищать мир усадьбы от внешних воздействий, оберегать покой ее владельцев. Однако в стене — пролом, этим зиянием и воспользовался подрядчик, несущий усадьбе уничтожение. В центральной, господской, части комплекса также ощущается запустение (главный усадебный дом — «пустой и тихий, с черными рядами забранных изнутри окон, с невысоким балконом, с расплывающимися по штукатурке пятнами сырости»), но еще сохранились черты прежнего упорядоченного плана и целесообразности: у «переднего фасада» «раскинулись кусты жимолости, сирени и бузины, захватывая и укрывая былые дорожки»[17]. Однако подрядчика интересует не сохранность усадебных построек и сада, а качество строительного материала, который можно будет использовать для городской тюрьмы, которую ему поручено возвести. Гибель усадебного мира вызывает и смерть оберегающего ее покой существа — подрядчик убивает поджарую, похожую на борзую собаку Орелку.

Напоминающий чеховского Фирса «лысый и сгорбленный, с седыми бачками, в ватном рваном халатике»[18] Пистон не в силах в одиночку сберечь усадебный порядок, по его вине спилены березы. Пистон понимает, что должен защищать территорию от разорения, поскольку «хранитель и приставлен»[19], но беда, по его словам, в том, что «хозяев настоящих нет»[20]. Усадьба жива только в том случае, если ощущается необходимость в ней, если есть хозяйский

---

[15] *Шмелев И.С.* Стена. С. 15.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 16.

[18] Там же. С. 18.

[19] Там же. С. 23.

[20] Там же. С. 18.

уход. Погибает оставшаяся без присмотра березовая аллея — одна из важнейших пространственных доминант усадебного парка, а в пруду ловят и вывозят возами линя. Однако еще продолжается трудовая крестьянская жизнь: работают в поле девушки-пололки, пасут в ночном коней местные крестьяне. И все же заброшенная территория постепенно осваивается пришлыми людьми — артель во главе с приказчиком Иваном Ивановичем заняла брошенный и неухоженный помещичий дом.

Хотя сведение усадьбы началось с вырубки березовой аллеи, в садово-парковой зоне еще различимы приметы былой усадебной жизни, связанные с флористическим комплексом, еще радуют глаз кусты сирени, в которых поют весной соловьи. Однако птицы, когда-то услаждавшие пением владельцев усадьбы, теперь тоже, как и весь усадебный мир, никому не нужны: «Спало все. Одни только соловьи пели, но их никто не слушал»[21].

Бывшие жилые помещения, центр усадебного пространства, вовсе не интересуют новых владельцев. Самым ценным оказывается не старый усадебный дом, не усадебная аллея, которая безжалостно уничтожается окрестными жителями, наконец-то получившими возможность пилить усадебные деревья, а стена. Это источник кирпича, который можно продать и использовать в новом строительстве. Стена — это память о былой помещичьей жизни, о трагедии в теплице, а теперь — источник обогащения новых владельцев усадебной территории.

Пятая глава «Стены» — гимн «тавруевскому саду», «зеленому царству», в котором «было молодо и свежо, все было залито солнцем, мягким и не жгучим, потому что был май, пора хрупких побегов, светлой зелени и нежного цвета»[22].

На важную роль сада в формировании усадебного пространства обратили внимание В.А. Доманский и О.Б. Кафанова, исследователи культурного кода русской усадьбы, справедливо отметившие:

> Сад создает эмблематическое представление о человеке и мире, раскрывает психологическое содержание жизни посетителей[23].

---

[21] *Шмелев И.С.* Стена. С. 33.

[22] Там же.

[23] *Доманский В.А., Кафанова О.Б.* Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2018. С. 35.

Природный, растительный мир еще не погиб окончательно, еще не все деревья вырублены — «все в заглохшем тавруевском саду стало так молодо и светло»[24]. Шмелев применяет эпитет *заглохший*[25], подчеркивающий, что сад уже не получает необходимого ему внимания и ухода. Необратимый процесс постепенного увядания подчеркивается описанием главного усадебного дома, традиционного центра усадьбы, который теперь «пустой и скучный, как огромный ящик, дом, с выцветающими стеклами»[26]. Усадьба, лишенная привычных обитателей, блекнет, теряет многоцветье, яркость красок, становится невзрачной, все менее интересной, непривлекательной. Дом, как и вся усадьба, пребывает в переходном состоянии: от расцвета — к заброшенности, гибели, утрате своих основных характеристик. Однако еще сохраняется иллюзия, что этот дом способен возродиться, вернуть себе столь необходимые ему для полноты существования составляющие:

> Как будто живая жизнь еще таилась в нем, и вот-вот сейчас звонко отворится стеклянная дверь на балкон, шумно выбежит в утреннем светлом платье нежная девушка, глянет в буйную зеленую силу и, перегнувшись через перила, роняя косы, потянет на себя кисти белой сирени, еще пахнущие дождем и ночью[27].

В этом описании представлены важные элементы, формирующие усадебное пространство, — дом с балконом, цветущий сад и полная сил девушка, для которой как для продолжательницы рода и создается усадьба, чтобы в поколениях сохранять усадебный быт и усадебную культуру. «Живая жизнь» проявляется в полифонии, многообразии звуков и яркости красок: *звонко* отворяется дверь, *шумно* выбегает девушка, на ней — гармонирующее с белой сиренью светлое платье, перед ней — «зеленая сила» растущих перед домом деревьев и кустарников. Все молодо, ярко, громко.

---

[24] *Шмелев И.С.* Стена. С. 34.

[25] Позже, в 1923 г., у С.А. Есенина в стихотворении «Заметался пожар голубой…» появится как самоопределение лирического героя *запущенный сад*, в котором более явственно, чем у Шмелева, проявляется значимость человеческого участия в судьбе сада, который стал *запущенным* именно по вине человека.

[26] *Шмелев И.С.* Стена. С. 34.

[27] Там же.

Такая жизнь, согласно Шмелеву, созвучна бытию, определенному божественным замыслом, а девушка уподобляется непорочной Деве:

> Так вот и кажется — глянет она светлыми очами на светлый мир Божий, откинет назад голову, еще таящую юные сны, и затаившимся вздохом скажет:
>
> — Какое утро!..
>
> И затихнет[28].

Однако возврат к безгрешному бытию неосуществим, а возможно, и не было этой идиллической картины в действительности, она была создана лишь в воображении писателей, по произведениям которых мы и представляем себе усадебный мир во всем многообразии его проявлений. Как приговор усадебному миру, трагически погибающему в новое время, утратившему гармонию и целомудрие, звучат слова Шмелева:

> Не выйдет нежная девушка на балкон и ничего не скажет, потому что уже прошло время и прошло давно, когда она выходила. А, может быть, и не выходила никогда.
>
> Старый тавруевский дом и старый сад доживали последние дни своего покойного запустения[29].

Судьбу усадьбы решил «молоточек судебного пристава» — ее территория перешла в «крепкие руки общества дачных поселков»[30]. И теперь судьба усадьбы решается не там, где еще теплятся очаги наполненной яркими событиями жизни, а в далеком, чуждом ей городе, вдали от самого усадебного пространства. В городе определяют, что делать с приобретенной землей. Лишь сохраняющиеся природные объекты, по-прежнему полнокровные благодаря приходу весны, не только живут прежней жизнью, но и гармонизируют окружающие пространства.

> Эти сочные майские утра были последними утрами тавруевского сада. <…> здесь, в буйном саду, все было, как и всегда по весне,

---

[28] *Шмелев И.С.* Стена. С, 34.

[29] Там же. С. 34–35.

[30] Там же. С. 35.

росло и росло, разбивая почки и выбрасывая побеги, покойное и немое, радостное в себе. Сверкало и смеялось в солнце.

Ленивые, точно налитые салом, постаивали на припеках в затинившихся прудах лини и млели, тронутые старой позолотой, знаменитые тавруевские лини, напущенные невесть когда. Глядели на них задумчивые сени ветел, из гибких прутьев которых поколения тавруевской молодежи выделывали себе самострелы, а крепкие руки конюхов вязали пучки. Слепо смотрели затекшие порезы буков на коре, когда-то трепетные, полные юной страсти порезы[31].

Шмелев подчеркивает, что перед нами старинная усадьба, имевшая давнюю историю, сформировавшиеся традиции; здесь росли многие поколения владельцев, усадьба связана со значимыми и второстепенными событиями их биографий. Гибнет родовая усадьба, унося с собой память о прошлом. Каждый объект имеет свою историю, и масса таких историй слагается в общую историческую канву конкретной усадьбы со многими поколениями ее владельцев, с тайнами и трагедиями; поэтому разрушение даже части объектов, казалось бы, не приоритетных для функционирования всего комплекса, — это утрата общей памяти, которая невосполнима.

Даже уходящая от белого дома в глубину сада изгрызанная поверху кирпичная стена, вся засыпанная стеклом, в пене черемухи и вишни, говорила колким сверканьем, что все еще здесь остатки славной оранжереи[32].

В связи с разрушением все новых и новых объектов усадебного комплекса гармония безвозвратно утрачивается. Если в пьесе «Вишневый сад» о смене времен свидетельствует «звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный»[33], то в повести «Стена» чеховская идеологема получает развитие — как трагическое противостояние живого, традиционного, связанного с

---

[31] *Шмелев И.С.* Стена. С. 35.

[32] Там же.

[33] *Чехов А.П.* Вишневый сад: Комедия в 4-х действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1978. С. 224.

родовой усадьбой, с возрождающейся каждый год по весне природной жизнью и мертвого, неизведанного, механического, подавляющего, умертвляющего живое:

> …в этой живой и вольной болтовне голосков тяжело прыгал сухой, тревожно спрашивающий звук — каменный стук, сыплющий и дробящий[34].

Это разрушали стену, а высвободившиеся кирпичи отправляли на возведение тюрьмы. Предложенная Шмелевым метаморфоза: вместо оранжереи, предназначенной для бережного взращивания ценных растений, — место для подневольного содержания преступников.

Из рассказа отставного солдата становится известно, что усадебный дом имеет и историческую ценность —

> …тут, в дому-то, сам Наполеон ночевал на слоновой кровати! За сто тыщ в музей продали[35].

Со стеной связаны трагические страницы усадебной истории: во время возведения она придавила трех человек, а во время ее разбора погиб младенец — сын стряпухи. Поскольку стену возводили спешно, кирпич оказался некачественным, это выяснилось только теперь, когда ее уничтожали. Пригодного для дальнейшего использования кирпича получается совсем немного:

> …и опять пошел по саду упорный сыплющий стук, чего-то добивающийся у камня. В щебень рассыпалась стена, изъеденная сыростью осени непокрытой, непогодами долгих лет, отдавая редкие крепкие кирпичики[36].

В последние дни своего существования умирающая усадьба обеспечивает работой артельщиков:

> Смотрели к саду. Там высились сложенные кубики, и изъеденными красными горбами выпирала из зелени и ползла по

---

[34] *Шмелев И.С.* Стена. С. 36.

[35] Там же. С. 45.

[36] Там же. С. 59.

кустам стена, которой, кажется, и конца не было. И в ней-то была работа — много дней работы, тяжкой и дурной. Но зато много дней[37].

Однако ощущается бессмысленность тяжелого труда — работники не знают, сколько они смогут заработать, а подрядчик не может спрогнозировать, какой будет доля пригодных к использованию кирпичей.

Внезапно в усадьбу приезжают бывший владелец Александр Сергеевич с женщинами «в больших шляпах»[38] и два землемера. Дом в последний раз наполняется привычной, казалось бы, жизнью —

…на балконе уже позванивала гитара. Расположились на ящиках и скамейке вокруг пристроенного из досок помоста[39].

Однако приехали не хозяйки имения и не гости владельца, а жившие в городе женщины легкого поведения. И потому происходящие на усадебной территории события далеки от того, что принято считать усадебной идиллией, характерной для былых времен: «В тихом, уже вечернем, саду бился визгливый смех и прыгал жирный хохот»[40]; «Женщины отвалились к перильцам, обмахивались букетами сирени и в быстрых движениях и в крикливом смехе их чувствовалось хмельное»[41].

Усадьба становится местом разврата. Ее бывший владелец швыряет с балкона деньги артельщикам, и те, шаря по земле, подбирают их, но не берегут, а сразу же тратят — напиваются. Ощущается приближение чего-то страшного и неизведанного. Опасность символизирует весенний закат:

За прудом, над полями, большое огневое солнце опускалось в свинцовые облака, и вода на пруду приняла отблеск крови, а бледные тела женщин порозовели[42].

---

[37] *Шмелев И.С.* Стена. С. 106–107.

[38] Там же. С. 66.

[39] Там же. С. 74.

[40] Там же. С. 75.

[41] Там же. С. 79.

[42] Там же. С. 86.

Женщины отличаются друг от друга не характерами, не выражением лиц, а лишь цветом одежды, т. е. чем-то, совершенно не связанным с их внутренней жизнью:

> Зазвенела дверь на балконе, и вышли три женщины — белая, голубая и желтая. Подошли к перилам и смотрели в утренний сад[43].

Общую тревогу, состояние ожидания чего-то негативного подчеркивает описание грозы, становящейся предзнаменованием печальных событий:

> Не по времени рано густились сумерки и мигали в отсветах дальних молний. И в этом миганьи без грома чуялось ожидание. Хоть соловьи и заливали сад сочными трелями и раскатами, но и в раскатах и трелях таилась тревога. И в потянувшемся от прудов торопливом гомоне квакш, и в резком и коротком ржаньи лошадей с ночного, и во вспыхивавших в темноте кустах, и в писке неведомой птицы из глухого угла сада — во всем пробегало сторожкое и тревожное, как всегда после душного дня, перед грозовой ночью[44].

> Полыхнуло и ударил гром. Вспыхнул весь сад ярче дня и вышел из тьмы не в живом свете солнца, а в холодном огне и громе. На один миг выглянули поломанные кусты, мертвые деревья, ямы и кучи — все искореженное и изрытое. И высокий черный человек, всматривающийся из темноты к освещенному балкону. Выглянуло и ушло в черноту[45].

После ночной очистительной грозы сад преображается:

> Смятый и искореженный, весь изрытый, весь засыпанный щебнем и стеклом старый сад и теперь еще был полон силы и молодого блеска[46].

---

[43] *Шмелев И.С.* Стена. С. 108.

[44] Там же. С. 87.

[45] Там же. С. 97.

[46] Там же.

В послегрозовое утро усадьба в последний раз предстает как нечто цельное:

> Над прудами дремали раскидистые ветлы, за ними, на взгорье, над вершинами уцелевших по закраинам сада лип, указывающим в небо тонким пальцем четко выступил черный шпиль купленного на слом дома. За плотиной краснеющим в зелени заворотом подымалась дорога на усадьбу[47].

Рушат стену, разбирают усадьбу, и конца не будет этой работе по разрушению старого, традиционного, теперь уходящего в небытие уклада. Но в каждом ударе мотыгой присутствует некий смысл — идет зарабатывание денег. Работают все — и те, кто перечислен по именам, и другие — «невидные»[48]:

> Сыпало щебнем и веяло розовой пылью в глаза, и не видно было конца ныряющей в зелени стене[49].

Приехали инженеры и землемеры, но крестьяне, как арендаторы, засеявшие поля, не дают им работать, защищают созревающий урожай. Если старые хозяева усадьбы уже не воспринимают ее как основу своей жизни, лишь пользуясь последней возможностью посетить ее для фривольного общения с женщинами, то новые владельцы не в силах сохранить усадьбу даже для собственного обогащения — это чуждый им мир, который неминуемо рушится с уходом настоящего хозяина.

Человеком, который окончательно уничтожает центр усадьбы — главный дом, становится Прошка, крестник Пистона, ранее стрелявший из укрытия в приказчика.

Текст «Стены» корреспондируется с созданным в тот же период стихотворением В.Я. Брюсова «В полях забытые усадьбы…» (1910–1911):

> Теперь все тихо. По аллее
> Лишь жаба, волочась, ползет

---

[47] *Шмелев И.С.* Стена. С. 116–117.

[48] Там же. С. 119.

[49] Там же.

Да еж проходит осторожно...
И все бессильней, все грустнее
Сгибаются столбы ворот.

Лишь в бурю, осенью, тревожно
Парк стонет громко, как больной,
Стряхнуть стараясь ужас сонный...
Старик! жить дважды невозможно:
Ты вдруг проснешься, пробужденный
Внезапно взвизгнувшей пилой![50]

Если Брюсов размышляет о возможном будущем, то Шмелев описывает уже произошедшие события.

Созданная в начале 1910-х гг. повесть «Стена» является одним из наиболее ярких «усадебных» произведений Шмелева. В тот период, когда усадьбы не отчуждались у их владельцев, а добровольно продавались ими новым собственникам, автор описывает гибель усадьбы в результате поджога. Всего через несколько лет в огне пожаров погибнут многие помещичьи усадьбы, а их хозяева окажутся на грани выживания.

[50] *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 31.

ГЛАВА 2

Эволюция «усадебно-дачного топоса» в творчестве И.С. Шмелева периода эмиграции

Последние годы пребывания в России, прежде всего жизнь в Крыму в начале 1920-х гг., явились для Шмелева переломным периодом. Невосполнимая утрата — гибель сына. Да и сама жизнь в Крыму, ставшем одним из последних оплотов Белого движения, заставила о многом задуматься, многое переосмыслить. Крым на рубеже XIX–XX вв. был особой территорией на карте России, здесь возникали дачи представителей дворянства, купечества, буржуазии, интеллигенции. Территории дач значительно меньше, чем площадь традиционных для России помещичьих усадеб, владельцы дач активно участвовали в окультуривании окружающего ландшафта, приспособлении его к своим нуждам. Культурная жизнь крымских дач во многом унаследовала атмосферу, характерную для традиционных помещичьих усадеб. В связи с удаленностью от центра, от революционных городов, активностью сопротивления большевикам здесь позже начались процессы советизации. Но проходили они с большей жестокостью. В Крыму слом традиционного уклада более явственен и трагичен по своим последствиям. Об этом сломе, об утрате земли с домом, садом, хозяйственными постройками — того пространства, которое являлось оплотом стабильности, повествует «Солнце мертвых» — одно из первых и наиболее ярких произведений, написанных в начале эмигрантского пути Шмелева. Другие ракурсы усадебной жизни раскрываются в созданных им позже произведениях. Это «История любовная» (1926–1927), «Богомолье» (1931), «Лето Господне» (1933–1948).

Официальная информация, касающаяся описываемых Шмелевым мест, содержится в выпускавшихся в начале XX в. справочных

изданиях, характеризующих дачную жизнь в Крыму. В книге 1889 г. приведен пространный «Алфавитный список даче- и домовладельцев г. Ялты»[1]. Путеводитель многократно переиздавался, вбирая в себя расширенную и обновленную информацию о Крыме. Так, 23-е издание вышло в 1912 г.[2] Путеводитель А.Я. Бесчинского сообщал:

> Можно указать на Алушту, не слишком благоустроенную, но в которой летом можно отлично купаться и пользоваться виноградным лечением и в особенности можно рекомендовать окрестности Алушты, так называемый Профессорский уголок, — от Кастрель-горы до Кучук-Ломбата, — можно сказать единственный культурный угол Южного берега, где — настоящая неподдельная крымская природа и настоящее летнее деревенское житье[3].

В эпопее «Солнце мертвых» (в отличие от повести «Стена», в которой формирование «дачного топоса» возможно лишь в результате разрушения топоса «усадебного») «дачный топос» оказывается близок «усадебному» по структуре: дом с его владельцами и гостями, сад, природный и культурный ландшафты. Крымская дача — по сути, уменьшенная копия усадьбы. Она становится последним приютом для утративших имущество, а порой и право на жизнь людей. Причем часто это не просто последний уголок родной земли, откуда предстоит изгнание на чужбину, но и то место, где трагически обрывается их жизнь, где на их глазах погибают родные и соседи, умирают от голода или убиты домашние обитатели — коровы, лошади, птица, уходит в небытие все то, что составляло смысл и содержание жизни дачников.

Небольшие по площади крымские дачи создавались, в отличие от Центральной России, не на месте разоренных помещичьих уса-

---

[1] *Москвич Анна.* Практический путеводитель по Крыму с приложением алфавитного указателя местностей, карты гористой части Крыма, плана гор. Севастополя, плана гор. Ялты, поясненного списком даче- и домовладельцев, расписания движения пароходов и поездов, и проч. Ялта: Типография Н.Р. Петрова, 1889. 422 с.

[2] *Москвич Григорий.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму с приложением алфавита, русско-татарского словаря (Крымское наречие), 8 карт, 7 планов, 44 иллюстраций, расписания рейсов пароходов <…>. СПб.: Редакция путеводителей, 1912. 452 с.

[3] *Бесчинский А.Я.* Путеводитель по Крыму. М.: Редакция журнала «Русская мысль», 1901. С. 238–239.

деб, а на ранее не использовавшихся для ведения хозяйства территориях. Обустройство дачи со спроектированным самим владельцем и им же выстроенным домиком, с тщательно и заботливо возделанным садиком являлось конструированием личного пространства. Облагораживались и заселялись малопригодные для ведения сельского хозяйства и для проживания вообще участки. Человек путем напряженного каждодневного труда сам обеспечивал себе уют, атмосферу комфорта.

Если в повести «Стена» уничтожение стены — реальной и метафизической границы усадебного пространства — приводит к окончательному уничтожению погибающей без хозяйского глаза усадьбы, то в «Солнце мертвых» гибель садов становится одним из символов гибели всей русской жизни:

> Обманчиво-хороши сады, обманчивы виноградники! Заброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! — и новый хозяин, недоуменный, повыбил стекла, повырывал балки… повыпил и повылил глубокие подвалы…[4]

Образ сада, значимого для Шмелева пространства — земного воплощения эдемского сада и одного из символов русской усадьбы — не раз возникает в его произведениях разных лет. Ухоженный плодоносящий сад — одна из примет созидательных, а не разрушительных устремлений владельцев усадьбы или другого обладающего садом пространства. Об этом — в «Солнце мертвых»:

> Я хочу отойти от кружащей меня тоски пустыни. Я хочу перенестись в прошлое, когда люди ладили с солнцем, творили сады в пустыне…
>
> «Тихая пристань»…
>
> Пустырь был на этом месте — колючка, камень. Приехал старик-чудак, отставной исправник, любитель роз и покоя, сказал — да будет! — и выбил-таки из камня чудесное «розовое царство»[5].

---

[4] *Шмелев И.С.* Солнце мертвых // Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. М.: Русская книга; Известия, 2004. С. 464.

[5] Там же. С. 565–566.

Сад, усадьба — пространство созидания, сохранения жизни, ее развития, залог процветания. В повести «Неупиваемая Чаша» (1918) монастырский сад дает пищу и монахам, и паломникам, и работающим в монастыре художникам. Памятные воспоминания героя повести о родине связаны с садами, которые в каждом уголке России имеют свои характерные приметы. Реальный сад сливается в грезах с садами эдемскими:

> …перекинулась радуга во все небо. Плыли в эти небесные ворота корабли под красными парусами, шумели морские бури; мерцали негасимые лампады-звезды; сверкали снега на неприступных горах; золотые кресты светились над лесными вершинами; грозы гремели, и наплывали из ушедших далей звуки величественного хорала; и белые лилии в далеких садах, и тихие яблочные сады, облитые солнцем…[6]

Одному из загородных садов посвящена глава «Богомольный садик» в повести «Богомолье» (1931).

Сад — не просто место проживания и обжитое, приспособленное в бытовом отношении пространство. Это центр своего, личного мира, который необходимо оберегать для самосохранения, для сбережения жизни близких и дорогих людей.

> Там, вдоль пустынного пляжа, уныло маячат дачки, создававшиеся любовно, упорным трудом всей жизни, — тихий уют на старость. Там — весь Профессорский Уголок, с лелеянными садами, где сажались и холились милые розы, привитые «собственною рукой», где кипарисами отмечались этапы жизни, где мысль покоряла камень[7].

Захватившие власть люди потеряли человеческий облик. Итог их деятельности — возвращение к жизни «пещерных предков». Но еще сохраняется возможность общения не с обезумевшими людьми, а с другими живыми существами, как оказывается, более достойными внимания. Человека спасают от умирания разговоры

---

[6] *Шмелев И.С.* Неупиваемая Чаша // Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1 / Сост. и авт. предисл. Е.А. Осьминина. М.: Русская книга, Известия, 1994. С. 00.

[7] *Шмелев И.С.* Солнце мертвых. С. 487.

с ними, сострадание к ним, намерение помочь пережить голод и другие испытания:

> Грецкий орех, красавец… Он входит в силу. Впервые зачавший, он подарил нам в прошлом году три орешка — поровну всем… Спасибо за ласку, милый. Нас теперь только двое… а ты сегодня щедрее, принес семнадцать. Я сяду под твоей тенью, стану думать…[8].

В «Солнце мертвых», как и в некоторых других произведениях Шмелева, одной из главных причин разрушения традиционного мира становится отсутствие хозяина:

> Ступай и бери: виноградники, и сады, и дачи, все — бесхозяйное, все — пустое![9]

Бесхозные, оставшиеся без внимания, без хозяйского глаза дачи приходят в запустение, а со временем и погибают вовсе. Потому так много в то смутное время пустого: холодное и пустое солнце, пустая заря, пустое небо, синее и пустое море, пустая дачка, пустая дорога, пустая пристань, пустой сад, пустой водоем, пустынный пляж, пустое вымя голодающей коровы Тамарки.

И души человеческие опустошаются:

> Унылы, жутки мертвые крики жизни опустошенной — бурною ночью, на пустыре! Нехорошо их слышать. Темные силы в душу они приводят — черную пустоту и смерть[10].

Пустота — вместо полноты жизни, холод — вместо тепла. Пустота создает пустыню. И в результате — смерть вместо жизни. «Убил… — слово совсем пустое»[11]. Итог закономерен.

Хозяева разоренных дач, всю свою жизнь занимавшиеся созиданием и облагораживанием окружающего их пространства, уже не надеются на восстановление своих участков даже в будущем.

---

[8] *Шмелев И.С.* Солнце мертвых. С. 468.

[9] Там же. С. 484.

[10] Там же. С. 604.

[11] Там же. С. 516.

Один из ярких примеров такого пессимизма — в рассказе доктора:

> Когда я сюда приехал, я выбрал пустырь, голый бугор, на котором нельзя было стоять, когда задует от Чатырдага… Прошло лет сорок. Вы знаете, что вышло. Миндальные сады насажены по округе, и теперь не смеются. То есть теперь… ну, теперь скоро и некому будет смеяться… <…> Теперь будут начинать сызнова, когда прозреют. А может, и некому будет прозревать[12].

Если в повести «Стена» описывается разрушение отдельной усадьбы, то в «Солнце мертвых» — всей традиционной жизни: разворовывают и распродают мебель, вырубают рощи, убивают жителей:

> Уйдем… — и завтра же выбьют стекла, развалят стены, раскроют крышу, поволокут, потащут… с довольным гоготом мертвецов. Упадут кедры, кипарисы и миндали, и кучи мусора поползут мутными струйками в ливнях…[13].

Созвучен «Солнцу мертвых», хотя и менее трагичен, рассказ «В ударном порядке» (1925). Революция уничтожает не только традиционный мир русской усадьбы, но и обрекает на медленное мучительное умирание ее прежних владельцев. Усадьба Манино становится в новое время совхозом «Либкнехтово». Разбитый параличом бывший владелец Манина Василий Поликарпович проводит последние дни жизни на скотном дворе, уже потеряв способность общаться с окружающими и отделенный от мира живущих пологом. Вернее, этот полог отделяет умирающего хозяина-мученика от погружающейся в хаос усадьбы.

> Полог откинулся, светло в закутке, — окошко на пруды. На крашеной кровати — Матрена на ней спала, в клопах, — на пуховике, под ватным одеялом голубого шелка, белой строчки разводами, лежал Василий Поликарпыч, красавец-ярославец, теперь — апостол, мученик, угодник, — как с иконы, сухой и темный, белая бородка клином[14].

---

[12] *Шмелев И.С.* Солнце мертвых. С. 503.

[13] Там же. С. 615.

[14] *Шмелев И.С.* В ударном порядке // Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2 / Сост. и авт. предисл. — Е.А. Осьминина. М.: Русская книга, Известия, 1994. С. 70.

Как и в «Стене», усадебная флора способна некоторое время сопротивляться разрухе и опустошению:

> Было как на кладбище, грустно. В елях сады сквозили, сады дремали. Краснели точки. Мальчишки шныряли воровато, пугливо выглядывала баба — кто такие? Чернели пустынные навесы, где-то как в пустоту стучало, — в ящик?.. Бежала коровенка, орала девка, яблоками швыряла в коровенку[15].

Но и гибель садов неизбежна, поскольку нет теперь настоящего хозяина. «Хозяйского-то глаза нету, гляди-ка!..» — сетует кучер Левон Матвеич[16]. В результате на смену размеренной продуманной жизни, рачительному хозяйствованию приходит запустение, деградация не только усадебного пространства, но и всей русской жизни. Господский дом утратил сопутствующую усадебной жизни гармонию, сохраняющиеся элементы прежних интерьеров оказываются в новом окружении, эстетическая целостность пространства утрачивается:

> В знакомом кабинете еще висел диплом какой-то, в золоченой рамке, с отбитою коронкой; продранные стулья, чужие будто <…>. Стол утащили: был простой, из кухни. Курячьи кости валялись на газетке, огрызки огурцов и хлеба, револьвер. <…> Ленин и рядом «Боярыня» из «Нивы», в красках. Туфли бежали по полу в разброд, висели на гвозде подштанники. Все — пусто, гнусно, по-цыгански[17].

Традиционный мир русской усадьбы был основан на гармоничном сочетании всех элементов усадебного комплекса, на богатой духовной жизни владельцев и их гостей, на устоявшемся бытовом укладе — все это обеспечивалось преемственностью поколений собственников усадьбы, которые рачительно управляли имуществом, выстраивали отношения с окружающими людьми. При утрате части из этих базовых «первоэлементов» неминуемо разрушается весь усадебный мир, возникает зияющая пустота.

---

[15] *Шмелев И.С.* В ударном порядке. С. 58.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 66.

«Усадебный топос» важен и для одного из последних по времени создания произведений Шмелева — оставшегося незавершенным романа «Пути небесные». Сюжет второй книги (1944–1947) разворачивается в основном в Москве и в усадьбе Ютово, которая в речи и восприятии переехавших туда Виктора Алексеевича и Дариньки преображается в Уютово — место, наполненное многообразными духовными смыслами, позволяющее героям преобразиться. Еще только приближаясь к усадьбе, героиня ощущает особое значение этого места:

> Как бы в подтверждение, что избранный путь — верный, Даринька, еще и не видя Уютова, почувствовала в сердце благовестие[18].

Усадебное уединение противопоставляется суетной московской жизни. Здесь, в усадьбе, «жизнь жительствует» (название XVIII главы).

Окрестности Уютова связаны с усадебной жизнью и творчеством русских классиков, прежде всего И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, а встретившая новых владельцев Аграфена Матвеевна была раньше дворовой матери писателя, Варвары Петровны Тургеневой, и теперь нередко бывает у Ивана Сергеевича, который любит поговорить с ней. Устанавливается столь важное для Шмелева духовное взаимодействие героев романа с живым миром русской литературы — они впервые узнают о произведениях отечественной словесности, которые раньше не читали. Уют обеспечивают все элементы усадебного комплекса: главный дом с флигелями, светелкой и верандой, благоухающая въездная липовая аллея, цветник, кусты жасмина и черемухи с поющими соловьями, яблоневый сад, террасированный берег реки Зуши с озерком на одной из террас, грунтовые сараи со шпанскими вишнями и персиками, оранжереи с апельсинами и лимонами в кадушках, а также традиционный усадебный быт, возможность бывать в расположенной в отдалении церкви. В усадебное пространство органично вписывается и героиня:

---

[18] *Шмелев И.С.* Пути небесные // Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5 / Сост. О.Н. Михайлов и Е.А. Осьминина. Предисл. Е.А. Осьмининой. М.: Русская книга, Известия, 2004. С. 271.

В белом платье, в откинутой назад шляпке с васильками, с горячими глазами, досиня потемневшими, она была прелестна. И — отметил Виктор Алексеевич — она была свободна, заспорила, чего не бывало прежде[19].

Уже первое соприкосновение с усадебным миром преображает героиню, являясь началом изменений в ее жизни. Со временем под влиянием жизни в усадьбе меняется и Виктор Алексеевич. Здесь «ему приоткрывалась не уловимая тугим ухом симфония великого оркестра — Жизни»[20].

Описываемые в романе события относятся к 1877 г., т. е. к периоду, когда еще была жива память о крепостничестве и во многом сохранялись дореформенные порядки. Этот традиционный уклад идеализируется Шмелевым — усадьба превращается для героев в «земной рай» (название X главы).

Прожив с Россией самые трагические моменты ее истории, оказавшись на чужбине, писатель восстанавливает в своих поздних произведениях то время, когда мир был целостным и гармоничным. Одним из основополагающих элементов этой гармонии, одной из традиционных скреп русской духовности вполне закономерно становится для него русская усадьба — как само усадебное пространство, так и усадебная атмосфера, возвышающая человека, позволяющая ему раскрыть свои внутренние силы.

[19] *Шмелев И.С.* Пути небесные . С. 284.

[20] Там же. С. 329.

ГЛАВА 3

Идеал усадьбы в жизни и творчестве Б.К. Зайцева

Усадебная тема актуальна для биографии и творчества Б.К. Зайцева — писателя, имевшего богатый и разнообразный опыт усадебной жизни, отразившего его во многих произведениях, впитавшего усадебную культуру благодаря русской классике, о чем свидетельствуют как его художественная проза, так и тексты, посвященные отечественным писателям («Жизнь Тургенева» (1932), «Чехов» (1954) и др.). В небольшой по объему статье Ю.А. Драгуновой «Русская усадьба в творчестве Б.К. Зайцева»[1] названы основные тексты писателя, в которых актуализируется «усадебный топос», в целом же «усадебные контексты» его произведений прояснены еще недостаточно.

Творчество Зайцева подтверждает, что усадебная культура, формировавшаяся в России столетиями, со временем стала восприниматься в качестве одной из значимых составляющих русской культуры в целом. Дворянский помещичий быт неотделим от жизни деревни, которая срастается с усадебной жизнью, в том числе в процессе общения дворян с крестьянами, совместного выполнения определенных сельскохозяйственных работ. Герои зайцевских произведений по-разному относятся к участию в таких работах. Характерный пример — отношение к проблемам, возникающим во время сенокоса. Отец Глеба, главного героя автобиографической

[1] *Драгунова Ю.А.* Русская усадьба в творчестве Б.К. Зайцева // Орловский текст российской словесности. Материалы Всероссийской научной конференции. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, ОГЛМТ, НИИ филологии ОГУ им. И.С. Тургенева, 2018. С. 77–80.

тетралогии «Путешествие Глеба», замечает, что сырое сено хотят уложить в сарай:

> …вовсе расстроен. Хотел бы сочувствия сына — сырое сено в сарай! — Чепуха все эти покосы, копны и растряски. Отец оборачивается к Глебу. «Вот лучше бы посмотрел, как они его растрясут, или сам бы помог». Глеб невозмутимо пьет кофе с ледяным маслом. Никуда он не пойдет кроме флигеля[2].

Лишь в заключительном романе тетралогии, «Древо жизни» (1952), читатели узнают, что в Прошине «молоденьким студентом Глеб сам косил и навивал с девками возы»[3]. И в память о тех счастливых днях много лет спустя герои тетралогии отдадутся сельскохозяйственным работам:

> Лужайку перед цветником только что скосили. На другой день будут трясти сено и Элли тоже возьмет грабли, даже Глеб, посмеиваясь, будет помогать финну, барышням и какому-то работнику[4].

Глеб, которого родные считают книжным человеком и с детских лет называют Herr Professor, более далек от дворянской традиции XIX в., чем его отец, хотя и Глеб немалое время провел в усадьбах, как принадлежавших семье, так и предоставлявшихся отцу как директору завода, а также в гостях у знакомых.

В период взросления для Глеба был важен такой существенный элемент усадебной жизни, как охота, он желал обладания ружьем, пусть сначала детским, но все же своим собственным. Значительным жизненным успехом и сам Глеб, и его отец, и их знакомые и родные считали подстреленного лося: «Отец был очень доволен. На Глеба же рухнула оглушительная волна успеха»[5]. Уже много позже его дядя, Красавец, знакомя Глеба с гостями, говорит:

---

[2] *Зайцев Б.К.* Юность // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русская книга, 1999. С. 393.

[3] *Зайцев Б.К.* Древо жизни // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 578.

[4] Там же. С. 578.

[5] *Зайцев Б.К.* Заря // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 150.

Ну-те-с, а вот позвольте вам представить, сын любимого моего брата Николая, ученая голова, с детства назван Herr Professor, десяти лет убил на облаве лося[6].

Участие в облаве, успех на охоте — это не столько свидетельство меткости, сколько приобщение с детских лет к дворянским развлечениям, к дворянскому образу жизни. Именно поэтому «слава» юного охотника была значима и для него, и для окружающих. Об этом автобиографическом эпизоде Зайцев напишет много десятилетий спустя, 8 марта 1966 г., Л.Н. Назаровой:

Подумайте, десяти лет отроду застрелил на облаве огромнейшую лосиху и в первый (и последний) раз испытал острое ощущение славы, как будто совершил подвиг, а не преступление пред мирным зверем. Мужики загонщики качали меня! Подумайте, какое идиотство. Впрочем, при приближении конца прожитая жизнь кажется вообще почти сплошным грехом[7].

Охота представлена в прозе Зайцева как одно из существенных для жизни в русской усадьбе занятий. Охоте посвящен рассказ «Волки» (1901) — преследуемые охотниками на протяжении нескольких дней, доведенные до отчаяния звери загрызают своего старого вожака, который не сумел отыскать спасительную дорогу. Ощущения охотника, долго преследующего раненого волка, описаны в рассказе «Мгла» (1904).

Названные произведения, как и многие другие зайцевские тексты, имеют ярко выраженную автобиографическую основу и связаны с жизнью Зайцева в небольшой усадьбе в деревне Притыкино Каширского уезда Тульской губернии (ныне деревня, в которой зарегистрировано всего два постоянных жителя, входит в состав Теляковского сельского поселения Ясногорского района Тульской области). Об этой усадьбе Зайцев вспоминает в письме к И.А. Бунину, написанном 1 сентября 1935 г. во время путешествия по «русской Финляндии»:

---

[6] *Зайцев Б.К.* Тишина // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 254.

[7] Письма Б.К. Зайцева к Л.Н. Назаровой (1961–1971) / Публ., вст. заметка и примеч. Л.Н. Назаровой // Русская литература. 1995. № 1. С. 228.

Уже три недели живем вновь в Келломяках — немолодом, огромном доме. Теперь тут пансион. В авг<усте> (перв<ой> половине) было порядочно народу, сейчас мы одни. У нас две комнаты (и отдельный крытый балкон в цветах) выходят в зелень. Это была усадьба. Перед моим окном сад, яблони, цветы, дальше мосты, дорога — и море. Виден Кронштадт. Это очень волновало первое время. Теперь привыкли. Иван, сколько здесь России! Пахнет покосом, только что скосили отаву в саду. Вера трясла и сгребла сено, вчера мы с ней ездили на чалом меринке ко всенощной в Куоккалу, ременные вожжи, запах лошади, все эти чересседельники и хомуты… (Вечером идешь по аллее: яблони, цветут настурции, флоксы, георгины. Вдали, в темноте, лампа зажжена на стеклянной террасе… Притыкино.) И еще: запахи совсем русские: остро-горький — болотцем, сосной, березой. Вчера у куоккальской церкви — она стоит в сторонке — пахло ржами[8].

Бывшая усадьба, в которой семья Зайцевых жила на положении дачников, приехавших туда на сравнительно непродолжительное время, навевает воспоминания о собственной усадьбе, о детских и юношеских годах. Отметим, что в послании другу-писателю Зайцев выделяет те элементы усадебного пространства, которые являются для него наиболее характерными, создают основу для жизни на лоне природы и, соответственно, находят яркое отражение в творчестве как Зайцева, так и других «усадебных» авторов.

Поскольку мы коснулись вопроса о взаимодействии дворянского мира с крестьянским, нельзя не вспомнить об одном из ранних произведений Зайцева — рассказе «Деревня» (1904, впервые напечатан в журнале «Новый путь» в декабре 1904 г.). Получивший значительную популярность одноименный рассказ Бунина появится значительно позже, в 1909 г. Конечно, зайцевский рассказ был прекрасно известен Бунину в период работы над «Деревней».

Прослеживается связь зайцевского произведения с прославленным стихотворением А.С. Пушкина «Деревня» («Приветствую тебя, пустынный уголок…»), в котором воспеваются картины сельской жизни, неизменно притягательные для владельцев поместий:

[8] *Зайцев Б.К.* Собрание сочинений. Т. 11 (доп.). М.: Русская книга, 2001. С. 93.

Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины[9]…

В «Деревне» Зайцева одним из символов традиционной, но в его время во многом утрачиваемой усадебной жизни становится «старая бабушка»:

> …сама бабушка, в многолетней кофте, в галошах и теплом платке, вечно бродила то по дому, то по усадьбе: то отворяла старые сараи и рылась там, вытаскивала разные нужные и забытые шубы, то перекладывала яблоки в чулане, и всегда ее обволакивало что-то здешнее, прочное, чего не возьмешь ничем[10].

Это «прочное» обусловлено глубокой укорененностью в столетиях русской усадебной культуры. Все те вещи, которые окружали бабушку и которые она перебирала, будто общаясь с ними, вспоминая прожитые годы, — всё это «элементы» усадебного мира. Пусть они малы и каждый предмет сам по себе не очень важен, но их взаимосвязь, их необходимость, задействованность в обеспечении быта, в каждодневной и часто предельно насыщенной жизни усадьбы — все это в совокупности обеспечивает полноту усадебного бытия, которое является и жизнью в «деревне», в соприкосновении с ней.

Деревня — это то, что находится «вокруг усадьбы», что самим своим существованием обеспечивает ее полноценное функционирование, наполняет жизнью, создавая своеобразный культурный ландшафт — пространство, отвоеванное у природы, но при этом сохраняющее нерасторжимую связь с ней. И, что также важно, эти сопредельные с усадьбой пространства неизмеримо расширяют

---

[9] *Пушкин А.С.* Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 89.

[10] *Зайцев Б.К.* Деревня // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 8 (доп.). М.: Русская книга, 2001. С. 31.

ее — обрамлением этого деревенско-усадебного мира становятся в «Деревне» Зайцева «свинцовые облака» на горизонте:

> Издали, в полутьме вечера, березы вокруг усадьбы сливаются в одну глухую, гудящую стену, а сбоку торчат лохматые риги; на них по вечерам собирается воронье; в этих сумерках они глядят ночными жителями; и далеко по горизонту ходят свинцовые облака[11].

Более того, элементы внеусадебного пространства выступают в качестве стражей усадьбы, самим своим существованием обеспечивая ее полнокровную жизнь: «Глухо гудят сторожевые березы вокруг усадьбы»[12]. Эти березы — не просто деревья, растущие за пределами усадьбы, не вписавшиеся в ее аллеи, это еще и сторожа, защитники — «сторожевые березы».

Страж необходим усадьбе — пространству, значимому для героев, но легко теряющемуся в окружающих просторах: «Полверсты от усадьбы — ее уж не видать»[13].

Порой нелегко отыскать усадьбу, путь к ней может быть сопряжен с опасностью для жизни, особенно если дело происходит в явно «неусадебное» время — зимой. Так, чуть не погиб в метель Алеша, героя романа «Дальний край» (1912), ехавший к тетушке Аглае Михайловне.

С сельскими окрестностями, с деревней сопряжены и процессы, обеспечивающие жителей усадьбы хлебом насущным: лежащему «в полутемных комнатах» Крымову, главному герою рассказа «Деревня», «кажется, будто он слышит грубую работу в усадьбе: доят молоко, мычат коровы...»[14]. Без скотного двора, каретного сарая или конюшни, псарни, служебных и хозяйственных построек существование усадьбы невозможно. Ведь усадьба — не только пространство, в котором укоренилась помещичья культура, но и хозяйство, подчас довольно сложно устроенное, которое функционирует в соответствии с определенными экономическими законами. Соответственно, владелец усадьбы или назначенный им управляющий непременно должен обеспечивать бесперебойную работу

---

[11] *Зайцев Б.К.* Деревня. С. 32.

[12] Там же.

[13] Там же. С. 35.

[14] Там же. С. 33.

всего экономического механизма. В деревне осуществляются процессы сельскохозяйственного производства, близкие естественной жизни природы:

> В груди крепкой и грубо сделанной деревенской земли идет тоже работа, и эту работу Крымов тоже как будто чувствует. Вот стоят живые плотные деревья, по хлюпающей грязи лошадь с трудом везет в горку бочку с водой из пруда, и земля раздается под колесами как живая, а рядом падают листья с клена[15].

Именно усадьба гармонизирует два мира — природный и антропный, выявляя их взаимную обусловленность и объединяя в общее пространство. Благодаря усадьбе природный мир становится не только утилитарно используемым источником для получения продовольствия и других благ, но и вызывающей эстетическое наслаждение субстанцией. Земля делается «живой» не в восприятии крестьян, для которых она кормилица и источник благосостояния, а в оценке усадебного обитателя, способного почувствовать красоту сельской жизни, на лоне которой он размышляет и предается отдыху.

Для Зайцева крестьянская Россия — это Русь, Русь простонародная, та сила, которую способны принять и понять далеко не все представители помещичьей России. Это, в том числе, «и наша тамбовская Русь — пешие мужички и бабы, торопившиеся к заутрене»[16]. Это огромные массы людей, «кончая мужиками, бабами, калеками, хромыми и слепыми»[17]. Составляющие Русь типы перечислены Зайцевым при описании толпы, собравшейся на Ходынском поле для получения подарков в день коронации последнего российского императора:

> …горничные, кухарки, торговцы, дворники, рабочие — но и крестьяне деревень соседних. <…> вероятно, вначале и весело было в тот вечер на Ходынском поле. Наряды полиции да сотня казаков, явившихся уже глубокой ночью, должны были сдерживать эту Русь, направлять куда следует[18].

---

[15] *Зайцев Б.К.* Деревня. С. 33.

[16] *Зайцев Б.К.* Тишина // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 178.

[17] Там же. С. 248.

[18] Там же. С. 246.

Деревня — и сельские жители, и родные пространства — основа Руси Зайцева. Деревню отличает следование природной смене времен года, когда размеренное и упорядоченное течение жизни соответствует законам природы, во многом подчиняется им. Жизнь усадьбы тоже не может избежать воздействия природных законов. Сопоставимыми событиями, обеспечивающими природный процесс продолжения рода, становятся рождения и теленка, и сына кухарки, и пары жеребят:

> …ярко зеленеет озимь, рождаются в усадьбе новые обитатели — пестрый теленок, маленький человечек, сын застольной кухарки, пара жеребят[19].

Усадьба в этом отношении противостоит как городу, в котором природные силы проявляются в значительно меньшей степени, чем в деревне, так и заводу с рабочими поселками, которые наступают на природу, разрушая ее целостность и испокон веку существовавший порядок.

Усадьба обеспечивает уют, которого не может дать город. Это особенно заметно в ранних произведениях Зайцева.

Например, герой эскиза «В дороге» (1901) — первого опубликованного зайцевского произведения, напечатанного 15 июля 1901 г. в московской газете «Курьер», — на поезде покидает город, «клокочущий, громадный, с электричеством, банками, фабриками, биржами, ресторанами и домами терпимости». Поезд движется сквозь туман, за которым скрываются неразличимые, а только ощущаемые «поля, леса и деревни»[20] — сельские просторы России. Тревожные ощущения постепенно рассеиваются лишь после того, как герой, сойдя на нужной ему станции, отправился на тройке лошадей домой, и новые впечатления стирают из его памяти и «буйный город», и «ту могучую железную змею, которая, блестя и шипя, несется теперь в тумане в бесконечную даль»[21]. Только приближение к усадьбе вселяет успокоение и отгоняет тревожные мысли.

---

[19] *Зайцев Б.К.* Деревня // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 8 (доп.). С. 35.

[20] *Зайцев Б.К.* В дороге // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. М.: Русская книга, 1999. С. 333.

[21] Там же. С. 335.

Рассказ «Тихие зори» (1904) демонстрирует, насколько несхожи картины, открывающиеся с балкона городской квартиры с каменными стенами, с видами, радующими глаз с балконов или из окон загородных домов. Рассказчик и его тяжело больной друг Алексей всматривались в городской пейзаж:

> …все слегка затуманено, сухая, бело-пыльная дымка стояла над городом; некоторые улицы внизу, пустынные уже, как бы отдавшиеся чему-то, смутно белели недвижными лентами; и наш переулок, обвеянный за день известковою пылью от строившихся домов, дремал и мерещился мне белесоватым каналом[22].

То немногое, что может хоть каким-то образом сгладить тягостное впечатление от города, это садик, который бывает около дома или у церкви, и сам храм:

> …в балконную дверь виднелся четырехугольник света с темными липами и крестами церкви на нем[23].

Совершенно иной пейзаж радует глаз за городом, на даче:

> Уединенная дача в березовом лесу; с полукруглого балкона, недалеко внизу я вижу озеро; оно лежит меж чистых, нежно-белых стволов берез. <…> озеро лежит немое и бледное; бессолнечный, неветреный день, облака перламутровы; крупными массами они застыли в озере, и если пристально глядеть туда, начинает казаться, что выйдешь куда-то насквозь, глаз тонет в этом зеркале[24].

Озеро завораживает рассказчика, заставляет о многом задуматься, он освобождается от овладевавших им проблем. Следующий год для него совершенно иной — он живет «в старом нашем гнезде, над русской рекой, под мягким русским солнцем»[25]. Такая обстановка вызывает воспоминания о счастливом детстве,

---

[22] *Зайцев Б.К.* Тихие зори // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. С. 39.

[23] Там же. С. 41.

[24] Там же. С. 42.

[25] Там же. С. 43.

о неизменных приметах усадьбы. Это калитка в частоколе, дуб, сад, вдали река с пароходами. Сельский мир оказывается практически не изменившимся — и детские воспоминания сливаются с явью, когда герой рассказа лежит под могучим дубом, который многое повидал на своем веку, и еще многое предстоит ему пережить.

Мир усадьбы подвижен во времени и раним. Рассказ «Хлеб, люди и земля» (1905) посвящен непростому периоду первой русской революции, когда запылали многие помещичьи усадьбы:

> …над горизонтом подымается пламя — пожар: мужики ли жгут помещика, сам ли помещик горит, или сами мужики? Пламя час и два и больше бьет кверху, но никто не слышит[26].

Судьбам молодежи, жизнь которой круто меняют революционные события, посвящен роман «Дальний край». Экзамены, учеба, сочувствие революционно настроенным людям и участие в демонстрациях, следование заветам народничества, жизнь в ссылке — эти и другие составляющие русской жизни того периода нашли отражение в зайцевском тексте. Поскольку это произведение уже рассматривалось как «усадебный текст»[27], остановимся на нескольких, наиболее существенных на наш взгляд, аспектах темы.

С усадьбой в отечественной словесности традиционно связаны мотивы любви, расставания, тревоги. И Зайцев выступает продолжателем этой линии. В усадьбу своего отца, Александра Касьяныча, приглашает Петю испытывающая к нему романтические чувства Ольга Александровна. Именно на лоне усадебной природы, как она надеется, может произойти их сближение. Интерьеры подчеркивают старину усадьбы, традиционные устои, которых здесь придерживаются. И с самой первой усадебной встречи Ольга Александровна стремится ввести Петю в мир усадебной культуры — она «наигрывала на старом, карельской березы, рояле».

---

[26] *Зайцев Б.К.* Хлеб, люди и земля // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. С. 46.

[27] *Михаленко Н.В.* Библейские аллюзии в «усадебном тексте» Б.К. Зайцева (повесть «Аграфена» и роман «Дальний край») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 272–288; см. также: *Иванова Н.А.* Семантика библейского кода в романе Б.К. Зайцева «Дальний край» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 10–14.

И Петя, который теперь «находился в мечтательном настроении», ответил соответствующими намерениями — «хотелось бы читать ей вслух длинный, чистый роман»[28], — которые оказались, однако, неосуществленными.

У Пети были свои представления о предстоящей жизни в усадьбе:

> Плотские мысли не возникали у него по отношению к Ольге Александровне. Ему хотелось быть стражем ее чистого сна, и от ее лучезарной женственности взять и себе часть.

В день приезда, «милым майским вечером», Ольга Александровна приглашает Петю на прогулку, уводя его с территории усадьбы:

> Они спускались легким склоном по фруктовому саду. Потом вышли через калитку в березовую рощу, еще круче сбегавшую вниз. Сквозь белые стволы блестело озеро[29].

Такие гулянья становятся частыми, Ольга Александровна и Петя осваивают окрестности, впитывая красоту и полнозвучие природного мира. Дальнейшую их судьбу определил прекрасный и исключительный миг в светлом березовом лесу среди цветущих фиалок:

> Она стояла в своем макинтоше, прислонившись к березе, из-под капюшона выбились мокрые пряди волос. От нее пахло хинной водой; в руке благоухали цветы. Петя стоял рядом, и какое-то сладкое онемение овладело им. Он чувствовал: то, что сейчас есть, уже не повторится, их души как бы сливаются, одинаково бьются сердца. Они молчали. Шло время, капли трепетали на осинках и падали, повисая на локоне Ольги Александровны. Она слабо вздыхала, и казалось, сейчас разразится буйной радостью или слезами. Наконец, видимо, превозмогла себя, резко двинулась и глухим голосом, стараясь казаться веселой, сказала:

---

[28] *Зайцев Б.К.* Дальний край // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. С. 413.

[29] Там же. С. 414.

— Мы с вами чуть не обратились в столпников. Ну, идем[30].

В тот миг «пути их не слились, стали медленно расходиться»[31]. Будущее было определено.

Сходная сюжетная линия позже возникнет в романе «Юность» (1944) и тоже определит судьбу Глеба — главного героя, которого Лера приглашает в усадьбу матери Астрагань под Смоленском. Местность там почти та же, что и описанная в «Дальнем краю». «Много лесов, озеро внизу. Приезжайте после экзаменов, вот и увидите. Мама будет очень рада»[32], — приглашает Глеба девушка. В Астрагани Глеба встречает по-деревенски:

> Лера была в скромной кофточке, по-деревенски, букетик незабудок на груди, вся свежая и улыбающаяся[33].

Лера показывает гостю небольшой дом, небогатую усадьбу и ее окрестности. Как и Ольга Александровна, «Лера пела чувствительные романсы, аккомпанируя себе на пианино»[34], от нее так же пахло хинной водой. Но была она свежее и моложе Ольги Александровны, жила в усадьбе с матерью и братом. Лера и Глеб вместе гуляли, вспоминая о встречах в Москве, и однажды, пройдя освеженный дождем березовый лес, вышли на вырубку с зарослями иван-чая.

> Лера подошла к кусту — вдруг как бы выстрел раздался оттуда — с треском, грохотом, обдав ее серебром брызг, вылетел краснобровый черныш, весь черно-блестящий, могучий, мужчина, самец. <…> Лера вскрикнула, отшатнулась. «Фу, напугал...» Она чуть прислонилась к Глебу, как бы и под его защиту. Локоны выбились из-под платочка. От нее пахло хинной водой.
>
> Глеб молчал. Сердце его тяжело билось. Во влажной духоте леса, при комариках, неустанно разыгрывавших свой танец колонкою близ можжевельника, он чувствовал на себе тяжесть

---

[30] *Зайцев Б.К.* Дальний край. С. 420.

[31] Там же.

[32] *Зайцев Б.К.* Юность // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 365.

[33] Там же. С. 374.

[34] Там же. С. 378–379.

крупного, всегда столь легкого, а теперь ослабевшего девичьего тела. «Испугались?» — «Ну... теперь нет». Но она не высвобождалась. Оба они были несколько бледны, точно бы и оба испуганы. И глаза совсем близко, дыхание почти сливалось. В лесу все так же тихо, только дятел медленно, с упорством и старанием надалбливает песнь свою скромнейшую. Глеб через силу улыбается. «Вот... черныш какой здоровенный... и как вас напугал». Лера вдруг подняла корзиночку с земляникой, отодвинулась. «А мало мы с вами собрали. Maman будет недовольна». Глеб пробудился[35].

Эти моменты жизни героев — Ольги Александровны и Пети, Глеба и Леры — можно рассматривать как несостоявшуюся инициацию. Романтические мечтания не становятся основой для бурного усадебного романа, что-то останавливает юношей, в ситуации выбора они остаются пассивными, а позже находят счастье с другими возлюбленными.

В отличие от романа «Дальний край» в «Юности» инициатором отъезда гостя из усадьбы становится юноша, а не пригласившая его в усадьбу героиня. Нереализовавшийся роман делает слишком тягостной жизнь в одном доме.

В романе «Дальний край» усадьба рассматривается ее владельцами и гостями как место отдыха от суеты городской жизни, от тех дел, которые занимают их по службе. «Конечно, должны здесь пожить: деревня все излечивает, заметьте себе это»[36], — говорит Александр Касьяныч приехавшему к нему в гости Нолькену, однако начинает с ним полемизировать, обсуждая значимость творчества современных художников. И их голоса, доносящиеся с балкона, оказываются чужды окружающей природной гармонии, очарованию вечера в усадьбе с чудно пахнущим жасмином:

— О чем они спорят, о чем шумят? — говорила Ольга Александровна. — Этот вечер, звезды, спящие птицы, коростель, роса, май... вот, мне кажется, где правда. Умней этого все равно не выдумаешь.

---

[35] *Зайцев Б.К.* Юность. С. 380–381.

[36] *Зайцев Б.К.* Дальний край // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. С. 416.

<…> В такие ночи можно слышать иные звуки, всегда новые и возвышенные; перед ними людская запальчивость слишком уже ничтожна[37].

Заботой Александра Касьяныча было расширение флористической составляющей усадебного пространства — сбережение лесов, в которых он считал самоценным каждое дерево, и выращивание сада, за которым сам ухаживал.

Женившись на Лизавете, Петя Лапин поселился в Москве в Филипповском переулке, а на лето отправляется в усадьбу, пребывание в которой становится этапным периодом его биографии — он занимается политикой и философией, много читает, в том числе Канта и Соловьева, засиживаясь ночами:

Усадьба спит. Лишь на скотном вздыхает корова, лошадь сонно пофыркивает. В этот час мирной благодати хорошо прогуливаться перед флигелем с непокрытой головой. Мир кажется тихим храмом, где присутствует сам Создатель.

Человек устал от чтения, но утро, прохлада, благоухание русской земли укрепляют, освежают его. Как будто сейчас он лучше, чем обыкновенно. Он ни о чем не думает, но душа его полна высоких и чистых настроений[38].

Природа восстанавливает силы, дарит минуты отдохновения, снимает напряжение после продолжительного погружения в чужие мысли. Для героя важны и воспоминания о счастливо прожитых здесь днях. Когда приезжает в гости Степан, они с Петей вспоминают свои детские беззаботные дни, проведенные в этой усадьбе. На Степана же, давно испытывавшего нежные чувства к Лизавете, находит романтическая волна, гармонирующая с усадебной атмосферой и усадебными традициями. Однако Степан, готовившийся в то время к совершению террористического акта, сдерживает в себе все мысли и чувства, пытаясь сконцентрироваться на осуществлении дела, доверенного ему соратниками. Лизавета, не столь обремененная книжным знанием и чтением, как Петя, оказывается ближе к обыденной деревенской жизни —

[37] *Зайцев Б.К.* Дальний край. С. 417.

[38] Там же. С. 494.

она купается, собирает цветы, повязав голову платочком, ходит на покос.

Жизнь в усадьбе пробуждает в каждом из героев совершенно разные чувства, позволяя и углубиться в научное познание, и ощутить полное единение с природой, и попытаться понять самого себя и свое предназначение. Для каждого из них пребывание в усадьбе — это возможность взять некую паузу, чтобы, освободившись от круговорота, неизбежного в городе, осмыслить происходящее вокруг, свое собственное бытие, свое будущее.

Как уже отмечалось в других главах, усадебному миру близок мир дачи, что в наибольшей степени актуально для конца XIX — начала XX в. Да, дача — это не родовое гнездо, часто что-то временное, менее устойчивое, чем усадьба, преходящее. Однако помещики и их наследники, представители дворянских родов не могли не внести в дачную жизнь многие черты усадебной культуры, усадебного образа жизни. И это сближение усадьбы и дачи мы можем проследить, обратившись к творчеству Зайцева.

На крымской даче (в начале прошлого столетия Крым был одним из наиболее популярных у дачников мест) происходит трагическая развязка отношений Алеши и Анны Львовны (роман «Дальний край»). Добравшись до Алупки, они снимают часть дачи, устройство которой весьма напоминает планировку скромной усадьбы, хотя и со своими особенностями, обусловленными южной природой и близостью моря, что придает особое очарование времяпрепровождению среди крымских ландшафтов:

> В палисаднике росли абрикосы. С балкона, в далекой мгле, обозначавшей море, они разглядели красный и зеленый огни: шел пароход[39].

И конечно, усадьбу и дачу сближает сад, воспринимаемый героями Зайцева — в полном соответствии с традицией — как рай земной. Сопричастность раю близка мироощущению Алеши и Анны Львовны того времени, ведь жизнь их имела характер «идиллически-романтический. Они занимались своей любовью и затем природой — солнцем, морем», то есть напоминали обитателей рая, райских садов:

[39] *Зайцев Б.К.* Дальний край. С. 487.

— Около Сочи есть сады, — говорит Анна Львовна. — Хочешь, можно наняться туда, помогать сторожам.

Отчасти это Алеше нравится, отчасти нет. Караулить рай земной! Занятие немного странное. Впрочем, можно только считаться сторожем, и ничего не делать[40].

Для полного ощущения библейского рая (Быт., 2) героям Зайцева необходимо уединение, отсутствие других людей, единение с природой. И они пешком отправляются в дальний путь, до Феодосии, будто преображаясь в Адама и Еву: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились» (Быт.: 2, 25) —

Иногда по ночам они вместе купались, не стесняясь костюмами; потом вместе лежали на песке, под бледным отсветом звезд. Их не смущала нагота[41].

Хотя далеки они были от обретения рая как своими прошлыми грехами, так и нынешней страстью, — будто глубинная память пробуждалась в них и влекла все дальше и дальше к неизведанному:

…целуя ее тело, слегка белевшее в сумраке, Алеша чувствовал, что поступает правильно. Во всплесках моря, трепете звезд, ветерке он чувствовал одобрение[42].

Наконец путники добираются до окрестностей Сочи, где живет Мария Львовна, незамужняя сестра Анны Львовны. И здесь жизнь, в чем-то схожая с райской, продлилась:

В ее маленьком домике, среди виноградников, дынь, арбузов, идиллическая жизнь продолжалась[43].

Алеша и тут ходит в одной только шляпе, вызывая удивление местных жителей. Но героям не суждено было долго находиться в

---

[40] *Зайцев Б.К.* Дальний край. С. 488.

[41] Там же. С. 489.

[42] Там же.

[43] Там же. С. 490.

таком идиллическом пространстве — во время дальнего заплыва Анна Львовна погибает.

Выше уже упоминалось чтение книг как одно из важных занятий, характерных для усадебной жизни. Без такого чтения, часто чтения вслух, невозможно представить себе усадебную культуру, общие встречи в гостиных. Эта важная часть усадебного времяпрепровождения разнообразно отразилась в прозе Зайцева.

Во многих усадьбах были библиотеки, часто весьма обширные, выписывались журналы и газеты. Круг чтения героев раскрывает их вкусы и увлечения. Прослеживаются различия в выборе книг для чтения как между представителями разных поколений, так и между теми, кого привлекают классические произведения или же современная Зайцеву и его героям модернистская литература. Девушки часто зачитываются в усадьбах романами, что показывает как сферу их интересов, так и следование усадебным традициям; читательницы надеются на воплощение уже известных им и вновь освежаемых благодаря чтению романтических сюжетов в реальной жизни.

Например, Лизавета в романе «Дальний край» любит, сидя в своей комнате, почитать роман. Петя, приехавший в усадьбу к Ольге Александровне, размышляет:

> Что они будут делать вечером? Ему хотелось бы читать ей вслух длинный, чистый роман в старомодном духе[44].

Усадебная жизнь во многом располагает к такому неспешному чтению, к некой старомодности самого бытия на лоне усадебных садов, вблизи от березовых рощ и будто зовущих окунуться в свои освежающие воды прудов. Если в городе чтение романов рассматривается как один из вариантов ничегонеделанья («Лизавета же откровенно ничего не делала. Большая, светлотелая, она часами могла валяться на диване, задрав длинные ноги и побалтывая ими, — и читала романы…» — «Дальний край»[45]), то чтение романов в усадьбе — один из существенных элементов загородной жизни.

У мужа Лизаветы Пети иной круг усадебного (как, впрочем, и городского) чтения и вызванных этим чтением размышлений:

---

[44] *Зайцев Б.К.* Дальний край. С. 413.

[45] Там же. С. 428.

…он много читал, гулял и думал. <…> Прав ли Кант или Соловьев в теории познания — этот вопрос отошел от сердца. Сердце его говорило, что он, Петр Ильич Лапин, еще недавно студентик Петя, будет стоять в рядах людей культуры и света и, насколько дано ему, — проводить в окружающее эти начала[46].

Круг чтения раскрывает интересы, пристрастия героев Зайцева, которые не чужды современной литературе. Например, Сандро, рассказывающий Элли о Гамсуне, или Воленька в «Юности», читающий Андрея Белого.

— Элли, Элли, ты Андрея Белого любишь?

Элли положила Воленьке обе руки на голову.

— Глеба, конечно, больше, но и его тоже. Он такой же полоумный, как и ты[47].

Чтение доставляет минуты успокоения умирающему Воленьке, вся жизнь которого была связана с современной литературой:

Воленька лежит огромный, худой. Когда чувствует себя получше, читает Владимира Соловьева, Белого[48].

Глеб (роман «Заря») читает в Людинове и Тургенева, повесть которого оставляет у него яркое впечатление:

…Глеб лежал на диване, читал Тургенева, «Первую любовь». Сердце у него билось. Кто-то держал его в своей руке, сжимая и разжимая — и все это был иной мир, волшебный, такой же мучительно-сладостный, как и музыка Софьи Эдуардовны[49].

Тургеневская «усадебная» повесть важна и для формирования мировосприятия Жени — героя рассказа «Заря» (1910) — произведения, действие которого происходит в типичной русской усадьбе:

---

[46] *Зайцев Б.К.* Дальний край. С. 577.

[47] *Зайцев Б.К.* Юность // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 408.

[48] Там же. С. 414.

[49] *Зайцев Б.К.* Заря // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 99.

…начало жизни проходило в деревне. Навсегда врезался двухэтажный белый дом на взгорье, почти среди села; дорога к церкви, усаженная ракитами; бело-розовая церковь с раздольным погостом, откуда видны луга, с разметавшейся «поповкой», — там жил причт. Наискось через улицу большой сад. Здесь уже слегка таинственно, и некоторое очарование представляли его дальние липовые аллеи, выходившие за село, в поле; глухие места, заросшие бурьяном и крапивой; маленький овражек, где валялись лошадиные кости и росли особенные, белые цветы[50].

И в этих усадебных декорациях происходит знакомство героя с тургеневским рассказом:

…пошел в комнату и взял Тургенева. Случайно открылась «Первая любовь». Он читал медленно, неохотно в начале, потом забыл хворость. <…> Жене казалось, что *он* влюблен в Зинаиду, что на оранжерее сидел он, и прыгнул, и Зинаида его поцеловала, и с кадетом он играл, и до боли видел он рубец от хлыста на ее руке. Этот удар вызывал такое страдание, что невидимого, неизвестного отца он готов был убить. Да, конечно, он прыгнул бы и с гораздо более высокой оранжереи, и у ног Зинаиды он умер бы с гордостью и радостью.

И со светлой тоской в сердце, с навертывающейся слезой бродил он в зеленом саду; весь этот день окрасился для него бледно-зеленоватым. А видение — Зинаида — осталось на всю жизнь. Это была первая великая радость искусства[51].

Н.А. Куделько верно отмечает, сопоставляя роман «Заря» с рассказом Тургенева:

---

[50] *Зайцев Б.К.* Заря. Рассказ // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 8 (доп.). С. 45.

[51] Там же. С. 65–66. О «Первой любви» Тургенева см. также: *Зайцев Б.К.* Книги, книги // Русская мысль. 1966. 24 февраля. Статья просмотрена во время работы автора в архиве университета Нантер (Париж, Франция) — командировка осуществлена при поддержке гранта РНФ «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (проект № 18-18-00129).

Важно в обоих произведениях совпадение фона, атмосферы: и у Тургенева, и у Зайцева усадьба, сад, лето, светлая зелень[52].

Отметим, что у Тургенева действие происходит не в загородной усадьбе, а на подмосковной даче, что отнюдь не исключает существенного влияния рассказа «Первая любовь» на формирование усадебных традиций русской словесности.

Уже процитированный исследователь пишет:

Сама сюжетная ситуация «Первой любви» в романе «Заря» повторяется: Софьей Эдуардовной увлечен отец Глеба. Но драмы нет, во-первых, потому, что о чувствах отца мальчик Глеб не подозревает, он догадывается о них, уже став взрослым. Во-вторых, чувств определенных нет, есть их «предвестие», как выражается Зайцев[53].

Отметим, что Тургенева, места, связанные с его биографией, Зайцев, родившийся и проживший несколько лет в Орле, прекрасно знал с раннего детства. Об этом свидетельствует, в частности, письмо писателя к Л.Н. Назаровой от 5 апреля 1962 г.:

…мой дядя, Николай, жил на Дворянской улице. Из окон его дома, помню, показывали мне через улицу дом Калитиных из «Дворян<ского> гнезда». Имя Тургенева я знал уже тогда, а «Первую любовь» прочел позже, лет 11-ти, уже в Людинове Калуж<ской> губ<ернии>, и, помню, чуть не полчаса бегал в восторге по аллеям сада — т<ак> ч<то> Тургенев с ранних лет пришел в мою жизнь, да и в доме нашем был его культ. У матери были старинные издания и «Дв<орянского> гн<езда>» и «Отцов и детей»[54].

---

[52] *Куделько Н.А.* Тургеневские традиции в автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (философия бытия) // Спасский вестник. 2000. № 7. № 6.

[53] Там же.

[54] Письма Б.К. Зайцева к Л.Н. Назаровой (1961–1971). 1994. № 4. С. 156.

Об этом же Зайцев напомнит и в письме от 17 мая 1962 г. тому же адресату[55], а полутора месяцами ранее, 5 апреля 1962 г., расскажет о том, что некоторое время назад посетил виллу Les Frênes, на которой жили когда-то Тургенев и Полина Виардо:

> …хотя знал, что туда посторонних не пускают, решил попробовать. <…> я свободно прошел по саду, видел дом, где жили Виардо, видел Châlet Тургенева — вроде флигеля, в швейцарском духе — и со старой, очень старой березы я сорвал листик. <…> хоть пустячок, конечно, но к «культу» Тургенева[56].

Нельзя не согласиться с коллегой, отметившим:

> Зайцеву близко «тургеневское», «некоторый эфир его души», который «пронизывает всё написанное им», остается для писателя XX века «очаровательным и вечным». <…> линия Зайцева в русской литературе восходит к Тургеневу...[57]

Были близки Зайцеву и другие произведения Тургенева — в письмах к Л.Н. Назаровой он упоминает «Записки охотника» («с этой кн<игой> жизнь прошла, с детских лет до старости. И какое все родное»[58]), «Новь» («чуть ли не самое несчастное его произведение»[59]) и др. 26 июня 1968 Зайцев констатировал:

> Писать так, как Тургенев, сейчас невозможно, но ощущать *дыхание* его, весь его склад лирический и духовный — более, чем можно[60].

---

[55] Письма Б.К. Зайцева к Л.Н. Назаровой (1961–1971). 1994. № 4. С. 158. С. 158.

[56] Там же. С. 156. «На конверте надпись: Этот листик сорвал я со старой березы в саду виллы, где жил Тургенев в Буживале. Эта береза Тургенева видела, конечно» (Там же).

[57] *Куделько Н.А.* Тургеневские традиции в автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (философия бытия).

[58] Письма Б.К. Зайцева к Л.Н. Назаровой (1961–1971). 1995. № 1. С. 228.

[59] Там же. С. 235.

[60] Там же. С. 240. З.Н. Гиппиус уже в раннем творчестве Зайцева, в его первой книге рассказов, усмотрела влияние Тургенева (*Антон Крайний* [З.Н. Гиппиус]. Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. С. 383).

Зайцеву принадлежат многочисленные статьи и заметки о творчестве Тургенева («О Тургеневе» (1918), «Столетие “Записок охотника”» (1952) и др.), а также уже упоминавшаяся художественная биография «Жизнь Тургенева»[61].

Еще один непременный атрибут усадебной жизни — получение и чтение корреспонденции. Газеты и письма — один из немногих источников оперативной информации о событиях, происходящих в России и мире, о жизни родных и знакомых. Чтение газеты «Русские ведомости» — одно из ежедневных занятий отца главного героя тетралогии «Путешествие Глеба». С детства, со времени жизни в Устах, привыкает к естественности такого времяпрепровождения и Глеб, также заглядывающий в газеты:

> …Глеб вечером достанет номер газеты, залежавшийся у отца на столе под сельскохозяйственными брошюрками. На первой странице огромными буквами наверху напечатано: «Русские Ведомости». Глеб читать уже умеет, и довольно давно. На заглавие это смотрит с почтением, ему нравится, как аккуратно, округло и будто выпукло напечатаны буквы. Газету в бандерольке привозят с почты, но что там написано, его не интересует[62].

Обычно такое чтение вызывает положительные эмоции. В период кризисов, войн, революционных потрясений обитатели усадеб ждут корреспонденцию с явным нетерпением. Так происходит, к примеру, в романе «Юность» (события разворачиваются во время Русско-японской войны) — у отца Глеба чтение газет рождает раздражение, впрочем, весьма быстро проходящее:

> В Прошине каждый день читал отец о войне в «Русских Ведомостях», надевая пенсне, под вечерней лампою в столовой, с каймой зеленою внизу по абажуру: чтобы не резало глаз. Прочитавши, вздыхал, складывал газету: «И куда их несет только? И куда,

---

[61] «Интересно, что к произведениям И.С. Тургенева, создавшего свой усадебный миф, Зайцев обращался в течение всей жизни и написал о нем около двадцати очерков, статей, заметок, создал беллетризованную биографию писателя» (*Михаленко Н.В.* Библейские аллюзии… С. 273). См. также: *Куделько Н.А. И.С.* Тургенев и русская литература XX в. (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков). Орел: ОГИИК, 2001.

[62] *Зайцев Б.К.* Заря // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 50.

и зачем? Сидели бы дома, да водку пили». Отец терпеть не мог войн, шума, беспорядка. Но вздохнув, принимался за пиво — до следующей газеты[63].

Интерес к корреспонденции передается и представителям младшего поколения, например, в романе «Дальний край», следуя неписаной традиции, в усадьбе «Петя просматривает газеты, потом идет гулять…»[64].

В период революционных событий 1917 г. чтение газет, получаемых в Галкине, вызывает негативные эмоции отца героини-повествователя (роман «Золотой узор»):

> Отец с неудовольствием читал теперь газеты. Но наступил день, когда и их не привезли. Быстро донеслось до нас: в Москве восстание[65].

Отсутствие газет, пусть и приносящих нервирующие, волнующие новости, — один из признаков крушения устоявшегося миропорядка. Тишина и неизвестность — страшное испытание, проникающие разными путями слухи лишь усиливают волнение и свидетельствуют о все большей трагичности происходящего.

Взвихренный революцией мир оказывается совершенно не тем, каким он представлялся читателям газет. Время газет уходит в прошлое:

> К характеру его не подходили революции. Всю жизнь считал он, что мир движется по «Русским ведомостям». А теперь было иное. Но мы все ведь думали по-привычному[66].

«Усадебный топос» организует кольцевую композицию тетралогии «Путешествие Глеба», которая начинается с описания жизни мальчика в усадьбе: «двухэтажный барский дом, каменный, с деревянной пристройкой», перед ним — небольшой сад, «скорее даже

---

[63] *Зайцев Б.К.* Юность // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 404.

[64] *Зайцев Б.К.* Дальний край // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. С. 496.

[65] *Зайцев Б.К.* Золотой узор // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 131–132.

[66] Там же. С. 132.

палисадник. Но в нем старые липы, в их тени стол, белая скатерть, самовар, стаканы, чашки»[67]. Эта сельская идиллия, напоминающая о детстве, о семье, о радостях беззаботного бытия в усадьбе, отголоском отражается в финале романа «Древо жизни» — Глеб с женой отправляются в Финляндию, на границу с Россией, где природа такая родная и близкая, а город, через который они проезжают, напоминает Петербург. В окрестностях пансиона, в котором останавливаются супруги, — дачи русских, живших здесь в дореволюционные годы, а теперь по большей части заброшенные, зияющие провалами окон. Но есть и живая дача, будто существующая еще по старым законам. Это некое заповедное пространство, сохраняющее в неприкосновенности русский дух и русскую культуру в обрамлении русских пейзажей. К тому же это совсем недалеко от границы с Россией, которая здесь же, за речкой, и в бинокль виден Кронштадт:

> По вечерам ходили наверх к Симе, в тихо сиявшую чистотой дачу, погружались в особый ее уют и приветливость[68].

Да и сам пансион, в котором обитают супруги, — осколок «русской Финляндии» — напоминает русскую усадьбу:

> …это большой дом с мезонином — просторный, с нехитрой обстановкой, но с тем духом прежней России, от которого отвыкли они в Париже[69].

В этом пансионе главные герои прощаются с дорогими и любимыми людьми, находящимися совсем недалеко — там, за речкой, навсегда прощаются с родиной, такой близкой, но недоступной, с теми местами, где им уже никогда не суждено побывать.

В ряде произведений Зайцева, в которых усадебная тема не становится центральной, а усадебные пространства не являются основным местом действия, актуализируются мотивы, связанные с усадьбой, с отдельными элементами усадебного мира, возникают переклички с сюжетами, характерными для «усадебных текстов». Приведем только два показательных примера.

---

[67] *Зайцев Б.К.* Заря // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 27.

[68] *Зайцев Б.К.* Древо жизни // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 578.

[69] Там же. С. 575.

Рассказ «Земля» (1902), посвященный двум мордвинам, отцу и сыну, несколько десятилетий спустя отразился в одной из глав романа «Юность». Мордвины «появились в имении случайно, вынырнув из каких-то глухих углов своей Мордовии»[70]. Работали на барина, и трудились хорошо, и ели немало — «как будто на родине постоянно голодали»[71]. Ушли они «так же неожиданно, как и появились»[72], будто растворились в полях ржи, льна и овса. Еще более мимолетным было их появление в усадьбе Прошино («Юность»), с которой только знакомились Глеб, главный герой произведения, и его отец. Два тощих типа обратили на себя внимание необычным видом:

> …длинные палки у них в руках, за спиною котомки. Запыленные лапти, спутанные бороденки, рубахи в заплатах. Нечто смиренно-покорное и усталое[73].

Останавливающиеся в усадьбе странствующие мордвины становятся для писателя одним из воплощений многоликой России:

> Глебу нравилось смотреть на мордвинов этих, мирно среди ржей шагавших, с ними будто сливавшихся. Милая Россия, тихая, смиренная! Он полузакрыл глаза. А может, они ржами и порождены? Вон шагают, и все дальше, ржи все загребают, все их поглощают. Из ржей вышли и во ржах потонут[74].

В рассказе «Север» (1903) путь рассказчика и его друга Семена, молодых художников, стремившихся покорить новые, неизведанные территории и запечатлеть увиденное, начинается в убогой усадебке «Сенина дяди — в одной из северных губерний, где жили почти каждое лето»[75]. Эти слова свидетельствуют о сословной принадлежности героев. Друзей сопровождает сбежавший из монастыря монах Федя. Впечатления, полученные от этого трудного,

---

[70] *Зайцев Б.К.* Земля // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 8 (доп.). С. 11.

[71] Там же.

[72] Там же.

[73] *Зайцев Б.К.* Юность // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. С. 389.

[74] Там же. С. 390.

[75] *Зайцев Б.К.* Север // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 8 (доп.). С. 102.

опасного, но духовно вдохновляющего путешествия, навсегда сохранились в памяти героев как одни из самых ярких:

> То, о чем мы мечтали тогда, в безлюдных пустынях севера, осталось в наших головах, а тупая и бездарная жизнь по-прежнему плетется трусцой, давя свободу и оригинальность[76].

Отметим, что это судьбоносное путешествие было осуществлено молодыми людьми, выросшими в усадебных ландшафтах, впитавшими в себя усадебную культуру; и задумано оно было именно в усадьбе, хотя и «убогой», как многие северные усадьбы, но при этом хранящей усадебные традиции.

Проведенный анализ показывает, что в прозе Зайцева многообразно отразились многие мотивы, характерные для «усадебного топоса». Усадьбы и их окрестности, гармонирующий с природным окружением мир сельской жизни часто становится местом действия произведений писателя. Пребывание в усадебных ландшафтах позволяет героям уйти от влияния города, жизнь в котором далека от идиллии, подвержена воздействию революционных событий, которые, впрочем, оказывают негативное влияние и на сельскую Россию. Первая мировая война и последовавшая за ней смена власти разрушают усадебный мир, утрачивается гармония (см., например, роман «Древо жизни»), однако память об этом традиционном для России мире остается на всю жизнь как с Борисом Константиновичем Зайцевым, так и с героями его произведений.

[76] *Зайцев Б.К.* Север. С. 110.

ГЛАВА 4

Усадебно-дачные контексты в повестях Б.К. Зайцева «Голубая звезда», «Анна» и в романе «Золотой узор»

Обратимся к трем произведениям Б.К. Зайцева, написанным с 1918 по 1929 г., когда писателю довелось испытать на себе и творчески осмыслить один из наиболее сложных периодов в истории России.

Отдельного рассмотрения требует повесть «Голубая звезда» (1918), завершающая доэмигрантский период творчества Зайцева, проникнутая философскими идеями Вл. Соловьева. В числе исследований об этом произведении упомянем работы Н.А. Куделько[1] и М.В. Ветровой[2].

Главный герой повести Алексей Петрович Христофоров принимает приглашение знакомых — Вернадских, Натальи Григорьевны и ее приемной дочери Машуры, пожить у них летом. Место отдыха — снятая на время усадьба, т. е. временное, подобное даче, жилище, расположенное на лоне природы. Оно интересно прежде всего тем, что эта имеющая длительную историю существования старинная усадьба — бывшая вотчина Годуновых под Звенигородом недалеко от Москвы-реки. Просторная усадьба кажется Машуре заброшенной, негостеприимной; нужно привыкнуть к ней, вдохнуть жизнь в интерьеры дома, освоить окрестные территории:

---

[1] *Куделько Н.А.* О типе романтика в повестях И.С. Тургенева «Яков Пасынков» и Б.К. Зайцева «Голубая звезда» // Спасский вестник. 2002. № 9. № 11.

[2] *Ветрова М.В.* Повесть Бориса Зайцева «Голубая звезда»: круг символистских идей и художественный опыт Достоевского // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2008. № 798. С. 215–219.

Огромный деревянный дом казался мрачным; мебели было мало. В зале с поскрипывавшим паркетом, за круглым столом они ужинали при свечах. Свежие редиски с маслом казались вкусны; на свечи летели ночные бабочки, в углах было полутемно. Заря из темно-красной переходила в холодноватую мглу. Будто жутко стало Машуре — нежилое, ветхое надо обогреть, прежде чем станет своим. Все же, поужинав, она спустилась в сад. Росла тут трава, кое-где цветы, какие кому вздумается. Такие же и дорожки: будто их никто и не делал, пролегли они, как Бог на душу положит. За садом канава в березах, а там луга. Машура вышла в них. <…> Новое место, новые луга, усадьба, неизвестные ели высятся там, правее[3].

Неизвестность настораживает, вселяет тревогу.

Ветхость, старомодность дома подчеркивает старинность усадьбы, глубину культурного пространства, которое формировалось и развивалось здесь на протяжении столетий. Это одна из знаковых усадеб в числе так называемых подмосковных — усадеб вблизи столичной Москвы, эти территории на протяжении длительного времени наиболее активно осваивались помещиками. Об этом напоминает в повести Христофоров:

— Времена Петра прошли тут незаметно <…>. Потом Екатерина, помещики. Этот край весь в подмосковных. Знаменитое Архангельское недалеко. И другие. Жизнь отвернула новую страницу, новый след. Может быть, и наш век проведет свою черту![4]

Нынешние обитатели старинной усадьбы могли бы придать ей новый вектор развития, внести что-то свое в ее жизнь, нечто современное в ее быт. Но сделать это вряд ли возможно — усадьба снимается на непродолжительное время, на несколько месяцев, используется как временное жилище, как дача. Однако, что важно для повествования, здесь соблюдаются старинные традиции гостеприимства. И Христофоров, живущий в Москве весьма скромно, занимает усадебный мезонин:

---

[3] *Зайцев Б.К.* Голубая звезда // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русская книга, 1999. С. 223–224.

[4] Там же. С. 233.

> В жизнь дома он вошел удобной частью; был незаметен, нешутлив, неутомляющ; гулял иногда с Машурой и Антоном. С Натальей Григорьевной мог поговорить о Шатобриане[5].

Новый жилец стал «удобной частью» жизни дома, человеком, гармонизирующим, дополняющим усадебное пространство. Русская усадьба, в том числе приспособленная для приема гостей и сдаваемая ее владельцами под дачу, может обеспечивать гармонию, которая формируется как архитектурным обликом, интерьерами, окультуренными природными объектами, так и самими жильцами. Гости создают усадебный мир, необходимый для разнообразного и насыщенного общения, для обедов с неспешными беседами, для совместных прогулок по усадебным паркам и окрестностям. Подмосковные усадьбы, расположенные недалеко от мест постоянного проживания героев, позволяют при необходимости прерывать усадебную жизнь и отправляться в Москву, возвращаться к насущным делам. Особенно удобно совершать такие поездки с использованием достижений цивилизации — автомобилей и поездов. Именно автомобилем, предложенным Анной Дмитриевной, пользуется Христофоров, чтобы уехать в Москву.

Арендованная дача, как и фамильная усадьба, передаваемая из поколения в поколение, может становиться местом уединения и размышлений о прожитом и будущем. Например, полторы недели в полном одиночестве проводит за городом Машура:

> Это время осталось в ее памяти как полоска жизни чистой, покойной и немного грустной. Можно было гулять одной ясными августовскими вечерами, когда овес смутно белеет и шуршит в сумерках, полынь горкнет на межах, и красноватый диск встает на лиловом горизонте. Казалось, что она свободна от всего и всех. Можно было мечтать об одинокой жизни среди полей, под звездами[6].

А для Христофорова, получившего назначение в южный город, проведенная в усадьбе Анны Дмитриевны весна следующего года становится судьбоносной. Здесь, на границе усадебного простран-

---

[5] *Зайцев Б.К.* Голубая звезда. С. 228.

[6] Там же. С. 248.

ства — «у межевой ямы, где кончалась земля Анны Дмитриевны»[7] — он ложится на землю и ощущает нечто необычное, будто перерождается:

> Закат гас. Вот разглядел уж он свою небесную водительницу, стоявшую невысоко, чуть сиявшую золотисто-голубоватым светом. Понемногу все небо наполнилось ее эфирной голубизной, сходящей на землю. Это была голубая Дева. Она наполняла собою мир, проникала дыханием стебелек зеленей, атомы воздуха. Была близка и бесконечна, видима и неуловима. В сердце своем соединяла все облики земных любвей, все прелести и печали, все мгновенное, летучее — и вечное. В ее божественном лице была всегдашняя надежда. И всегдашняя безнадежность[8].

Безмерную, обретающую вселенские масштабы голубизну дарует Христофорову звезда Вега, «героиня» ряда зайцевских произведений, которую больше других звезд ценила Машура, говорившая:

> …одна звезда... она называется Вега и светит голубоватым светом... ну, одним словом, что образ этой Веги есть образ женщины... в высшем смысле. И что, обратно, в некоторых женщинах есть отголосок ее света...[9]

Для не имевшего своего «гнезда» Христофорова, как и для Машуры, Вега становится символом вечной женственности, голубой звездой, завораживающей и очищающей. У героев Зайцева завязываются «дружественные» отношения со звездами. Подчеркнем, что перерождение Христофорова происходит в пограничной зоне, на границе усадебного пространства, он будто уходит из-под защиты усадебного мира с устоявшимися представлениями и традициями (напомним, что Анна Дмитриевна, у которой жил тогда Христофоров, воспринимала его как «не теперешнего, древнего человека»[10]) под покровительство голубой Девы. Он открыт новому, «внеусадебному» пространству.

---

[7] *Зайцев Б.К.* Голубая звезда. С. 315.

[8] Там же. С. 316.

[9] Там же. С. 308.

[10] Там же. С. 314.

«Усадебный топос» актуален и для романа «Золотой узор» (1923–1925) — одного из наиболее ранних произведений Зайцева периода эмиграции, над которым он начал работать сразу же после отъезда из советской России. В числе исследователей, уделивших особое внимание этому произведению, отметим Л.М. Аринину[11], И.Б. Ничипорова[12], О.Г. Князеву[13], Ю.М. Камильянову[14], А.В. Курочкину[15], М.Л. Вилесову[16]. В работах названных авторов основное внимание уделяется образу главной героини, которая обычно рассматривается в контексте христианской традиции. Так, О.Г. Князева анализирует ее духовное становление в русле христианской формулы «грехопадение — покаяние — очищение — обретение мира в душе»[17], однако усадебные контексты, безусловно, важные для развития сюжета и для поэтики этого романа, специально не разбирались.

Отметим, что живущий на окраине Москвы в особняке при заводе отец Натальи, главной героини романа, скучает по привычной для него усадебной жизни:

> …еще не старый, бодрый, жизнелюб великий — из помещичьей семьи. И скучал, на заводе своем сидючи. Любил деревню и охоту, лошадей, хозяйство, а завод, на самом деле, ведь унылейшая вещь [18].

---

[11] *Аринина Л.М.* Роман Б. Зайцева «Золотой узор» и его место в творческой биографии писателя // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева: Вторые Международные Зайцевские чтения: Сб. Калуга: Гриф, 2000. С. 72–76.

[12] *Ничипоров И.Б.* Личность и историческое время в романе Б. Зайцева «Золотой узор» // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Пятые Международные юбилейные научные чтения: Сб. ст. Вып. 5. Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2005. С. 31–39.

[13] *Князева О.Г.* Религиозно-философские основы художественного творчества Б.К. Зайцева: Автореферат дис. … канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2007. 24 с.

[14] *Камильянова Ю.М.* Сюжетные особенности романа Бориса Зайцева «Золотой узор» // Вестник ВЭГУ <Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. Уфа>. 2010. № 3 (47). С. 86–91.

[15] *Курочкина А.В.* Поэтика романа Б.К. Зайцева «Золотой узор» // Поэтика русской литературы XIX–XX веков: Сб. Уфа: Башкирский государственный университет, 2009. С. 68–83.

[16] *Вилесова М.Л.* Дионисийский код в изображении главной героини романа Б.К. Зайцева «Золотой узор»: К проблеме художественной антропологии // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 123–128.

[17] *Князева О.Г.* Религиозно-философские основы художественного творчества Б.К. Зайцева. С. 18.

[18] *Зайцев Б.К.* Золотой узор // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 16.

Наталья провела детство в усадьбе, где общалась с Маркушей — сыном отцовского приятеля, — за которого и вышла замуж. Для нее, как и для отца, близок и притягателен помещичий образ жизни. С мужем и сыном Андрюшей она отправляется в деревню:

> Наша жизнь в Галкине мало чем отличалась от обычного помещичьего бытия. Лень, обеспеченность и беззаботность[19].

О деревенском укладе жизни в Галкине свидетельствуют традиционные для усадьбы сельскохозяйственные работы, в которых принимает участие муж героини:

> Маркуша вспоминал все же свое народное происхождение: выходил косить, навивал возы с сеном. Был он силен, работал горячо[20].

На лоне природы, вблизи от усадьбы Архангельское происходит сближение Натальи с художником Александром Андреевичем, на даче которого она гостит некоторое время. Деревенская жизнь, природная гармония, непосредственность общения — все это способствует реализации романтических устремлений героев:

> Александр Андреич взял меня под ручку, мы куда-то шли, но сознавали ль, думали ль о чем — не знаю. Помню я какую-то копенку, запах сена, звезды, полоумие…[21].

После поездки с Александром Андреевичем по Европе Наталья возвращается домой, в свою семью, на родину, символом которой становится Галкино. Именно это место больше всего притягивало Наталью, ведь оно связано с памятью о счастливом времени, именно здесь она оставила сына.

Отметим перекличку сюжетов рассматриваемого романа и повести «Аграфена» (1907), героиня которой, простая девушка, после непростого периода жизни в городе возвращается в родную деревню, в которой растет у ее матери дочь. В романе же барыня после

---

[19] *Зайцев Б.К.* Золотой узор. С. 33.

[20] Там же.

[21] Там же. С. 53.

жизни за границей возвращается к своему отцу, воспитывающему брошенного ею сына. Это вариации широко распространенного сюжета о возвращении блудного сына. Для нашего же исследования важно, что дети — представители разных сословий — воспитываются в деревне. Деревенский уклад сберегает их нравственное здоровье.

Порой может показаться, что никакие перемены, идущие из города и обусловленные его агрессивным влиянием, не смогут изменить этот уклад. Ведь природа, естественная смена времен года, соблюдаемый календарь сельскохозяйственных работ — это то, что остается стабильным и потому особенно привлекательным для человека после пережитых волнений и испытаний.

Однако меняется и жизнь сельчан, события Первой мировой войны отражаются на существовании и крестьян, и помещиков[22]. Поэтому восприятие Натальей вновь обретенной через годы родины двойственное: ощущение стабильности природно-сельскохозяйственного ядра сочетается с тревогой из-за невзгод:

> Я глядела на знакомые поля. Знакомые крестцы овса стояли, вечные грачи, отблескивая крыльями, обклевывали что возможно, косо перелетывали в ветре. Ветер был прохладный, августовский. Небо в тяжких облаках, и их суровый бег, терпкая острота воздуха, шершавый облик деревушек — все имело вид нерадостный. «Да, это родина, и здесь война, здесь все всерьез»[23].

А за войной следует новое испытание — революция, отчуждение собственности, трагический слом судеб. «Помещицей я не была, к земле я равнодушна, но отец... уж стар, и за него мне неспокойно»[24], — искренне заявляет Наталья, отправляясь с сыном и мужем в Галкино к отцу и его молодой жене Любе. Здесь начинается обреченная на неудачу борьба за усадьбу, попытка сохранить

---

[22] Зайцева Первая мировая война застала в Притыкине Каширского уезда. Здесь он много писал, в частности начал работу над повестью «Голубая звезда» и приступил к прозаическому переводу «Ада» Данте. В Притыкине находилась библиотека, письма друзей и современников. Все это погибло после отъезда Зайцева с семьей за границу (см.: *Романенко А.* Земные странствия Бориса Зайцева // Зайцев Борис. Голубая звезда. Повести и рассказы. Из воспоминаний. М., 1989. С. 23).

[23] *Зайцев Б.К.* Золотой узор // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 84.

[24] Там же. С. 124.

хоть что-то, сберечь то, что создавалось годами. Усадьба в отличие от арендуемых дач находится в собственности, она «своя», ее надо защищать, спасать, искать компромисс с новой властью, а дача — чужая собственность, место, давшее приют на какой-то период, арендаторы всего лишь гости, обосновавшиеся на время в доме или в отдельных его комнатах, пользующиеся парком, гуляющие по окрестностям. В произведениях Зайцева, будь это рассматриваемый роман или тетралогия «Путешествие Глеба», утрата усадьбы становится трагическим событием прежде всего для старшего поколения владельцев. Для них усадьба — непременная часть бытия, не просто дающее кров здание, место проживания, а узловое для сохранения памяти поколений пространство. Здесь следуют заведенным обычаям, традициям, хранят память о предках, которые получили дворянство и были владельцами некоего имущества, помещики сберегали его, облагораживали усадебный комплекс и передавали его потомкам. Причем именно усадьба являлась наиболее значимой, «родообразующей» частью наследства. Усадьба — это свое «гнездо», в котором можно укрыться от невзгод, где выросли дети и растут теперь внуки.

Для молодого поколения, более мобильного, чем поколение отцов, — для таких как Наталья, жившая уже и во Франции, и в Италии, повидавшая мир, — усадьба тоже является крепостью, своего рода точкой отсчета, но молодые герои Зайцева меньше связаны с землей, меньше погружены в бытовую составляющую усадебной жизни. Можно сказать даже, что усадьба не входит в число их жизненных приоритетов, не она сформировала их образ жизни, она прежде всего — память о беззаботном детстве, о юности. Молодые герои с печалью, с чувством трагичности происходящего, но без ощущения надлома покидают усадьбу. Их тревога — не о доме, саде, парках, прудах, аллеях, а прежде всего об оставшихся там стариках, готовых до конца отстаивать свое право на усадьбу, эта борьба по сути становится для них борьбой за право на жизнь.

Напомним, что в романе «Древо жизни», последнем в тетралогии «Путешествие Глеба», Соня-Собачка приезжает к тете, матери Глеба, надеясь спасти усадьбу. Однако на открытый конфликт она не идет, понимая бессмысленность и, более того, опасность борьбы с новой властью. Она почти без боя отдает усадьбу и увозит ее владелицу к себе в Москву.

В кардинально меняющихся условиях усадебный мир обретает черты чего-то хрупкого и ускользающего. Если Первая мировая война подорвала жизнь деревни, превратив крестьян в отправившихся на гибель солдат, то революция обескровила второе корневое сословие России — дворян. Но может ли мир продержаться без их длившегося столетиями не всегда прочного, порой шаткого, но единства? Очевидно, что не может, мир рушится.

Вернемся к роману «Золотой узор», ко времени революции. Лето 1917 г. Наталья проводит «то в Галкине, то в Благовещенском»[25] — то с отцом и сыном, то в Москве, где в Николаевских казармах учится муж. Местом спасения в период трагических событий становится Галкино. Именно туда уезжает из революционного города Наталья с только начавшим выздоравливать от тяжелой болезни мужем:

> Я взяла его в деревню еще слабого и хилого. И знала ль, сидя в купе поезда, на *сколько* времени везу?

Со смертью отца галкинская усадьба, и так уже разграбленная, становится и вовсе мертвой, пустой. Лишь Анна пытается спасти имущество, однако традиционный порядок нарушен и потому сопротивление бессмысленно:

> Пустым и грустным показался без отца наш дом. Все в кабинете на местах, все мертвое и молчаливое. В пустынном садике пред окнами пустынно дозревало в небе яблочко на длинной ветке. И некому достать его снималкой, принести в корзиночке домой. Люба осунулась. За «добро» цепко держалась: резалась из-за бани — ее свез родственник председателя совета. Отбивала свой сарай трехсрубный. Один сруб увез солдат-фронтовик, сарай остался без стены. Смешно, нелепо был раскрыт он сбоку, чуть-чуть забран кольями. В доме завела библиотеку, чтоб удерживаться, как в окопах[26].

Впереди еще одна смерть — еще более трагичная и удручающая, невосполнимая, — смерть сына Андрюши. Мир рушится окончательно.

---

[25] *Зайцев Б.К.* Золотой узор. С. 131.

[26] Там же. С. 172.

Повесть Зайцева «Анна» (1929) посвящена трудовой жизни на хуторе Мартыновка Анны и приютивших ее хозяев — Матвея Мартыныча и Марты Гайлис, причем этот хутор многочисленными нитями связан с окружающими сельскими пространствами, в том числе усадебными. Да и сам хутор напоминает небогатую помещичью усадьбу («низенький дом, за ним сад. Несколько кур бродило у входа…»[27]), с тем лишь отличием, что его обитатели сами ведут хозяйство, зарабатывают на жизнь, выращивая на мясо свиней. Обитателям окрестных усадеб, привыкшим к жизни на широкую ногу, хутор кажется бедным:

> После дома в Серебряном окна казались маленькими и все убогим[28].

Гостьей усадьбы в селе Серебряном становится Анна. Эта усадьба недавно обрела нового владельца, соблюдающего усадебные традиции гостеприимства:

> Александр Андреич случайно получил наследство. Не он строил этот дом, не он разводил парк и сажал под балконом голубые ели. Все это свалилось ему с неба. Но нельзя сказать, чтобы он не пользовался полученным. Всегда в Серебряном были гости, шум, широкая жизнь[29].

Мартыновка, Серебряное, Машистово с окрестными деревнями и полями воспринимаются как единое пространство, которое связывает то «сухой заморозок», который «принес некое облегчение»[30], то белое «действо», «которое называется метелью»[31], то сюжетные линии. Обитателей усадеб и деревень связывают проселочные дороги и незаметные тропки. Это цельный мир, в котором все взаимосвязано: в Мартыновке выращивают свиней для продажи владельцам и гостям усадьбы в Серебряном, помещики из Серебряного приезжают в гости к Гайлисам на их хутор.

---

[27] *Зайцев Б.К.* Анна // Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 3. С. 347.

[28] Там же. С. 365.

[29] Там же. С. 357–358.

[30] Там же. С. 371.

[31] Там же. С. 380.

Вопреки трагическим событиям и сопровождавшемуся убийствами захвату имущества представителями советской власти зарождается и крепнет любовь главной героини повести к машистовскому помещику Аркадию Иванычу. Находясь на хуторе, занимаясь повседневными делами, она «легко направилась душой в Машистово»[32], в котором живет ее возлюбленный, ждущий развода. Его небогатая усадебка напоминала хутор, на котором она жила и откуда ушла теперь к заболевшему другу:

> Усадебка Аркадия Иваныча стояла на отлете. К ней вела неширокая дорога через верх этого же оврага. По ней надо было потом подыматься — дом расположен выше всей деревни, на юру. Фруктовый сад выдвигался прямо в поле, обсажен был нестарыми березами. Этот прямоугольник берез на бугре виднелся издали, точно легкий, стройный авангард некоторых главных сил.
>
> <…> Аркадий Иваныч жил в маленьком доме, часть земли — до революции — отдавал в аренду, другую кой-как сам обрабатывал[33].

Скончавшегося Аркадия Иваныча похоронили на кладбище в Серебряном — он будет покоиться в тех местах, где прошла его жизнь. Вскоре погибает и Анна. Как справедливо отмечают исследователи, в рассматриваемой повести «Зайцев подчеркивает нежизнеспособность женщины и ее любви в новой действительности, с которой героиня трагически не совпадает: слишком чувствительна, погружена в мир своих грез, внутренне далека от реальной жизни, лишена желания жить не мечтой, а земными проблемами»[34]. Погибают не только герои повести, разрушается и среда их обитания — и хутор, и усадьбы.

---

[32] *Зайцев Б.К.* Анна. С. 375.

[33] Там же. С. 378.

[34] *Вилесова М.Л., Хатямова М.А.* Антропологическая функция пространства в малой прозе Б.К. Зайцева 1920-х годов // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 56.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Миссия литературного музея и музея-усадьбы

Музей-усадьба — одна из наиболее распространенных моделей литературного музея, позволяющая сохранить не только историческое здание с мемориальной или воссозданной обстановкой, но и территорию, ландшафт, которые важны как для биографии, так и для творчества писателя. Специфика музея-усадьбы должна найти отражение в миссии, которая обусловлена самой сутью музея как учреждения и особенностями конкретной музеефицированной усадьбы, ее историей, уникальностью культурного и природного ландшафта, архитектурного комплекса, разнообразием коллекции, творческим и научным потенциалом коллектива музея и другими факторами.

В современной науке и практике миссия рассматривается как одно из ключевых понятий стратегического управления. Поскольку в настоящее время актуальность стратегического планирования деятельности учреждений культуры, в том числе музеев, не вызывает сомнений, ясно, что без определения миссии не обойтись.

Еще сравнительно недавно вопрос о миссии не входил в число тем, интересующих музееведов и работников музеев. Статьи о миссии музея нет ни в «Кратком словаре музейных терминов» (1974)[1], ни в сборнике «Терминологические проблемы музееведения» (1986)[2], ни в «Методических рекомендациях по использова-

[1] Краткий словарь музейных терминов: Проект / Министерство культуры РСФСР. Научно-исследовательский институт культуры. М.: [Б. и.], 1974. 51 с.

[2] Терминологические проблемы музееведения. [Музейные термины]: Сб. / Центральный музей революции СССР / Отв. ред. Т.Г. Шумная. М.: [Б. и.], 1986. 134 с.

нию музейной терминологии» (1987)[3], ни в «Российской музейной энциклопедии» (2001[4] и 2005[5]). Определение миссии имеется в изданном под грифом Государственного центрального музея современной истории России сборнике «Словарь музейных терминов» (2010). В нем под миссией понимается «общественное предназначение музея как социального института и конкретного учреждения культуры». Миссия музея как социального института состоит в том, чтобы «сохраняя, изучая и представляя обществу памятники истории и культуры: удовлетворять потребность людей в индивидуальном, групповом, национально-государственном и гражданском самосознании, в поддержании социальной памяти; служить социализации новых поколений; преодолевать тенденции дискоммуникации, социокультурной дезинтеграции; содействовать сознательному участию личности в общественной и духовной жизни, ее самореализации в творчестве и разнообразных социальных связях, способствовать таким образом воспроизводству, обновлению и развитию культуры общества». Миссия музея определяет, согласно «Словарю…», «его роль и место в социально-профессиональной жизни соответствующего сообщества, группы, поселения, региона, страны»[6].

В 2008 г. Е.Б. Медведева, приведя примеры миссии разных музеев, продемонстрировала, что определение миссии должно учитывать деятельность музея, направленную на взаимодействие с внешней средой, а также объяснять приоритеты организации сотрудникам. По ее мнению, «формулировка миссии означает ответ на вопросы: Для чего мы существуем? Во что мы верим? К чему мы стремимся? Какую работу мы проводим? Кто входит в круг

---

[3] Методические рекомендации по использованию музейной терминологии / Центральный музей МВД СССР. М.: [Б. и.], 1987. 45 с.

[4] Российская музейная энциклопедия: В 2 т. / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. Т. 1: А–М. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. 414 с.; Российская музейная энциклопедия: В 2 т. / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. Т. 2: Н–Я. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001.

[5] Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 2005. 846 с.

[6] Музейное дело. Проблемы теории, истории и методики музейной работы: Сб. Вып. 31: Словарь музейных терминов: Сб. науч. трудов / Отв. ред. С.А. Архангелов; Науч. ред. Т.Г. Шумная. 2-е изд. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2010. С. 97–98.

наиболее важных для нас заинтересованных лиц?»[7] В многочисленных программах комплексного развития музеев России, подготовленных ООО «Экокультура», имеются определения миссии конкретных музеев, сформулированные в диалоге с представителями музеев и отвечающие специфике каждого музейного учреждения[8].

Миссия во многом определяется общей стратегией развития учреждения. Поскольку приоритеты стратегического развития музеев значительно различаются, наблюдается и вариативность в формулировке миссии.

Стратегия и, соответственно, миссия может быть ориентирована на сохранение существующего состояния и выполнение функциональных задач музея: хранение, презентация, изучение, представление наследия, мемориальных объектов, предметов, памятников; для музея-заповедника и музея-усадьбы — также историко-культурных и (или) природных ландшафтов. Такая ситуация характерна для тех организаций, которым важно продолжить функционирование в качестве музея, сохранить свои достижения, территории, объекты показа. Это крайне важно для музеефицированных усадебных комплексов, гармонично сочетающих в себе архитектурные памятники, исторические сады и парки, мемориальные или восстановленные на основе типологических предметов интерьеры.

Если музей ориентирован на развитие, расширение своего влияния на целевую аудиторию, включение в нее новых социальных групп, активное внедрение в музейную практику новых направлений деятельности, то в формулировку миссии включаются соответствующие ключевые слова и фразы: мемориализация объектов, развитие сотрудничества, взаимодействие, диалог с обществом, местным населением и др. Такой вариант позволяет литературному музею-усадьбе и музею-заповеднику не только сохранять накопленный потенциал, но и динамично развиваться. Благодаря современным методам работы могут быть восстановлены неко-

[7] *Медведева Е.Б.* Маркетинг — новая стратегия в работе с аудиторией // Нижегородский музей. 2008. № 15. С. 139.

[8] См., напр.: *Зайцева Г.А.* Особенности российской методологии перспективного планирования деятельности музеев на примере Концепции развития ГМИИ им. А.С. Пушкина // Справочник руководителя учреждения культуры. 2011. № 12. С. 74–78.

торые бытовые реалии и исторические процессы (изготовление традиционных изделий из шерсти, глины и других материалов, приготовление традиционных блюд, театрализация с реконструкцией различных обрядов). Все это позволяет хотя бы частично восстановить и показать посетителям культурную составляющую усадебной жизни. Такая усадьба становится привлекательным для гостей живым организмом, не только музеефицирующим уникальные архитектурные ансамбли и культурные ландшафты, но и дающим представление о повседневной жизни обитателей усадьбы. В таких случаях можно говорить о возрождении в современных условиях русской усадьбы как культурного центра.

Наконец, музей, формулируя свою миссию, может заявлять об амбициозных планах стать крупнейшим / наиболее востребованным / технически оснащенным / успешным / посещаемым в своем регионе / среди музеев своего профиля. Конечно, миссия должна ориентироваться на существующее положение дел и учитывать цели, которые можно достичь в обозримом будущем. Если миссия не будет стыковаться с реальными вопросами текущего функционирования, перспективного планирования и развития, она окажется пустым хвастовством. Литературные музеи-усадьбы и музеи-заповедники на протяжении длительного времени являются достаточно востребованными учреждениями культуры, поэтому с полным правом могут претендовать на роль флагманов музейного дела в своем регионе. Некоторые из них уже сейчас являются в ряде регионов наиболее посещаемыми и привлекательными для туристов.

Миссия учитывает как тренды развития музейного дела в целом, так и планы функционирования данного музея. Она формулируется с учетом понимания музеем своей значимости, с опорой на главные, фокусные события его истории, представления о коллекции, ее ценности и уникальности. Миссия связана как с целями и задачами музея, существующими и планируемыми направлениями его деятельности, так и с его взаимодействием с местным сообществом[9], властями разного уровня, бизнес-структурами, спонсорами, туристическими и общественными организациями, учреждениями

[9] См. об этом подробнее: *Зиновьева Ю.В., Мацкевич Ю.Ю.* Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 83–92.

образования. Содержание миссии соотносится с брендированием, т. е. с целенаправленной работой по развитию привлекательности музея.

Традиционно в формулировке миссии находят отражение следующие компоненты:

- указание на уставные функции музейного учреждения: пополнение коллекций, сохранение / консервация / реставрация / восстановление, представление / презентация / популяризация, изучение / исследование музейных предметов и коллекций;
- указание на основные направления деятельности музея: научно-фондовая, экспозиционно-выставочная, образовательная, культурно-просветительская, научно-исследовательская, издательская, информационная, туристическая и др.;
- намерение развивать музей, упрочить его влияние в профессиональной среде: превратить его (в дополнение к имеющимся функциям) в музейно-выставочный / досуговый / музейно-туристский / рекреационный / образовательный центр международного / федерального / межрегионального / регионального / межпоселенческого значения / уровня, создать / упрочить / расширить сеть филиалов, стать методическим / научно-методическим центром для музеев региона / соответствующего профиля;
- намерение расширить свое влияние на общество, привлекать посетителей путем: создания новых экспозиций, музейно-туристской инфраструктуры, внедрения в музейную практику современных мультимедийных технологий, развития зоны приема посетителей с сувенирными магазинами, точками общественного питания, обеспечения доступности для лиц с ограниченными физическими возможностями.

Миссия музея — это не нечто раз и навсегда определенное, а понятие динамичное, связанное с двумя основными факторами: с одной стороны, с сущностью самого музея, его собранием, предметом музеефикации, с другой стороны, с его позиционированием вовне, с теми задачами, которые стоят перед музеем как учреждением, ориентированным на диалог с внешней средой. Если первый фактор достаточно стабилен и обусловлен наличием мемориальных объектов, музейных зданий, коллекций, историко-культурных ландшафтов, историей развития музея и сложившимися традициями, то второй фактор более подвижен, связан с развитием различ-

ных направлений музейной деятельности, формируется с учетом изменения ожиданий целевой музейной аудитории, с позитивными и негативными факторами, воздействующими как на музейное сообщество, так и на социум в целом.

Литературные музеи как одна из широко распространенных в России профильных групп музейных учреждений имеют свои особенности. При этом литературный музей может быть музеем-заповедником, мемориальным музеем / квартирой / домом / усадьбой, включать разные объекты — как мемориальные, так и типологические, соотнесенные с мемориальным периодом, а также здания, специально возведенные или переоборудованные для нужд музея из построек, не представляющих исторической и мемориальной ценности. Все эти факторы учитываются при определении миссии.

Поскольку каждый литературный музей специфичен, опирается на свою уникальную коллекцию, имеет собственную историю и бренд (пусть и не сформулированный вербально), специфичной будет и его миссия. Конечно, здесь проявляются общие черты, связанные с ориентацией музея на мемориализацию и сохранение памяти о людях, оказавших существенное влияние на развитие литературы, на представление литературных героев либо литературного процесса определенного периода. Показательна в этом отношении электронная презентация «Предварительные предложения к разработке концепции развития Государственного литературного музея» Д.П. Бака (2013)[10], в которой миссия музея напрямую соотносится с современными вызовами (внутренними и внешними) и принципами работы музея. Миссия ГЛМ (ныне — Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля) формулируется как ответ на стоящие перед организацией вызовы и направлена на решение наиболее острых проблем развития, на получение музеем более высокого статуса, укрепление его влияния в музейной среде, обеспечение участия в текущем литературном процессе, модернизацию деятельности, направленной на работу с посетителями.

Миссия другого литературного музея, лидера музейного дела Рязанской области, — Государственного музея-заповедника С.А. Есенина — заключается «в сохранении и презентации уникального комплекса памятников, связанных с именем С.А. Есе-

[10] Электронный документ хранится в архиве автора монографии.

нина, в их неповторимом культурном ландшафте, исторической и природной среде и мемориализации объектов историко-культурного наследия села Константинова и его окрестностей, а также других памятных есенинских мест Рязанской области»[11].

Можно привести и другие примеры миссии отечественных литературных музеев, однако сейчас остановимся на миссии литературных музеев как профильной группы, а также сформулируем миссию литературных музеев-усадеб. При специфике каждого музея у группы литературных музеев немало общего. Исторически Россия развивалась как литературоцентричное пространство. На протяжении нескольких столетий писатели не только являлись участниками литературного процесса, но и оказывали существенное влияние на определение задач, стоящих перед обществом, а также на понимание миссии и функций государства как социального института. Литература традиционно оказывала серьезное, а порой и определяющее влияние на развитие духовности, формирование нравственных идеалов. К слову писателей прислушивались, мысли митрополита Иллариона, М.В. Ломоносова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.И. Белова, А.И. Солженицына о том, «как нам обустроить Россию», находят широкий отклик. Для нашей культуры важны ключевые участники литературного процесса разных периодов и литературные герои, многие из которых уже давно существуют независимо от создавших их авторов. Поэтому в России немало мемориальных, множество общественных, частных, школьных, вузовских, библиотечных музеев, часто не имеющих официального статуса, но востребованных местными сообществами, поддерживающими их деятельность. И при этом наблюдается практически полное отсутствие музеев, отражающих литературный процесс, масштабно представляющих отдельные эпохи, периоды развития литературы. Впрочем, это касается не только музейной деятельности: в научной среде в значительном количестве издаются монографии и коллективные сборники, посвященные отдельным персонажам истории литературы и даже отдельным произведениям. И крайне редко появляются достойные внимания кни-

[11] Стратегия развития ГАУК «Государственный музей-заповедник С.А. Есенина» на 2014–2025 годы. Константиново, 2013. С. 9. Электронный ресурс: http://www.museum-esenin.ru/docs/ctrategiya-razvitiya-gmz-2014-2025.pdf. Дата обращения: 10.04.2020 г.

ги, авторы которых фокусируют свое внимание на характеристике целой эпохи, литературного направления, представляют широкое полотно литературной и культурной жизни.

Непростую и при этом крайне важную задачу представить все многообразие литературных музеев решает в настоящее время Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, готовя к изданию «Энциклопедию литературных музеев России». Несколько лет назад изданы методические рекомендации, в которые включен словник энциклопедии, занимающий более 150 страниц, в нем представлено более 1200 музеев, в том числе около 40 музеев-усадеб, которых чуть больше 3 % от общего числа литературных музеев. Такой низкий процент литературных музеев-усадеб объясняется тем, что в общий перечень включены как официально зарегистрированные литературные музеи, так и музеи, работающие в школах, библиотеках, на основе частных собраний коллекционеров, краеведов и любителей литературы[12].

Исторически сложилось так, что далеко не все предметы, связанные с развитием литературы, жизнью и творчеством писателей, хранятся в музеях. Значительные собрания (в том числе прижизненные издания, дарственные надписи, автографы, авторизованные машинописи, личные вещи, живописные и графические портреты, иллюстрации к произведениям и др.) находятся в архивах, библиотеках, научно-исследовательских институтах. Такое положение вещей диктует необходимость установления музеями тесных партнерских отношений с названными организациями, а также с коллекционерами. Совместные выставки, исследования, научные симпозиумы и другие яркие проекты способствуют росту внимания к музеям, упрочению их авторитета. Открытость музеев, способность к диалогу с имеющимися и потенциальными партнерами, с широкой общественностью (обсуждение любых, даже острых вопросов, в блогах, социальных сетях), постоянное взаимодействие со СМИ — одно из требований времени. Стремление к активной деятельности, направленной вовне, отражается в миссии литературных музеев.

Залог успешности «внешней» деятельности — внутренняя устроенность, гармоничное общение опытных сотрудников и мо-

[12] Энциклопедия «Литературные музеи России»: Методические материалы / Сост. Е.А. Воронцова; Отв. ред. Д.П. Бак. М.: Издательство «Литературный музей», 2016. С. 49–199.

лодых креативных личностей, сохранение традиционных форм работы, обеспечивающих выполнение музеем его основных функций, и реализация ярких, необычных по форме и содержанию проектов. Коллективы литературных музеев — это один из важнейших ресурсов их развития. Ситуация с кадрами, которым и предстоит реализовать миссию, должна учитываться при ее формулировке.

Миссия литературных музеев состоит в поддержании литературоцентричности России, которая катастрофически утрачивается, в возрождении интереса к чтению художественной литературы как средства приобщения к культуре и истории, сохранения нравственного здоровья общества[13]. Литературные музеи — один из факторов развития регионов, актуально формирование на базе литературных музеев, прежде всего музеев-заповедников и музеев-усадеб, музейно-туристских комплексов, туристических маршрутов, культурно-досуговых центров, ориентированных на поддержание интереса к классической литературе, на знакомство с литературными новинками, на проведение встреч с участниками текущего литературного процесса.

Сеть литературных музеев опоясывает многие российские регионы. Однако наблюдается исторически обусловленная (прежде всего местами рождения и жизни писателей) диспропорция в их размещении по стране. Подавляющее большинство музеев сосредоточено в европейской части. В связи с этим актуальной для отечественной культуры задачей является формирование на основе сети литературных музеев единого культурного пространства, которое объединит разные регионы. Данное направление деятельности может развиваться, в частности, путем организации масштабных выставочных проектов. Это могут быть как создаваемые с широким применением современных технологий мультимедийные выставки, дающие представление об истории русской и других литератур народов Российской Федерации, о современном литературном процессе, так и традиционные выставки с представлением уникальных предметов и коллекций из музейных собраний. Презентация коллекций, связанных с жизнью и творчеством писателей, в ряде регионов может стать существенным фактором, способствующим развитию культурно-познавательного туризма. Реализации таких проектов содействует тесная кооперация музе-

[13] См. также: *Скороходов М.В.* В поисках миссии // Музей. 2015. № 12. С. 15–16.

ев, объединившихся в Ассоциацию литературных музеев России, созданную на базе Союза музеев России на правах его секции.

Миссия литературного музея-усадьбы включает в себя основные положения миссии литературного музея и при этом в дополнение к ней отмечает ориентацию на сохранение и презентацию музейными средствами исторически сформировавшегося на территории усадьбы культурного пространства в его целостности, архитектурных памятников и интерьеров, традиционных для усадебной жизни процессов. Музеефицированная литературная усадьба благодаря наличию имеющей культурное и мемориальное значение территории имеет ряд конкурентных преимуществ перед другими литературными музеями. С развитием городских агломераций музеи-усадьбы и их окрестности со средствами размещения и точками общественного питания укрепляют исторически существовавшую рекреационную функцию, становясь центрами притяжения для многочисленных гостей. Отметим, что традиция гостеприимства также является традиционной для русской усадьбы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Историко-культурное пространство и формирование имиджа территории

В настоящее время, как уже было отмечено выше, довольно широко распространено понятие *культурный ландшафт*[1]. Это в значительной степени обусловлено тем обстоятельством, что Конвенцией о Всемирном наследии «культурные ландшафты выделены в самостоятельную группу и отнесены к культурному наследию, <...> при этом зафиксировано, что они представляют собой совместные произведения человека и природы»[2]. Действительно, с точки зрения сохранения культурного и природного наследия применение этого термина весьма продуктивно. Хотя о культурном ландшафте сейчас часто пишут философы,

[1] *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14; Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.; *Скуднева М.В.* Культурный ландшафт исторического города Сибири. Дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2005. 197 с.; *Воробьева Е.А.* Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры (на примере этнической картины мира эвенков Восточного Забайкалья). Дис. ... канд. филос. наук. Чита: Читинский государственный университет, 2007. 152 с.; *Белокуров А.А.* Традиционный культурный ландшафт: структура, факторы формирования и развития. Дис. ... канд. филос. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. 150 с.; *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70; *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.

[2] *Кулешова М.Е.* Соловецкий архипелаг как монастырский культурный ландшафт и объект Всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 4. С. 95. См. также: *Галкова О.В.* Культурный ландшафт как часть всемирного наследия (по документам ЮНЕСКО) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4. С. 156–159.

культурологи, специалисты по развитию туризма[3], изначально термин *ландшафт* принадлежал географической науке. Когда же речь идет о культуре во всем многообразии ее проявлений, о наличии памятников культуры разных эпох на одной исторически сформировавшейся территории, можно говорить об историко-культурном пространстве. Это пространство, динамично меняющееся с течением времени, не обязательно является, как собственно ландшафт в его исконном понимании, целостным природно-территориальным комплексом. Историко-культурное пространство может иметь в восприятии разных людей отличающиеся друг от друга координаты, по-разному ощущаться в зависимости от полноты знакомства с культурным, историческим и природным наследием данной территории, от степени погружения в историческую среду. Н.П. Анциферов, еще в 1920-е гг. писавший об историко-культурных ландшафтах, справедливо отмечал:

> …и вне стен музеев, не только под крышами архивных помещений сохранены следы прошлого. Они рассеяны всюду. Нужно выйти из закрытых помещений под открытое небо, и на местах, где осело богатое историческое прошлое, можно найти обильные его

[3] См., например: *Нарышкина Е.А.* Преемственная связь усадебной и дачной культуры в контексте культурологических категорий // Научное мнение. 2014. № 1. С. 129–137; *Проскурина Н.В., Куликов А.А.* Усадьба «Семидубравное» как объект экологического туризма Воронежской области // Экология: рациональное природопользование и безопасность жизнедеятельности. Сб. Часть 2. Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2017. С. 151–153; *Сгибнева О.И.* Традиции усадебной культуры в социокультурном пространстве России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (17). С. 37—41; *Тихонова Л.И., Никитина Л.Э.* Дворянские усадьбы на территории Рязанской области как ресурс для развития культурно-познавательного туризма // Современные тенденции и перспективы развития индустрии туризма и гостеприимства в Рязанской области. Сб. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. 2016. С. 26–35; *Фирсова О.Г., Шульгина Д.П.* Помещичьи инструкции как источник изучения повседневной жизни дворянской усадьбы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (30). С. 35–45; *Хизбуллина Р.З., Калимуллина Г.С., Бакиева Э.В., Воробьева О.В.* Дворянские усадьбы как объект природно-культурного наследия и средство развития экологического и эстетического воспитания // Перспективы науки и образования. 2018. № 3 (33). С. 15–21.

следы, разнообразные документы, еще не изъятые из их естественной среды, хотя быть может совершенно изменившейся[4].

Свидетельства исторического прошлого, о которых пишет ученый, как сохранившиеся в месте своего возникновения и бытования, так и рассеянные по другим пространствам (в том числе музейным), при целостном восприятии историко-культурного пространства неотделимы от него. Благодаря наличию артефактов происходит наслоение и взаимодействие разновременно происходивших на данном пространстве событий. Историческое прошлое и настоящее приходят во взаимодействие, оказывая влияние на находящегося в историко-культурном пространстве человека, побуждая его размышлять и анализировать процессы политического, культурного, социального развития. Анциферов подчеркивал:

Памятники прошлого, возникшие в условиях своего времени и своего места, после того как волны иных времен пронеслись над ними, как бы сильнее срастаются со своим местом, врастают в родную, вековую почву[5].

Восприятие историко-культурного пространства — это индивидуальное постижение прошлого, неслучайно краевед-исследователь говорит о «старой психологической потребности» посещать те местности, где «совершались великие события»:

В старину эти посещения имели значение паломничеств. Люди ходили поклоняться религиозным и национальным святыням. Сознание, что памятное событие было здесь, на этой земле, приобретало магическую власть над благочестивыми паломниками. Словно место, ознаменованное великим событием, таит в себе способность побеждать время[6].

---

[4] *Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. Периодический орган Центрального бюро краеведения. 1928. № 6. С. 322.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 323.

Однако ландшафт, в том числе ландшафт русской усадьбы, изменчив, вариативен во времени. Его можно с относительной полнотой воссоздать на конкретном участке на определенный временной отрезок, но при этом «восстановлении» будут разрушены некоторые специфические особенности ландшафта, сформировавшиеся в более поздние годы. Так, Бородинское поле знаменито прежде всего двумя важными сражениями — Бородинской битвой Отечественной войны 1812 г. и боями, проходившими здесь в период Великой Отечественной войны — в октябре 1941 г. За период протяженностью почти 130 лет, отделяющих одну битву от другой, ландшафт изменился, хотя русла водотоков и дорожно-тропиночная сеть, границы поселений остались практически теми же. Однако менялась лесистость, оборонительные укрепления возводились в XX в. с учетом изменившейся технической оснащенности противоборствующих сторон. Осенью 1941 г. на Бородинском поле и в его окрестностях появились военно-инженерные объекты Можайской линии обороны: противотанковые рвы, доты, окопы для пехоты и артиллерии.

Полностью воссоздать на местности обстановку осени 1941 г., не нарушив реализованную концепцию развития Бородинского военно-исторического музея-заповедника, посвященного главным образом событиям 1812 г., невозможно. Однако историко-культурное пространство на период битвы за Москву можно реконструировать, например картографически. И действительно, сотрудники отдела картографии и геоинформационных систем Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева при поддержке специалистов музея-заповедника разработали и издали карту «Бородинское поле в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». При подготовке этой карты учтены как рассекреченные документы Министерства обороны Российской Федерации (рукописные рекогносцировочные схемы батальонных районов 36 Можайского укрепрайона, проходивших через территорию Бородинского поля), так и архивные фотоматериалы крупномасштабной немецкой аэросъемки, выполненной с августа 1941 по февраль 1943 г.

На одной карте, а также в мультимедийных продуктах с помощью современных технических средств, включая 3D-моделирование, можно совместить разновременно происходившие события.

Имеется и возможность показать процессы в динамике: возведение укреплений, фрагменты боя, изменение с течением времени культурных ландшафтов и др. Таким образом пространство насыщается событиями, рассматривается диахронически, предстает в историко-культурном контексте разных эпох.

Подобный опыт крайне актуален и при восстановлении в диахроническом аспекте истории литературных усадеб — мест, связанных с жизнью и творчеством русских писателей. Так, например, известно, что Л.Н. Толстой, родившийся в 1828 г., провел детство в главном доме усадьбы Ясная Поляна, однако позже, в 1854 г., большой господский дом за долги был продан самим писателем в соседнее поместье. В настоящее время восстановление этой постройки, значимой для биографии и творчества писателя, не планируется, однако на картах и в различного рода мультимедийных материалах он может быть представлен как важный компонент усадебного комплекса.

Для сохранения историко-культурных пространств в нашей стране были созданы территориальные объекты — музеи-заповедники и музеи-усадьбы. В течение длительного времени эти учреждения культуры находились в законодательном вакууме — они не упоминались в законах о культуре, музейной деятельности и сохранении культурного наследия. Лишь 8 марта 2011 г. вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 23 февраля 2011 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”», и в отечественном законодательстве появилось определение музея-заповедника — музея, которому предоставлены земельные участки с расположенными на них достопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам, или ансамблями. Были отмечены и другие отличительные черты музея-заповедника. Это было значимое событие в культурной жизни России, способствовавшее, в числе прочего, сохранению и развитию литературных усадеб, активизации культурного туризма на базе литературных музеев писателей.

В конце 2012 г. началась разработка важного стратегического документа, касающегося функционирования отечественных музеев, — «Концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации до 2020 года». К сожалению, этот документ не был принят,

хотя и обсуждался на Коллегии Министерства культуры Российской Федерации 7 марта 2013 г., которая поручила доработать концепцию. В проекте концепции значительное внимание уделялось музеям-заповедникам и другим пространственным объектам, основной задачей которых является сохранение и популяризация отечественного культурного наследия, в т. ч. русской усадьбы. В проекте документа в числе государственных приоритетов развития музейной сферы отмечалась необходимость создания и укрепления сети федеральных, региональных и муниципальных музеев-заповедников в субъектах Российской Федерации; организации и учреждения достопримечательных мест и историко-культурных заповедников как необходимого резерва комплексных объектов наследия с целью их последующей музеефикации. Сеть территорий, включающая достопримечательные места, историко-культурные заповедники и музеи-заповедники, по мнению разработчиков документа, призвана обеспечить надлежащую охрану и рациональное использование историко-культурных ресурсов, а также стать основой культурно-познавательного туризма и социально-экономического развития малых и средних исторических городов, сельских поселений. Это направление развития музейной сети представляется актуальным в рамках реализации мероприятий «Государственной стратегии формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации». Площадь историко-культурных территорий, составляющая сейчас около 0,3% общей площади Российской Федерации, со временем может быть увеличена до 3%. Это позволит сохранить многие территориальные историко-культурные объекты, зарезервировать их для последующего развития музеев-заповедников, в том числе музеев-заповедников кластерного типа, объединяющих участки, расположенные на некотором удалении друг от друга. Отметим, что подобная практика широко применяется при развитии природных заповедников и других особо охраняемых природных территорий.

В качестве примера можно привести проект развития литературного кластера в Государственном музее-заповеднике «Зарайский кремль». В рамках выполненного при поддержке РФФИ исследования «Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество» были обнаружены документы, уточняющие состав и место расположения усадьбы, приобретенной в

1831 г. родителями Ф.М. Достоевского. Это место уникально тем, что летние месяцы 1832–1836 гг., проведенные здесь Достоевским, нашли непосредственное отражение в его творчестве — в произведениях «Мужик Марей», «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы» и др. Нынешний музей, располагающийся в возведенной уже после смерти писателя постройке, принимает посетителей, однако места для размещения стационарной экспозиции, для организации работы с гостями музея недостаточно. На территории бывшей усадьбы ежегодно проходят экологический фестиваль «Птичьи трели» и фольклорно-этнографический фестиваль «Липец в Даровом». Частично сохранившийся мемориальный культурный ландшафт конца XVIII — первой половины XIX в. делает это пространство уникальным объектом на территории Московской области, имеющим потенциал для дальнейшего развития в качестве культурного и литературного кластера, связанного с жизнью и творчеством Достоевского. Объектами показа являются липы и дубы, росшие здесь во время жизни будущего писателя, «Маменькин пруд», «Федина роща», частично сохранившийся и возрождаемый сад, Нечаевский погост, въездная аллея, место встречи с мужиком Мареем и др. В 1993 г. на усадебной территории установлен памятник Достоевскому работы скульптора Ю.Ф. Иванова.

Культурно-ландшафтное районирование территории России позволит разрабатывать проекты формирования региональных сетей новых музеев-заповедников. Перспективно формирование музеев-заповедников как градообразующих культурных и образовательных центров с развитой музейно-туристской инфраструктурой. Музеи-заповедники могут сыграть важную роль в культурном развитии российской провинции. Многие крупные и востребованные посетителями музеи-заповедники уже стали культурно-образовательными центрами, привлекающими внимание местных жителей, отечественных и зарубежных туристов. Достаточно назвать музеи-заповедники «Ясная Поляна», «Спасское-Лутовиново», «Тарханы», «Михайловское», есенинское Константиново. Также перспективно развитие музеев-заповедников в качестве методических центров историко-культурного дела, создание на их базе музейно-туристских комплексов — основы развития культурно-познавательного, в т. ч. литературного, туризма в регионах.

На обширных пространствах музеев-заповедников возможно возрождение и демонстрация туристам традиционных видов хозяйствования — исторических технологий и исторически сложившихся форм природопользования: народных художественных промыслов, традиций садового, оранжерейного, прудового хозяйства, коневодства, иных форм производственной деятельности. Так, например, историко-культурный музей-заповедник Республики Удмуртия «Иднакар» включает в себя одноименное городище — территорию на горе Солдырь, заселенную в IX–XIII вв. Благодаря многолетним археологическим раскопкам получена достаточно подробная информация о существовавшем здесь поселении, его планировочной структуре, занятиях жителей. Соответственно, есть возможность воссоздания в рамках реализации музейных проектов исторически традиционных для данной территории форм хозяйственной деятельности. Туристы и другие посетители музеев любят приобретать продукцию с местной символикой, изготовленную с использованием исторически сложившихся технологий. И такое внимание посетителей неслучайно, оно свидетельствует о том, что для них актуально приобщение к историко-культурным пространствам, в том числе путем приобретения сувенирных изделий, на которых изображены культурные ландшафты или их фрагменты. Производство и реализация в музеях-заповедниках сувенирной продукции направлены на получение дополнительных источников финансирования и продвижение музея во внешней среде.

Проект «Концепции музейной деятельности...» предполагал уделить приоритетное внимание тем типам музеев-заповедников, которые в настоящее время крайне немногочисленны: этнографическим, сохраняющим промышленное наследие, фрагменты исторических путей и дорог, связанным с местами воинской славы, археологическим; на базе усадебных комплексов, а также музеям-заповедникам, в основе которых лежат исторические поселения и / или исторические центры городов. Отметим, что значительным вниманием туристов неизменно пользуются музеефицированные литературные усадьбы, число которых увеличивается за счет музеефикации новых объектов и создания вокруг них достопримечательных мест.

К сожалению, некоторые современные социальные процессы негативно влияют на культурные ландшафты, многие из ко-

торых серьезно нарушаются. Ландшафт постепенно утрачивает следы антропогенного влияния, в его формировании начинает преобладать природная составляющая. Характерный пример — территории в окрестностях Государственного музея-заповедника С.А. Есенина в Рязанской области. Несколько лет назад его сотрудники обнародовали данные об истории и сегодняшнем дне ряда селений, которые располагались на дорогах, по которым ездил или ходил пешком Есенин — на станцию Дивово, в город Рязань, в село Спас-Клепики, в Иоанно-Богословский и Николо-Радовицкий монастыри.

Данные о гибели важных с точки зрения сохранения историко-культурной среды родины Есенина поселений приведены на страничке музея-заповедника поэта, размещенной в Twitter. В этих материалах сопоставляются сведения, приведенные в книге «Населенные места Рязанской губернии»[7], с данными современной статистики.

Деревня Шушпаново Старолетовской волости, через которую пролегал путь Есенина на станцию Дивово, упоминалась в писцовых книгах с XVI в., тогда она носила двойное название — Вороново Шушпаново, во времена Есенина (на 1 января 1905 г.) в ней было 28 дворов и проживало 206 человек. Теперь там нет постоянных жителей. На пути в Дивово находилась и деревня Демидово, до 1929 г. входившая в состав Зарайского уезда, а теперь относящаяся к Рыбновскому району Рязанской области. В 1905 г. здесь было 22 крестьянских двора (174 человека), в 2010 г. в ней постоянно проживало только два человека.

В период строительства Московско-Казанской железной дороги в селе Старолетово, упоминавшемся в писцовых книгах с XVI в., была открыта железнодорожная станция Дивово, получившая название по фамилии действительного статского советника Николая Андреановича Дивова. Во времена Есенина это было довольно большое село: 109 крестьянских дворов, 827 жителей. Здесь находились волостное правление, каменная православная церковь, земская школа, располагались две кузницы, 12 торговых лавок, винная лавка, четыре чайных лавки, почтовое отделение, еженедельно

[7] Населенные места Рязанской губернии / Ред. И.И. Проходцов. Рязань: Издание Рязанского губернского статистического комитета; Типография Н.В. Любомудрова, 1906. 698 с.

проходил базар. Это место было притягательно для Есенина, он неоднократно бывал здесь в разные годы. В 2020 г. в Старолетове числилось 290 жителей, историческое деревянное здание вокзала утрачено.

В своем имении Дивов основал конный завод. Конюшня, построенная землевладельцем, сгорела в апреле 2014 г. Усадьба Дивова была оригинальным архитектурным сооружением, в частности был построен частично сохранившийся до наших дней минарет. В селе Глебково находилась усадьба Лихониных, усадебный дом сохранился. В 2010 г. в Глебкове проживало 556 человек. Эта усадьба, которую с полным правом можно считать литературной, практически неизвестна специалистам, однако ее история крайне интересна и заслуживает дополнительных разысканий. Считается, что усадьба основана в конце XVIII–XIX в. Петром Степановичем Лихониным, русским писателем и переводчиком, публиковавшимся в журнале Н.И. Новикова «Утренний свет».

Село Федякино, расположенное в непосредственной близости от Константинова, упоминается в окладных книгах с 1676 г. Через полвека, в 1718 г., здесь возвели деревянную церковь во имя Рождества Богородицы, давно утраченную. На 1 января 1905 г. в селе было 318 дворов и 2041 житель. Здесь находились ветряная мельница, казенная винная лавка, крупорушка, кирпичный завод. До наших дней сохранилась построенная на средства крестьян кирпичная школа, в которой, возможно, выступал, уже будучи известным поэтом, Есенин. В 2010 г. в селе проживало только 377 человек.

Село Кузьминское в есенинское время было значительно больше, чем Федякино: дворов — свыше 600, в 1905 г. — 3123 жителя, в 1924-м — 3306. А в 2010 г. в нем проживало лишь 513 человек. По данным окладной книги 1676 г., в селе было две церкви, утраченных в середине прошлого века, — Воскресенская и Ильинская. Во времена Есенина работали волостное правление, две земские школы, почтовое отделение, богадельня, казенная винная лавка, трактир, аптека, маслобойня и синильня. Каждый вторник в Кузьминском проходили большие базары, а дважды в год — ярмарки. С 1881 г. село являлось волостным центром. Общение с местными жителями, посещение кузьминского базара отразилось в литературном наследии Есенина.

В расположенном на правом берегу Оки Аксенове в 1858 г. было 48 дворов и 444 жителя, в 1905 г. — 140 дворов и 975 жителей. В начале XX в. здесь были церковно-приходская школа и две ветряные мельницы. В 2010 г. в деревне проживало 142 жителя. В деревне Иванчино Кузьминской волости в 1905 г. было 17 дворов, в которых проживало 117 человек, в 1924-м — 30 дворов и 150 жителей. В 2010 г. в этой деревне проживало шестеро человек. Деревня Данилово (Даниловское), упоминаемая в писцовых книгах с XVI в., на 1 января 1905 г. насчитывала 61 двор (404 человека), здесь была ветряная мельница. К настоящему времени число жителей сократилось в десять раз. Село Летово, расположенное в семи километрах от Константинова, упоминается в 1676 г. В селе находились церковь, деревянная школа, усадьба дворянина Флейшера, поселок церковного причта, трактир. Основным занятием крестьян было земледелие. В 1905 г. здесь жило 473 человека, в 2010 г. — 61. Деревня Голенкино, в которой в начале прошлого века было девять дворов и 80 жителей, теперь полностью обезлюдела, постоянных жителей в ней нет. В селе Чешуево, расположенном на реке Сосенке, было пять улиц: Табачная, Романовка, Бугры, Середочка и Жуковка. В 1905 г. в нем проживало 738 человек, теперь — двое[8].

Приведенные примеры показывают, что даже в том случае, если территория избежала коренного преобразования (вхождение в состав новых городских агломераций, строительство современных автострад, промышленных предприятий, создание водохранилищ и др.), со временем могут происходить значительные изменения, в т. ч. социального плана. Исчезновение сельских поселений или резкое сокращение численности постоянно проживающего в них населения разрушает сложившиеся культурные ландшафты. С гибелью поселений утрачивается и соединявшая их дорожно-тропиночная сеть. В результате туристы, которые захотят пройти есенинской «тропой деревень», уже не смогут восстановить ту картину, которая представлялась взору поэта. Утрачены не только отдельные здания и целые деревни, но и многие бытовые реалии ушедших времен: базары, трактиры, лавки, кузницы, мельницы и др.

[8] Музей С.А. Есенина. 2014. Записи за 24 октября – 22 декабря 2014 г. https://twitter.com/MuseumEsenin Электронный ресурс. Дата обращения: 10.01.2015.

Наблюдается и противоположная тенденция, также заметно влияющая на историко-культурное пространство. Увеличение антропогенной нагрузки — весьма существенная проблема для многих территориальных объектов, в том числе музеев-усадеб и музеев-заповедников. Пользуясь несовершенством законодательства или слабостью правоприменительной практики, на территориях, подлежащих охране и требующих соблюдения определенных градостроительных регламентов, владельцы участков возводят коттеджи, магазины, автомастерские и другие объекты. В результате нарушается визуальное восприятие культурных, в том числе литературных ландшафтов.

Отметим, что эта проблема актуальна и для городских музеев, здания которых нередко оказываются в окружении дисгармонирующих с исторической застройкой современных сооружений. Историческое музейное здание «теряется» среди новых построек. За рубежом встречаются случаи, когда вплотную к зданиям, имеющим историко-культурную ценность, даже мемориальным, возводятся современные сооружения, в которых размещаются входные пространства музеев, служебные помещения, выставочные площади, музейные магазины, рекреационные зоны. Так, например, обстоит ситуация в Амстердаме, где современные здания примыкают к мемориальным объектам — домам Рембрандта и Анны Франк. Строительные объемы современных пристроек соответствуют исторической застройке, однако материал, из которого они возведены, дисгармонирует с ней.

Историко-культурное пространство — это основа уникальности усадьбы, городского квартала, района, сельского поселения, города, региона, даже целой страны. Это то, что неповторимо и, соответственно, притягательно как для местных жителей, так и для гостей. Наличие историко-культурного пространства — один из ключевых факторов, обеспечивающих динамичное развитие культурно-познавательного, в том числе литературного, туризма во многих странах мира. Основа уникального территориального объекта — культурный ландшафт, в большей или меньшей степени соответствующий определенному историческому периоду.

На основе уникальных культурных ландшафтов формируется туристический продукт. Один из важнейших факторов, обеспечивающих его успешное продвижение, — положительный имидж

территории. Имидж, репутация, бренд усадьбы или иной территории являются в настоящее время реальными и весьма существенными нематериальными активами. Существует несколько определений имиджа территории[9]. Под ним понимают некий образ (представление, ощущение), который возникает в сознании людей при восприятии определенной территории. Соответственно, имидж вариативен, он может существенно отличаться в представлении различных социальных и возрастных групп и даже разных людей, представляющих одну социальную группу. Нередко имидж литературного музея-усадьбы, другого объекта или целого региона, особенно если сам человек в этом месте не бывал, создается на основе устоявшихся стереотипов, распространяемой СМИ информации. И все же имидж, формируемый в сознании отдельных людей, основан на общности в восприятии ими действительности[10].

Для изменения имиджа в сторону положительного (укрепления уже существующего положительного имиджа) используется маркетинг имиджа, основная цель которого — «создание, развитие и распространение, обеспечение общественного признания положительного образа территории»[11]. Существующий имидж территорий может быть различным — положительным, слабовыраженным, излишне традиционным, противоречивым, смешанным, негативным, чрезмерно привлекательным[12].

Большинству территорий, в том числе литературным музеям-усадьбам, требуется улучшение имиджа, поскольку это позволит повысить их привлекательность, что в свою очередь будет способствовать динамичному развитию и росту благосостояния проживающих в окрестностях людей. Положительный имидж приводит к росту инвестиций, развитию инфраструктуры, которая будет использоваться не только приезжими, но и местными жителями. Специалисты отмечают, что один из основных факторов, обеспечивающих устойчивый положительный имидж, — «аргумент культуры».

---

[9] См., например: *Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г.* Бренды и имиджи: страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. М.: РИП-холдинг, 2006. 256 с.

[10] См. также: *Скороходов М.В.* Историко-культурное пространство и формирование имиджа территории // Третьи Московские Анциферовские чтения. М.: Летний сад, 2015. С. 334–349.

[11] *Панкрухин А.П.* Маркетинг территории. 2-е изд. М.; СПб. и др.: Питер, 2006. С. 42.

[12] Там же. С. 42–45.

Писатели и другие известные люди нередко активно участвуют в создании имиджа региона, причем вне зависимости от своего желания. Так, имидж расположенного в Крыму поселка Коктебель нельзя представить себе без поэта и художника Максимилиана Волошина, дом которого на многие годы стал местом притяжения деятелей культуры и искусства. В Коктебеле гостили Валерий Брюсов, Михаил Булгаков, Викентий Вересаев, Максим Горький, Петр Кончаловский, Осип Мандельштам, Кузьма Петров-Водкин, Алексей Толстой, Роберт Фальк, Марина и Анастасия Цветаевы, многие другие. Причем это тяготение не прекратилось и после кончины Волошина. Теперь в его доме работает мемориальный музей писателя. Имидж подмосковного Клина связан с жизнью и деятельностью П.И. Чайковского. Его поддержанию способствует и мемориальный музей композитора.

Однако нередко имидж может восприниматься как устаревший, относящийся не к современности, а к прошлому периоду истории. Например, опрос, проведенный в 2000-е гг. среди жителей и гостей Удмуртии, показал, что устоявшиеся ассоциации, связанные с этой республикой, — Калашников, Чайковский и мотоциклы ИЖ — имеют исторический окрас и не характеризуют этот регион как современный и развивающийся. Респонденты отмечали, что имидж территории, основанный на достижениях двух личностей, не является сильным и достаточным для привлечения к ней широкого внимания. При этом некоторые люди, принявшие участие в опросе, констатировали, что многие положительные изменения связаны с культурной составляющей жизни региона. Значительный импульс в этом плане дал проект «Ижевск — культурная столица Поволжья». Любопытно, что среди респондентов, интересующихся культурой Удмуртии и располагавших информацией о фестивалях Чайковского, фольклорных праздниках, музеях, преобладали представители зарубежного бизнеса[13].

Реализация стратегий регионального развития превращает регионы в субъекты соперничества за «потребителей территории», предлагающие лучшие условия для проживания, ведения бизнеса,

[13] *Валегжанин О.В.* Инвестиционная привлекательность и имидж Удмуртской Республики. Результаты исследования. 2005. http://www.kartel-group.ru/info-tsentr/publikatsii/detail.htm?itemid=153003 Электронный ресурс. Дата обращения: 14.05.2019.

отдыха, туризма и др. В этой ситуации имидж территории становится важным ресурсом, конкурентным преимуществом. Поскольку привлекательный имидж — одна из предпосылок ускоренного социально-экономического развития территории, повышения уровня и качества жизни населения, в его создании и продвижении заинтересованы все жители.

К сожалению, процесс формирования и корректировки имиджа, его смещения в сторону положительного нередко сводится к «лакировке» действительности — желаемое выдается за уже свершившееся. Однако такая тактика приводит лишь к временному эффекту, поскольку в долгосрочной перспективе обман ожиданий негативно сказывается на имидже и общей репутации территории. Наличие историко-культурных объектов — важный фактор, способствующий формированию положительного имиджа.

Бренд и имидж тесно связаны друг с другом. Если отсутствует целенаправленная стратегия брендинга литературного музея-усадьбы, то его имидж развивается стихийно либо под влиянием недружественных сил.

Историко-культурное пространство, в том числе литературный ландшафт, музей-усадьба, — не только существенный фактор культурного развития, но и тот ресурс, который может быть использован для идентификации территории в восприятии людей, что в свою очередь привлечет внимание к объекту или территории в целом, сделает востребованным, популярным и в конечном счете успешным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более столетия прошло с того времени, как в России прекратили свое существование помещичьи усадьбы. Кто-то из их бывших владельцев погиб в годы Гражданской войны или позже, кто-то эмигрировал, кто-то смог найти другое жилище, навсегда оставив национализированную родовую усадьбу. Подавляющее большинство усадебных комплексов постепенно приходило в запустение или же вовсе разбиралось, а то и сжигалось. Сходная участь часто была уготована расположенным в непосредственной близости от усадеб церквям и кладбищам. Некоторые помещичьи дома были превращены в правления колхозов, библиотеки, приюты для детей, коммуны, санатории и другие учреждения, существовавшие в советское время. Нередко постройки оказывались настолько прочными, что простояли без ремонта или вовсе бесхозными многие десятилетия. Только несколько процентов от числа существовавших в дореволюционной России усадеб сохранилось до наших дней благодаря музеефикации, значимости усадебных комплексов для отечественной культуры или счастливому стечению обстоятельств.

Есть и примеры восстановления полностью или частично погибших усадеб. В полном объеме — с главным усадебным дворцом и флигелями — выстроена почти полностью руинированная в советские годы литературная усадьба Грибоедовых, в ней создан и открыт в 1995 г. музей — ныне Государственный историко-культурный и природный музей-заповедник А.С. Грибоедова «Хмелита». Полностью воссоздана сгоревшая еще при жизни поэта усадьба А.А. Блока в Шахматове, являющаяся теперь одним из главных объектов Государственного мемориального музея-заповедника Д.И. Менделеева и А.А. Блока. В Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина в юбилейном для поэта 2020 г. — в год 125-летия со дня его рождения — восстановлены утраченные постройки на литературной усадьбе Л.И. Кашиной: каретный двор, амбар, баня и оранжерея. Восстановительные и реставрационные работы ведутся и в других музеефицированных литературных

музеях-усадьбах. Значимость таких объектов для культурной жизни страны, для развития туризма постепенно возрастает. Ширится и интерес к усадебной культуре, к сохранившимся памятникам архитектуры, к творчеству и биографии их владельцев и гостей.

Русские усадьбы на протяжении длительного времени являлись одними из наиболее многочисленных культурных центров России, притягивали к себе писателей и деятелей культуры, оказывали значительное влияние на культурное развитие русской провинции, содействовали просвещению сельского населения. Усадебная жизнь во многом сформировала мировоззрение русских писателей, причем вне зависимости от их сословной принадлежности. На классических произведениях отечественной словесности воспитывались многие поколения учащихся земских школ, гимназий и других учебных заведений, они были важны при домашнем обучении.

Монография демонстрирует, что такие разные авторы как Н.А. Клюев и Б.К. Зайцев, С.А. Есенин и И.С Шмелев, имевшие совершенно различный жизненный опыт, нередко обращались к феномену русской усадьбы, «усадебный текст» был важен для их творчества. Усадьба — это не только «пространство для жизни», но и одна из основ русской культуры. В произведениях писателей, длительное время проживавших в усадьбах и на дачах — таких как Шмелев и Зайцев, описываются традиционные для деревенской жизни варианты времяпрепровождения: получение и чтение корреспонденции — писем и ежедневных газет, музицирование, чтение «усадебных» романов и произведений современных авторов, дружеские застолья, отдых на балконе усадебного дома, куда доносится аромат цветущих кустарников, прогулки по окрестностям, охота, купание в пруду. Усадебная обстановка способствует романтическим мечтаниям героев, которые далеко не всегда находят свое счастье, часто молодые люди остаются пассивными и не проходят инициацию на взросление. События Первой мировой войны, революций 1917 г., Гражданской войны окончательно разрушают усадебный мир, который и раньше испытывал негативное воздействие все более агрессивного по отношению к сельской жизни города. Сохраняется только память об усадьбе, с которой связана жизнь героев. Особенно тяжелым становится крушение усадебного миропорядка для персонажей, представляющих старшее поколение, — вся жизнь которых, ра-

дости и горести связаны с усадьбой, это для них место памяти и место силы. Усадьба позволяет сохранить свой социальный статус, обрести покой и гармонию. Для представителей молодого поколения с усадьбой связаны воспоминания о счастливом детстве и романтических встречах, их стремление сберечь усадьбу в значительной степени продиктовано заботой о родителях. Однако все попытки спасти усадьбу в новых исторических условиях обречены на поражение. Для русских эмигрантов, которые в годы жизни в России часто видели негативные приметы усадебной жизни, усадьба сопряжена с памятью о родине.

Писатели — выходцы из крестьянского сословия (Клюев, Есенин, С.А. Клычков, А. Ширяевец и др.) — были знакомы с усадебным миром и усадебной культурой как благодаря собственному жизненному опыту, так и вследствие чтения «усадебных текстов». Для них усадьба — одна из основ «русского мира», без которой невозможно развитие крестьянского мира. Для творчества представителей «крестьянской купницы» наиболее важны отдельные элементы «усадебного топоса». Прежде всего это сад, который в их произведениях нередко обретает черты эдемского сада. Для Есенина характерно заселение небольшого крестьянского надела деревьями и кустарниками, характерными для усадебного сада и парка. Это позволяет поэту расширить пространство родной усадьбы, сделать его объемнее и колоритнее, комфортнее для лирического героя.

Усадьба — разомкнутое пространство, соединенное с окружающим миром калиткой и воротами и отделенное от него забором или иной преградой. Дом, вне зависимости от того, является ли он помещичьим или крестьянским, защищен от внешнего воздействия, связи находящихся в нем обитателей с внешним миром возможны прежде всего благодаря окнам. Роль защищающих пространство дома и его обитателей от внешних воздействий калитки и окна, не являющихся при этом непреодолимой преградой, рассматривается прежде всего на материале творчества Есенина. Для выявления наиболее важных традиций привлекаются тексты других авторов.

Для последних десятилетий XX — начала XXI в. характерно неослабевающее внимание писателей к усадебной культуре, об этом свидетельствуют, в частности, доклады, прозвучавшие в 2019 г. в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН на международной научной конфе-

ренции «Русская усадьба в литературе и культуре: современный взгляд»[1]. О.А. Богданова отмечает, характеризуя литературу 1920–2010-х гг.:

> …усадьба как активно-творческая социокультурная среда продолжала и продолжает оказывать заметное, а в ряде случаев определяющее (например, в романе «Авиатор» Е.Г. Водолазкина) воздействие на моделирование личности персонажей, формирование их системы ценностей и поведенческих стратегий[2].

Все это подтверждает, что русская усадьба сохраняет свою значимость как феномен национальной культуры. «Усадебный топос», сформировавшийся в наследии русских писателей XIX — первой трети XX в., продолжает оказывать заметное влияние на литературный процесс первых десятилетий XXI в.

---

[1] См. также: *Марков А.В.* «Усадебный текст» в поэзии советских шестидесятников: Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенский, Б.А. Ахмадулина // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 283–295; *Богданова О.А.* «Усадебный миф» в литературе русского постмодерна: деконструкция или реконструкция? // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+. С. 296–310; *Спиваковский П.Е.* Усадебная трансгрессия в рассказе Владимира Сорокина «Настя» // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+. С. 311–322.

[2] *Богданова О.А.* Художественные смыслы русской усадьбы // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+. С. 19.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Илл. 1. Главный дом усадьбы Грибоедовых Хмелита (Смоленская область). 2019. Фото автора 17

Илл. 2. Парковая аллея в усадьбе Грибоедовых Хмелита (Смоленская область). 2019. Фото автора 19

Илл. 3. Флигель усадьбы А.С. Хомякова Липицы (Смоленская область). 2020. Фото автора 20

Илл. 4. Парк в усадьбе А.С. Хомякова Липицы (Смоленская область). 2020. Фото автора 21

Илл. 5. Парк в усадьбе Достоевских Даровое (Московская область). 2018. Фото автора 23

Илл. 6. И.Е. Репин: Пахарь. Лев Толстой на пашне. 1887. Государственная Третьяковская галерея 33

Илл. 7. Парк в усадьбе Л.Н. Толстого Ясная Поляна. 2018. Фото автора 35

Илл. 8. Вид из окна усадьбы А.А. Блока Шахматово (Московская область). 2020. Фото автора 93

Илл. 9. Село Константиново (Рязанская область). Вид из окна дома Есениных на Казанскую церковь. 2018. Фото автора. 97

Илл. 10. Село Константиново (Рязанская губерния). Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. 1910–1917 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина 99

Илл. 11. Село Константиново (Рязанская область). Церковь Казанской иконы Божией Матери. Вид со стороны Оки. 2018. Фото автора 101

Илл. 12. Село Константиново (Рязанская губерния). Л.И. Кашина и Б.И. Кулаков. 1910–1912 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина 117

Илл. 13. Село Константиново (Рязанская губерния). Усадьба Л.И. Кашиной. Слева направо: Е.И. Муретова, Г.А. Кожевников, Л.И. Кашина, Нина Кашина, неизвестный в усадебном парке. 1916–1917 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина 121

Илл. 14. Село Константиново (Рязанская губерния). Усадьба И.П. Кулакова / Л.И. Кашиной. Хозяйственный двор. Конюх Иван Миронов и лошадь Радость. 1910–1917 гг. Государственный музей-заповедник С.А. Есенина 129

Илл. 15. Калитка усадьбы А.А. Блока Шахматово (Московская область). 2020. Фото автора 140

Илл. 16. Н.Е. Рачков. У калитки (1871). Государственная Третьяковская галерея 147

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Амфитеатров А.В. Виктория Павловна: (Именины): [Роман]. 3-е изд. СПб.: Издание Райской, [1907]. 256 с.

Анатолий Михайлович Титов, заслуженный художник РСФСР. По есенинским местам. Живопись: каталог / Рязанская организация Союза художников РСФСР, Управление культуры Рязоблисполкома. Рязань: [Б. и.], 1989. 32 с.

Антон Крайний [З.Н. Гиппиус]. Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908. 456 с.

Апухтин А.Н. Сочинения: Стихотворения. Проза / Сост. и подгот. текстов А.Ф. Захаркина; Вступ. ст. М.В. Отрадина; Примеч. Р. А. Шацевой. М.: Художественная литература, 1985. 558 с.

[Б. п.] От редакции // Столица и усадьба. 1913. № 1. С. 4.

Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Полное собрание стихов. 1909–1914. Кн. 1–3. М.: Книжный клуб Книговек, 2010. 502 с.

Блок А.А. Девушка розовой калитки и муравьиный царь // Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 7. Проза (1903–1907) / Отв. ред. Д.М. Магомедова. Подг. текстов и коммент.: Е.А. Дьякова, Д.М. Магомедова, И.Е. Усок. С. 31–38.

Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. Стихотворения. Кн. 1 (1898–1904) / Отв. ред. Ю.К. Герасимов. М.: Наука, 1997. 638 с.

Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 4. Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1897–1915) /

Отв. ред. А.М. Грачева, Н.В. Лощинская. М.; СПб.: Наука, 1999. 622 с.

Блок А.А. Россия и интеллигенция (1907–1918). М.: Революционный социализм. 1918. 40 с.

Брюсов В.Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2. Стихотворения. 1909–1917 / Подготовка текстов и примечания А.А. Козловского. М.: Художественная литература, 1973. 496 с.

Будищев А.Н. Бедный паж. М.: Московское книгоиздательство, 1913. 308 с.

Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 6. [М.; Л.]: Издательство АН СССР, 1951. 920 с.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 2. [М.; Л.]: Издво АН СССР, 1937. 764 с.

Гоголь Н.В. Распределение садовых работ на осень 1848 года и весну 1849 // [Кулиш П.А.] Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 2. С. 279.

Гончаров И.А. Обыкновенная история: Роман в двух частях // Гончаров И.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 1 / Сост. и коммент. А.А. Козловский. М.: Наука; Голос. 1995. 672 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 2 / Подгот. текстов и коммент. С.И. Субботин. М.: Наука; Голос. 1997. 464 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 3 / Сост. и подгот. текстов Н.И. Шубникова-Гусева; Коммент.: Е.А. Самоделова, Н.И. Шубникова-Гусева. М.: Наука; Голос. 1998. 720 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 4 / Сост., подгот. текстов и коммент.: С.П. Кошечкин, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1997. 544 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 6 / Сост. и общ. ред. С.И. Субботин; Подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; Реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. 816 с.

Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. 558 с.

Есенина А.А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 55–125.

Есенина Е.А. В Константинове // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 28–54.

Зайцев Б.К. Книги, книги // Русская мысль. 1966. 24 февраля.

Зайцев Б.К. Собрание сочинений. [Т. 1]. М.: Русская книга, 1999. 602 с.

Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русская книга, 1999. 540 с.

Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. 572 с.

Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русская книга, 1999. 616 с.

Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 8 (доп.). М.: Русская книга, 2001. 506 с.

Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 11 (доп.). М.: Русская книга, 2001. 508 с.

Ивнев Р. О Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 324–350.

Клычков С.А. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. Стихотворения; Проза / Сост., подгот. текста, коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И. Субботина; Предисл. Н.М. Солнцевой. М.: Эллис-Лак, 2000. 544 с.

Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. / Сост., подг. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: РХГИ, 1999. 1072 с.

Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / Сост., подготовка текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 684 с.

Мариенгоф А.Б. Воспоминания о Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1 / Вступ. ст., сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. 310–323.

Минцлов С.Р. За мертвыми душами. Берлин: Сибирское книгоиздательство, 1921. 356 с.

Письма Б.К. Зайцева к Л.Н. Назаровой (1961—1971) / Публ., вступит. заметка и примеч. Л.Н. Назаровой // Русская литература. 1994. № 4. С. 151–177; 1995. № 1. С. 225–254.

Пушкин А.С. Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 2. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 89–91.

Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. Л.: Наука, 1978. 527 с.

Толстая-Есенина С.А. Отдельные записи // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент.: А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. С. 258–263.

Толстой А.Н. Маша // Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Повести и рассказы 1912–1916: Хромой барин: Роман. Егор Абозов: Роман / Коммент. А.В. Алпатова, Ю.А. Крестинского; Подготовка текста А.Л. Сокольской. М.: Гослитиздат, 1958. С. 480–485.

Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: Красная новь, 1923. 392 с.

Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: посмертное издание: [В 10 т.]. СПб.: Тип. Глазунова, 1883. С. 1–162.

Чехов А.П. Вишневый сад: Комедия в 4-х действиях // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1978. С. 195–254.

Чехов А.П. Дом с мезонином (Рассказ художника) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 9. Рассказы, повести 1894–1897. М.: Наука, 1977. С. 174–191.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 4: Январь 1890 — февраль 1892. М.: Наука, 1976. 654 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 5: 1886. М.: Наука, 1976. 703 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 12 т. Т. 6: 1887. М.: Наука, 1976. 735 с.

Ширяевец А. Из переписки 1912–1917 гг. / Публ. Ю.Б. Орлицкого, Б.С. Соколова, С.И. Субботина // De visu. 1992. № 3 (4). С. 11–42.

Ширяевец А.В. Песни волжского соловья. Избранное / Предисл. С.И. Субботина и Е.Г. Койновой. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. (Библиотека «Духовное наследие»; Серия «Творцы»). 275 с.

Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1 / Сост. и авт. предисл. Е.А. Осьминина. М.: Русская книга, Известия, 2004. 640 с.

Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2 / Сост. Е.А. Осьминина. М.: Русская книга, Известия, 2004. 508 с.

Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5 / Сост. О.Н. Михайлов и Е.А. Осьминина. Предисл. Е.А. Осьмининой. М.: Русская книга, Известия, 2004. 480 с.

Шмелев И.С. Стена // Шмелев И.С. Рассказы. Т. 4. Стена. Пугливая тишина. Поденка. Ненастье. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1913. С. 5–121.

II. Исследования

Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. 140 с.

Абашев В.В. Урал как предчувствие // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 125–144.

Азадовский К.М. О «народном» поэте и «святой Руси» («Гагарья судьбина» Николая Клюева) // Новое литературное обозрение. 1993. № 5. С. 88–122.

Акимова А.С. И.А. Гончаров в художественном мире А.Н. Толстого: мир русской усадьбы в изображении писателей // Вопросы культурологии. 2018. № 12. С. 48–50.

Акимова А.С. Традиции изображения «усадебной культуры» в рассказе А.Н. Толстого «Девушки» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 5–10.

Акимова М.С. Стихотворение Н.М. Рубцова «В старом парке» в контексте русской усадебной поэзии // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-Периодика, 2019. С. 164–175.

Андреев В.Е. Понятия «литературного гнезда» и «литературного ландшафта» в изучении тамбовского литературного наследия //

Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 7 (51). С. 130–134.

Аникина О.Л., Бабицына Н.Н., Воронина Ю.Н., Евдокимова В.Ю., Иогансон Б.И., Калинина Л.В., Панкратова В.И., Рамненак Н.В., Скороходов М.В., Титова В.С. Путеводитель по Государственному музею-заповеднику С.А. Есенина. Рязань: Синий пеликан, 2018. 216 с.

Аникина О.Л., Солобай Н.М. Первый народный есенинский праздник на родине поэта: Публикация доклада В. Львова-Рогачевского о поездке делегации Всероссийского союза поэтов в Константиново в 1926 г. (из архива ИМЛИ РАН) // Современное есениноведение. 2013. № 25. С. 40–48.

Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. Периодический орган Центрального бюро краеведения. 1928. № 6. С. 321–338.

Аринина Л.М. Роман Б. Зайцева «Золотой узор» и его место в творческой биографии писателя // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева: Вторые Международные Зайцевские чтения: Сб. Калуга: Гриф, 2000. С. 39–50.

Базанов В.Г. С родного берега. О поэзии Н. Клюева. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990. 243 с.

Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.

Белокуров А.А. Традиционный культурный ландшафт: структура, факторы формирования и развития. Дис. ... канд. филос. наук. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. 150 с.

Бельская Л.Л. «…Вновь я посетил…» // Русская речь. 2012. № 1. С. 18–25.

Бесчинский А.Я. Путеводитель по Крыму. М.: Редакция журнала «Русская мысль», 1901. XIV + 471 с.

Богданова О.А. Своеобразие «усадебного топоса» в произведениях А.Н. Толстого 1910-х гг. // Алексей Толстой: Диалоги со временем. Выпуск 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 9–22.

Богданова О.А. «Усадебная культура» в русской литературе XIX — начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 14–25.

Богданова О.А. «Усадебный миф» в литературе русского постмодерна: деконструкция или реконструкция? // Феномен русской

литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 296–310.

Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1). 288 с.

Богданова О.А. Художественные смыслы русской усадьбы // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 18–26.

Валегжанин О.В. Инвестиционная привлекательность и имидж Удмуртской Республики. Результаты исследования. 2005. http://www.kartel-group.ru/info-tsentr/publikatsii/detail.htm?itemid=153003 Электронный ресурс. Дата обращения: 14.01.2015.

Веденин Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.

Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 226 с.

Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.

Ветрова М.В. Повесть Бориса Зайцева «Голубая звезда»: круг символистских идей и художественный опыт Достоевского // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. 2008. № 798. С. 215–219.

Вилесова М.Л. Дионисийский код в изображении главной героини романа Б.К. Зайцева «Золотой узор»: К проблеме художественной антропологии // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 123–128.

Вилесова М.Л., Хатямова М.А. Антропологическая функция пространства в малой прозе Б.К. Зайцева 1920-х годов // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 53–62.

Воробьева Е.А. Культурный ландшафт как фактор бытийности пространства культуры (на примере этнической картины мира эвенков Восточного Забайкалья). Дис. ... канд. филос. наук. Чита: Читинский государственный университет, 2007. 152 с.

Воронова О.Е. Мифологический и фольклорно-этнографический контекст повести С.А. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2013. № 27. С. 38–39.

Врангель Н.Н. Помещичья Россия // Старые годы. 1910. Июль — сентябрь. С. 5–79.

Вроон Р. Сад в русском модернизме: К вопросу о менталитете в новокрестьянской поэзии // Николай Клюев: Образ мира и судьба. Вып. 3 // Отв. ред. В.А. Доманский. 2-е изд., испр.. Томск, 2011. С. 21–46.

Габриелян О.А. Русский мир: мифопоэтические основания идеологии // Ярославский педагогический вестник: Научный журнал. 2018. № 6. С. 353–358.

Галинская И.Л. Пушкинские мотивы у И.А. Гончарова и С.А. Есенина (обзор) // Культурология. 2010. № 2 (53). С. 95–97.

Галкова О.В. Культурный ландшафт как часть всемирного наследия (по документам ЮНЕСКО) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4. С. 156–159.

Глазкова М.В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический государственный университет, 2008. 273 с.

Гринева Г., Голованов В., Замятин Д., Березин В., Балдин А., Рахматуллин Р., Замятина Н., Балдин П. Геопоэтика и географика // Октябрь. 2002. № 4. С. 152–176.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. [2-е изд.]. М.: О.Г.И, 2008. 524 с.

Доманский В.А. Дендронимы в творчестве С. Есенина // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. С. 189–200.

Доманский В.А. «Хорошо под осеннюю свежесть душу-яблоню ветром стряхать…». Художественный концепт сада в поэзии С. Есенина // Русская словесность в школах Украины. 2011. № 2. С. 43–48.

Доманский В.А. Художественный концепт сада в поэзии С.А. Есенина // Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. М.: Лазурь, 2009. С. 102–116.

Доманский В.А., Кафанова О.Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2018. 432 с.

Драгунова Ю.А. Русская усадьба в творчестве Б.К. Зайцева // Орловский текст российской словесности. Материалы Всероссийской

научной конференции. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева, ОГЛМТ, НИИ филологии ОГУ им. И.С. Тургенева. 2018. С. 77–80.

Зайцева Г.А. Особенности российской методологии перспективного планирования деятельности музеев на примере Концепции развития ГМИИ им. А.С. Пушкина // Справочник руководителя учреждения культуры. 2011. № 12. С. 74–78.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.

Замятин Д.Н. Поэтика пространства // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. 2006. Вып. 4. С. 334–336.

Захарова В.Т. Поэтика прозы И.С. Шмелева. Н. Новгород: Мининский университет, 2015. 106 с.

Зиновьева Ю.В., Мацкевич Ю.Ю. Музей и его партнеры: взаимодействие с местным сообществом // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 212. С. 83–92.

Знобищева М.И. Гоголь в художественном сознании Есенина: философия и поэтика русского пространства: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2012. 218 с.

И.С. Шмелев и духовные традиции славянской культуры: XI Крымские Международные Шмелевские чтения. Симферополь: Таврия Плюс; 2004. Алушта: Алуштинский литературно-мемориальный музей С.Н. Сергеева-Ценского, 2004. 299 с.

И.С. Шмелев и литературный процесс XX–XXI вв.: Итоги, проблемы, перспективы. Материалы X Международных Крымских Шмелевских чтений. М.: Российский архив, 2004. 313 с.

И.С. Шмелев и проблемы национального самосознания (традиции и новаторство). Сб. материалов международных научных конференций 2011 и 2013 гг. / Редколлегия: Л.А. Спиридонова (отв. ред.), О.В. Быстрова, Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина, А.Г. Плотникова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 536 с.

Иванов Е.С. Границы и природа Государственного музея-заповедника С.А. Есенина. Пейзаж в творчестве поэта. Рязань: Узорочье, 2005. 202 с.

Иванова Л.В. Забор и ворота в сакральных представлениях русских Зауралья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. № 23. С. 186–195.

Иванова Л.В., Черниева З.Л. Забор и ворота в предметно-пространственной среде подворья и усадьбы Зауралья XVI–XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 65–69.

Иванова Н.А. Семантика библейского кода в романе Б.К. Зайцева «Дальний край» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 3. С. 10–14.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.

Калуцков В.Н. Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 67–79.

Калуцков В.Н., Матасов В.М. Литературный ландшафт и вопросы его развития (на материале Пушкиногорья) // Географический вестник. 2017. № 1(40). С. 25–34.

Камильянова Ю.М. Сюжетные особенности романа Бориса Зайцева «Золотой узор» // Вестник ВЭГУ <Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия. Уфа>. 2010. № 3 (47). С. 86–91.

Каскина Ю.У. И.С. Шмелев и русская классика XIX века. И.С. Тургенев, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 160 с.

Кишш И. Геопоэтика «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: карта русской истории и невидимой Москвы // Новое литературное обозрение. 2016. № 2. С. 196–208.

Князева О.Г. Религиозно-философские основы художественного творчества Б.К. Зайцева: Автореферат дис. … канд. филол. наук. Орел: Орловский государственный университет, 2007. 24 с.

Кожиева К.М. Судьба русской усадьбы в повести И.С. Шмелева «Неупиваемая чаша» // Роль науки в развитии общества / Сб. статей международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: Аэтерна, 2014. С. 143–146.

Коршунова Е.А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева. Харьков: ФОП Бровин А.В., 2013. 216 с.

Куделько Н.А. И.С. Тургенев и русская литература XX в. (Б. Зайцев, К. Паустовский, Ю. Казаков). Орел: ОГИИК, 2001. 189 с.

Куделько Н.А. О типе романтика в повестях И.С. Тургенева «Яков Пасынков» и Б.К. Зайцева «Голубая звезда» // Спасский вестник. 2002. № 9. № 11.

Куделько Н.А. Тургеневские традиции в автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (философия бытия) // Спасский вестник. 2000. № 7. № 6.

Кузнецова В.Е. Чехов и Есенин: литературные перекрестки // Современное есениноведение. 2011. № 18. С. 90–93.

Кулешова М.Е. Соловецкий архипелаг как монастырский культурный ландшафт и объект Всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2013. № 4. С. 95–104.

Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

Курочкина А.В. Поэтика романа Б.К. Зайцева «Золотой узор» // Поэтика русской литературы XIX–XX веков: Сб. Уфа: Башкирский государственный университет, 2009. С. 68–83.

Лавренова О.А. Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М.: Институт Наследия, 2010. 330 с.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX веков (геокультурный аспект). М.: Институт Наследия, 1998. 128 с.

Летопись жизни и творчества С.А. Есенина. Т. 2 / Общ. ред. и предисл. А.Н. Захаров. Сост. В.А. Дроздков, А.Н. Захаров, Т.К. Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 760 с.

Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 272 с.

М. [Башуцкий А.П.]. Петербург на даче // Иллюстрация. 1847. Т. V. № 32 (116). С. 118.

Марков А.В. «Усадебный текст» в поэзии советских шестидесятников: Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенский, Б.А. Ахмадулина // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сороки-

на+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 283–295.

Медведева Е.Б. Маркетинг — новая стратегия в работе с аудиторией // Нижегородский музей. 2008. № 15. С. 139.

Мекш Э.Б. Сергей Есенин в контексте русской литературы. Рига: Латвийский государственный университет, 1989. 120 с.

Мекш Э.Б. Чеховские традиции в повести С. Есенина «Яр» // Современное есениноведение. 2005. № 2. С. 40–52.

Михаленко Н.В. Библейские аллюзии в «усадебном тексте» Б.К. Зайцева (повесть «Аграфена» и роман «Дальний край») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 272–288.

Нарышкина Е.А. Преемственная связь усадебной и дачной культуры в контексте культурологических категорий // Научное мнение. 2014. № 1. С. 129–137.

Наследие И.С. Шмелева: проблемы изучения и издания. Сб. материалов международных научных конференций 2003 и 2005 гг. / Редколлегия: Л.А. Спиридонова (отв. ред.), О.В. Быстрова, Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 432 с.

Никё М. Сергей Есенин — «Русский Бодлер»: о литературной личности поэта // Современное есениноведение. 2007. № 6. С. 23–28.

Ничипоров И.Б. Личность и историческое время в романе Б. Зайцева «Золотой узор» // Калужские писатели на рубеже Золотого и Серебряного веков. Пятые Международные юбилейные научные чтения: Сб. ст. Вып. 5. Калуга: Институт повышения квалификации работников образования, 2005. С. 31–39.

Панкрухин А.П. Маркетинг территории. 2-е изд. М.; СПб.: Питер, 2006. 416 с.

Поздеев А.О. Литературный ландшафт как объект туристско-рекреационного использования // Региональные проблемы геологии, географии, техносферной и экологической безопасности: Сб. статей Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург: Вострикова П.В., ПоЛиАРТ, 2019. С. 129–131.

Полонский В.В. Чеховский след в драматургии русских символистов. О «страсти уныния», «заложниках жизни» и «будущей радости» // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 147–163.

Пономарева Т.А. Концепт молодости / старости в поэзии Клюева // Николай Клюев: Образ мира и судьба. СПб.; Томск, 2013. Вып. 4. С. 170—182.

Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева. Сб. материалов международных научных конференций 2007 и 2009 гг. / Редколлегия: Л.А. Спиридонова (отв. ред.), О.В. Быстрова, Ю.У. Каскина, Л.В. Суматохина. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 458 с.

Проскурина Н.В., Куликов А.А. Усадьба «Семидубравное» как объект экологического туризма Воронежской области // Экология: рациональное природопользование и безопасность жизнедеятельности. Сб. Часть 2. Майкоп: Издательство Адыгейского государственного университета, 2017. С. 151–153.

Разумовская А.Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти: Автореферат дис. … д-ра филол. наук. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2010. 31 с.

Рожков И.Я., Кисмерешкин В.Г. Бренды и имиджи: страна, регион, город, отрасль, предприятие, товары, услуги. М.: РИП-холдинг, 2006. 256 с.

Романенко А. Земные странствия Бориса Зайцева // Зайцев Борис. Голубая звезда. Повести и рассказы. Из воспоминаний. М.: Московский рабочий, 1989. С. 5–31.

Руднева Е.Г. Заметки о поэтике И.С. Шмелева. М.: Инвент маркетинг, 2002. 128 с.

Савицкий И.В. Дворянство Европейского Севера России в середине XIX — начале XX в. (По материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии): Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 1998. 229 с.

Савченко Т.К., Серегина С.А., Скороходов М.В., Солобай Н.М., Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. (7 кн.) Т. 5. Кн. 2. 24 декабря 1925 — середина 1926. Справочные материалы / Сост. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 1160 с.

Самоделова Е.А. Историко-фольклорная поэтика С.А. Есенина. Рязань: Рязанский областной научно-методический центр народного творчества, 1998. (Рязанский этнографический вестник; [1998. Т. 1]). 228 с.

Самоделова Е.А. О литературной и реальной топонимике повести «Яр» С.А. Есенина (статья первая) // Современное есениноведение. 2019. № 4 (51). С. 13–26.

Сгибнева О.И. Традиции усадебной культуры в социокультурном пространстве России // Вестник Волгоградского государствен-

ного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (17). С. 37–41.

Семенов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 312 с.

Серегина С.А. Русь уходящая [Топоним] // Бабицына Н.Н., Николаева А.А., Савченко Т.К., Самоделова Е.А., Серегина С.А., Скороходов М.В., Солобай Н.М., Субботин С.И., Шубникова-Гусева Н.И. Памятные места и литературная география / Науч. и отв. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. Константиново: ГАУК «Государственный музей-заповедник С.А. Есенина», 2020 (Есенинская энциклопедия. Вып. 1).

Скороходов М.В. В поисках миссии // Музей. 2015. № 12. С. 15–16.

Скороходов М.В. Историко-культурное пространство и формирование имиджа территории // Третьи Московские Анциферовские чтения. М.: Летний сад, 2015. С. 334–349.

Скороходов М.В. «Низкий дом» и «дом с мезонином» — две модели «русского мира» в творчестве Сергея Есенина // Studia Litterarum. 2020. Т. 5. № 1. С. 194–211.

Скороходов М.В. Русская усадьба в контексте литературных ландшафтов: литературоведческие аспекты // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам VII Международной научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 24–25 октября 2018 года. 2018. С. 350–354.

Скуднева М.В. Культурный ландшафт исторического города Сибири. Дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2005. 197 с.

Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. 512 с.

Спиваковский П.Е. Усадебная трансгрессия в рассказе Владимира Сорокина «Настя» // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 311–322.

Спиридонова Л.А. Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 240 с.

Субботин С.И. Николай Клюев // Русская литература 1920-х — 1930-х годов. Портреты поэтов: В 2 т. Т. 1. М.: ИМЛИ, 2008. С. 50–99.

Субботин С.И. [Комментарии] // Есенин С.А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю.Л. Прокушев. Т. 6 / Сост. и общ. ред. С.И. Субботин; Подгот. текстов и текстологич. коммент.: Е.А. Самоделова, С.И. Субботин; Реальный коммент.: А.Н. Захаров, С.П. Кошечкин, С.С. Куняев, Г. Маквей, Ю.А. Паркаев, Ю.Л. Прокушев, Т.К. Савченко, М.В. Скороходов, С.И. Субботин, Н.И. Шубникова-Гусева, Н.Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 260–291.

Суровова Л.Ю. Живая старина Ивана Шмелева: Из истории создания «Лета Господня». М.: Совпадение, 2006. 304 с.

Сухов В.А. К вопросу о «байронизме» в позднем творчестве С. Есенина // Современное есениноведение. 2008. № 9. С. 92–100.

Тихонова Л.И., Никитина Л.Э. Дворянские усадьбы на территории Рязанской области как ресурс для развития культурно-познавательного туризма // Современные тенденции и перспективы развития индустрии туризма и гостеприимства в Рязанской области. Сб. Рязань: Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. 2016. С. 26–35.

Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 612 с.

Фирсова О.Г., Шульгина Д.П. Помещичьи инструкции как источник изучения повседневной жизни дворянской усадьбы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 2 (30). С. 35–45.

Хизбуллина Р.З., Калимуллина Г.С., Бакиева Э.В., Воробьева О.В. Дворянские усадьбы как объект природно-культурного наследия и средство развития экологического и эстетического воспитания // Перспективы науки и образования. 2018. № 3 (33). С. 15–21.

Хмара Д.Н. «Произведение места»: культурное пространство усадьбы Гумнищи (по произведениям К. Бальмонта) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 315–319.

Черников А.П. Лики жизни: Калужские страницы творческой биографии И.С. Шмелева. Калуга: Гриф, 2002. 152 с.

Черников А.П. Проза И.С. Шмелева. Концепция мира и человека. Калуга: Калужский областной университет усовершенствования учителей, 1995. 342 с.

Шешунова С.В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина от «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 684 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Французские источники Черного человека С.А. Есенина // Revue des Études slaves. Paris, 1995. Т. 67. Вып. 1. С. 127–140.

Шумилов Е.Ф. Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы // Искусство Удмуртии. Сб. статей. Ижевск: [Б. и.], 1975. С. 215–245.

Щербаков С.А. Мотивы сада в творчестве С. Есенина и С. Клычкова // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М.; Константиново; Рязань: Пресса, 2007. С. 252–287.

Щукин В.Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.

Vroon R. The garden on Russian modernism: Notes on the problem of mentalité in New Peasant poetry // Revue des Études slaves. Paris, 1997. T. LXIX. Fasc. 1/2. P. 135–150.

III. Справочные издания

Дачи и окрестности Москвы: Путеводитель с приложением 24 планов дачных местностей и карты окрестностей Москвы / Составлен Картографической комиссией Общества изучения русской усадьбы. М.: Издательство Московского коммунального хозяйства, [1928]. 196 + 8 с. + 1 л. карта.

Дачи и окрестности Москвы: Путеводитель с приложением 24 планов дачных местностей и карты окрестностей Москвы / Составлен Картографической комиссией Общества изучения русской усадьбы. 2-е изд. М.: Мосрекламсправиздат, 1930. 160 с.: ил., карты.

Дачный справочник и путеводитель по окрестностям Москвы с картой. 1907 / Изд. С.С. Кальмансон. 1-е изд. М.: Тип. О.Я. Бурче, [1907]. LXXVIII + 79 с.

Дачный указатель: Руководство для едущих на дачу: Путеводитель для туристов и экскурсантов. СПб.: Электропечатня К.А. Четверикова, 1910. 156 с.

Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным живописным местностям Финляндии: С новыми картами, иллюстрациями и словарем / Сост. и изд. Н.П. Федотов. Год 6. 1899. СПб., 1899. VI + 251 с.

Иллюстрированный путеводитель по дачным, водолечебным живописным местностям Финляндии: С картами и планами / Сост. и изд. Н. Федотов. Год 7. 1905. СПб., 1905. 89 с.

Каталог коллекций Государственного музея-заповедника С.А. Есенина: В 7 т. / Сост. Б.И. Иогансон, В.С. Титова; под общей ред. Б.И. Иогансона. Т. 1: Изобразительное искусство. Живопись, графика, скульптура. Рязань; Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2015. 366 с.

Краткий словарь музейных терминов: Проект / Министерство культуры РСФСР. Научно-исследовательский институт культуры. М.: [Б. и.], 1974. 51 с.

Кузьменко В.М. Дачный поселок Новый-Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма: Перечень снимков с кратким описанием местности. Ялта: Типография Н.Р. Лупандиной, 1913. 14 + II с.

Любецкий С.М. Московские окрестности, ближние и дальние, за всеми заставами, в историческом отношении и в современном их виде: для выбора дач и гулянья: здесь также описывается характеристика и быт московских жителей дедовских и наших времен: гулянья, празднества, увеселения и другие замечательные события: очерк истории земледелия и садов с древнейших времен. М.: Тип. Индриха, 1877. 322 с.

Методические рекомендации по использованию музейной терминологии / Центральный музей МВД СССР. М.: [Б. и.], 1987. 45 с.

Москвич Г.Г. Практический путеводитель по Крыму с приложением алфавитного указателя местностей, карты гористой части Крыма, плана гор. Севастополя, плана гор. Ялты, поясненного списком даче и домовладельцев, расписания движения пароходов и поездов, и проч. Ялта: Изд. Анны Москвич; Типография Н.Р. Петрова, 1889. XXX + 280 с., 3 л. карт.

Музей С.А. Есенина. 2014. Записи за 24 октября — 22 декабря 2014 г. https://twitter.com/MuseumEsenin Электронный ресурс. Дата обращения: 10.01.2015.

Музейное дело. Проблемы теории, истории и методики музейной работы: Сб. Вып. 31: Словарь музейных терминов: Сб. науч. трудов / Отв. ред. С.А. Архангелов; Науч. ред. Т.Г. Шумная. 2-е изд. М.: Государственный центральный музей современной истории России, 2010. 229 с.

Населенные места Рязанской губернии / Ред. И.И. Проходцов. Рязань: Издание Рязанского губернского статистического комитета; Типография Н.В. Любомудрова, 1906. 698 с.

Новейший путеводитель по Крыму на 1912 год: Необходимые сведения для туристов и приезжих больных: Справочник лечебных заведений, дач, гостиниц, торгово-промышленных фирм, разных учреждений и лиц. Евпатория: З.Б. Каганович и К°, [1912]. 304 с.

Новейший путеводитель по Крыму на 1913 год: Необходимые сведения для туристов и приезжих больных: Справочник лечебных заведений, дач, гостиниц, торгово-промышленных фирм, разных учреждений и лиц. Евпатория: З.Б. Каганович и К° [2-й г. изд.], [1913]. 320 с.

По есенинским местам. Комплект из 13 открыток. Вып. 1. М.: Советский художник, 1972.

Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 1: Кусково. Останкино. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 108 с.

Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 2: Архангельское. Николо-Урюпинское. Покровское-Стрешнево. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 108 с.

Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 3: Остафьево. Мураново. Абрамцево. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 96 с.

Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 4: Ольгово. Дубровицы. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 132 с.

Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 5: Сергиевский историко-художественный музей. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 96 с.

Подмосковные музеи: Путеводители / Под ред. Ив. Лазаревского и В. Згура. Вып. 6: Царицыно. Кузьминки. Суханово. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. 100 с.

Путеводитель к замечательным окрестностям Московским, ближним и дальним, заключающий в себе исчисление мест для богомолья, прогулок, найма дач, ружейной охоты, пикников и проч.: Также с показанием ярмарок и торжищ в некоторых местах, приблизительных цен за наем лошадей, за постой на лет[них] квартирах и ночлегах и проч., также с показанием дорог, ведущих к окрестностям Москвы, как-то: к монастырям, к гуляньям, к дачам, к лагерям, к кладбищам, и ко всему, касающемуся для мест пребывания и времяпрепровождения, служащий справкою, как иногородним, так и московским жителям. М.: Типография Семена, 1855. 63 + V с.

Путеводитель по дачным местностям, водолечебным заведениям и морским купаниям в окрестностях С.-Петербурга и по железным дорогам: финляндским и Балтийской: С указанием цен и размеров дач, двумя подробными карт., многими рис. и др. прил.: 4 год. 1889 / Сост. и изд. Н. Федотов. СПб., 1889. IV + 288 с.

Путеводитель по дачным окрестностям г. С.-Петербурга ... На 1907 год: [V год изд.]. СПб.: О.С. Иодко, 1907. 38 с.

Российская музейная энциклопедия. М.: Прогресс; РИПОЛ классик, 2005. 846 с.

Российская музейная энциклопедия: В 2 т. / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. Т. 1: А — М. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. 414 с.

Российская музейная энциклопедия: В 2 т. / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. Т. 2: Н — Я. М.: Прогресс; Рипол классик, 2001. 434 с.

Финляндия: Путеводитель по дачным и водолечебным местностям Финляндии и живописным районам восточной части ее с приложением 7 карт / Сост. К.Б. Гренгаген. СПб.: Линдеберг, 1899. 275 с.

Энциклопедия «Литературные музеи России»: Методические материалы / Сост. Е.А. Воронцова; Отв. ред. Д.П. Бак. М.: Издательство «Литературный музей», 2016. 288 с.

IV. Официальные документы

Акт государственной историко-культурной экспертизы, обосновывающий принятие решения по установлению требований к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам в границах территории объекта культурного наследия федерального значения — достопримечательное место «Есенинская Русь — место, связанное с жизнью и творчеством поэта С.А. Есенина». М.; Казань, 2019.

Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в РФ. 2008. http://museumstudy.ru/wp-content/uploads/2015/12/muzei_zapovedniki_strategia.pdf Электронный ресурс. Дата обращения: 20.11.2019.

Достопримечательное место федерального значения, связанное с жизнью и творчеством поэта С.А. Есенина «Есенинская Русь». Т. I. Историко-градостроительные исследования по обоснованию границ территории и проекта охраны достопримечательного места. Рязань, [2015].

О концепции развития музейной деятельности в Российской Федерации на период до 2020 года. 2013. http://docs.pravo.ru/document/view/35469821/40903434. Электронный ресурс. Дата обращения: 10.01.2015.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абашев В.В. 38
Абрамова М.Е., мать А.В.Ширяевца 58
Аграфена Матвеевна, дворовая 172
Азадовский К.М. 82
Акимова А.С. 119, 149
Акимова М.С. 120
Алпатов А.В. 138
Аменаиса Эрастовна, экономка 50
Амфитеатров А.В. 147
Андреев В.Е. 37
Андреев Л.Н. 29
Аникина О.Л. 69, 71, 94, 121, 122
Анциферов Н.П. 223, 224
Апраксин Н.П. 55
Апухтин А.Н. 100, 117
Аринина Л.М. 204
Архангелов С.А. 213
Архипов Н.И. 80
Ахмадулина Б.А. 241
Ахматова А.А. 53

Бабицына Н.Н. 69, 71, 121, 122, 131
Базанов В.Г. 85
Байрон Д.-Г. 145
Бак Д.П. 217, 219
Бакиева Э.В. 223
Балдин А. 38
Балдин П. 38
Бальзамова М.П. 73, 113, 116
Бальмонт К.Д. 37, 88
Баратынский (Боратынский) Е.А. 20, 53
Батюшков К.Н. 46
Башляр Г. 37
Башуцкий А.П. 46
Баюскин В.С. 34
Белов В.И. 218
Белокуров А.А. 222
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 191
Бельская Л.Л. 145, 146
Бенисла́вская Г.А. 105
Березин В. 38
Бесчинский А.Я. 166
Блок А.А. 35, 54, 58, 59, 86, 87, 89, 90, 93, 119, 135, 136, 140, 238
Богданова О.А. 24, 26, 54, 55, 149, 241
Бочаров В.И. 34
Брежнев И.В. 71
Брюсов В.Я. 40, 85, 100, 163, 164, 235
Будищев А.Н. 148
Булгаков М.А. 38, 235
Бунин И.А. 28, 53, 101, 176, 177
Быстрова О.В. 153

Вагнер В.А. 51

Валегжанин О.В. 235
Веденин Ю.А. 27, 29, 31, 40, 41, 222
Венецианов А.Г. 80
Вересаев (Смидович) В.В. 235
Веселкин И.П. 36
Ветрова М.В. 200
Виардо П. 194
Вилесова М.Л. 204, 210
Водолазкин Е.Г. 241
Вознесенский А.А. 241
Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 235
Воробьева Е.А. 222
Воробьева О.В. 223
Воронина Ю.Н. 69, 71, 121, 122
Воронова О.Е. 73
Воронцова Е.А. 219
Врангель Н.Н. 18
Вроон Р. (Vroon R.) 88

Габриелян О.А. 115
Галинская И.Л. 118
Галкин М.М. 34
Галкова О.В. 222
Гамсун К. 191
Ганешников (Галишников), купец 76
Гарнин В.П. 80, 81
Гачева А.Г. 24
Герцен А.И. 20, 53
Гиппиус З.Н. 54
Глазкова М.В. 119
Глинка М.И. 19
Глухова Е.В. 24
Гоголь Н.В. 110, 117, 125–130
Годуновы 200
Голицын А.М. 120
Голицыны 68
Голованов В. 38
Гончаров И.А. 118, 119, 149
Горький М. (Пешков А.М.) 235
Гренгаген К.Б. 48
Грене 68
Грибоедов А.С. 24, 238
Грибоедовы 17, 19, 238
Гринева Г. 38
Гумилев Н.С. 53
Гущин, ямщик 50

Данилин Т. 70
Данте А. 206
Денисенко Е.С. 34
Державин Г.Р. 53
Дивов Н.А. 230, 231
Дикман М.И. 40
Дмитриева Е.Е. 43, 44, 80, 99–101, 115, 123, 135, 149
Долгорукова Е.А. 120
Доманский В.А. 88, 120, 156
Достоевские 23
Достоевский Ф.М. 53, 153, 200, 218, 227, 228
Драгунова Ю.А. 174
Дрожжин С.Д. 116
Дроздков В.А. 70
Дьякова Е.А. 136

Евдокимова В.Ю. 69, 71, 121, 122
Евтушенко Е.А. 241
Егоров И.В. 34
Екатерина Великая, имп. 18, 201
Есенин А.Н. 76, 92, 101
Есенин Н.О. 92
Есенин С.А. 22, 23, 24, 35, 36, 56, 57, 59, 61, 66–77, 87, 88, 91–99, 102–150, 157, 217, 218, 230–232, 238–240

Есенина А.А. (Шура) 75, 93, 98, 102, 104–107, 124, 125, 146
Есенина А.П. 76
Есенина Е.А. (Катя) 75, 92, 96, 102, 103
Есенина (урожд. Титова) Т.Ф. 103
Есенины 36, 77, 92, 96, 97, 101–104, 125

Журавлева А.А. 24
Журов А.П. 35

Завьялов Д.Н. 37
Зайцев Б.К. 22, 153, 174–210, 239
Зайцева Г.А. 24, 214
Зайцевы 177
Замятин Д.Н. 27, 37, 38
Замятина Н.Ю. 38
Захаркин А.Ф. 100
Захаров А.Н. – 70, 109, 117
Захарова В.Т. 153
Згура В. 20
Зиновьева Ю.В. 215
Знобищева М.И. 117

Иванов Е.С. 74
Иванов Ю.Ф. 228
Иванова Л.В. 143
Иванова Н.А. 183
Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 111
Илларион, митр. – 218
Иоанн (Смирнов И.Я.) 102, 122
Иогансон Б.И. 24, 36, 69, 71, 121, 122
Иодко О.С. 48

Каганский В.Л. 222
Казаков Ю.П. 195
Калачев Е.А. 34
Калашников М.Т. 235
Калимуллина Г.С. 223
Калинина Л.В. 69, 71, 121
Калуцков В.Н. 28, 29
Кальмансон С.С. 48
Камильянова Ю.М. 204
Кант И. 187, 191
Каскина Ю.У. 153
Катя *см.* Есенина Е.А.
Кафанова О.Б. 156
Кашина Л.И. 36, 56, 68–70, 76, 99, 117, 120–122, 129, 238
Кашина Н.Н. 121
Киселев А.С. 42, 51
Киселева М.В. 50, 51
Киселевы 51
Кисмерешкин В.Г. 234
Китаев В.С. 35
Кишш И. 38
Клычков С.А. 22, 59–61, 120
Клюев Н.А. 22, 55, 56, 80–90, 239, 240
Князева О.Г. 204
Кожевников Г.А. 121, 122
Кожиева К.М. 153
Козловский А.А. 57, 75, 92, 94
Койнова Е.Г. 58
Кольцов А.В. 58, 61
Константинов В.С. 34
Кончаловский П.П. 235
Корниенко Н.В. 24
Коршунова Е.А. 153
Кошечкин С.П. 70, 109, 117
Крестинский Ю.А. 138
Кропоткины 68, 76
Куделько Н.А. 192–195, 200
Кузнецова В.Е. 142
Кузьменко В.М. 48
Кулаков Б.И. 117

Кулаков И.П. 56, 68, 70, 99, 120, 121, 129
Кулакова Н.В. 24
Кулешова М.Е. 28, 222
Куликов А.А. 223
Кулиш П. А. 127
Куняев С.С. 109
Куприяновы, купцы 56
Куприянов А.Г. 120
Куприянов А.И. 121
Куприянов Н.Г. 120
Куприянов С.Г. 120
Купцова О.Н. 43, 44, 80, 99–101, 115, 123, 135, 149
Курочкина А.В. 204

Лавренова О.А. 31, 222
Лазаревский И. 20
Ленин (Ульянов) В.И. 36, 171
Лермонтов М.Ю. 53, 129
Лесков Н.С. 29
Лившиц Е.И. 109
Лихонин П.С. 231
Лихонины 231
Ломоносов М.В. 218
Львов-Рогачевский В.Л. 94
Любецкий С.М. 48
Любомудров А.М. 153

Магомедова Д.М. 136
Майков А.Н. 54
Макаров А.С. 34
Маквей Г. 109
Максимов Д.Е. 40
Мандельштам О.Э. 235
Мариенгоф А.Б. 109
Марков А.В. 241
Матасов В.М. 28, 29
Мацкевич Ю.Ю. 215
Медведева Е.Б. 213, 214
Мекш Э.Б. 142, 145
Менделеев Д.И. 238
Мережковский Д.С. 54
Мешков Н.М. 122
Минцлов С.Р. 18, 19
Миронов И. 129
Михайлов О.Н. 172
Михаленко Н.В. 183, 195
Москвич А. 166
Москвич Г. 166
Муретова Е.И. 121
Мышецкие, кн. 120

Надсон С.Я. 54
Назарова Л.Н. 176, 193, 194
Наполеон Бонапарт, имп. 160
Нарышкина Е.А. 223
Нарышкины, кн. 120
Некрасов Н.А. 130
Никё М. 59, 145
Никитина Л.Э. 223
Никитинские (Корзинкины) 68, 76
Николаева А.А. 131
Николай, дядя Б.К. Зайцева 193
Ничипоров И.Б. 204
Новиков Н.И. 231

Огарев Н.П. 117
Олсуфьев В.А. 120
Олсуфьевы, бр. 120
Орлицкий Ю.Б. 85
Орловы 71
Осьминина Е.А. 168, 170, 172
Отрадин М.В. 100

Павлов И. 116
Панкратова В.И. 69, 71, 121
Панкрухин А.П. 234

Панфилов Г.А. 116
Паркаев Ю.А. 109
Паустовский К.Г. 27, 28, 195
Перцова Н.Н. 88
Петр I, имп. 45, 201
Петров-Водкин К.С. 235
Пласкеев Г.В. 35
Платонов А. (Климентов А.П.) 38
Плещеев А.Н. 54, 117
Плотникова А.Г. 153
Поздеев А.О. 37
Поленов В.Д. 56
Поленов Д.В. 55
Полонский В.В. 142
Пономарева Т.А. 83
Поповы 102
Прокушев Ю.Л. 109
Проскурина Н.В. 223
Проходцев И.И. 230
Пузырев Ю.В. 34
Пушкин А.С. 20, 53, 61, 81, 129, 130, 135, 177, 178

Разумовская А.Г. 56
Рамненак Н.В. 69, 71, 121
Рахматуллин Р. 38
Рачков Н.Е. 147
Рембрандт Х. ван Рейн 233
Репин И.Е. 33, 34
Рожков И.Я. 234
Романенко А. 206
Рубцов Н.М. 120
Руднева Е.Г. 153

Савицкий И.В. 55, 56
Савченко Т.К. 70, 94, 109, 117, 131
Салтанов С.Н. 34
Салтыков-Щедрин (Салтыков) М.Е. 53, 54
Самоделова Е.А. 73, 109, 112, 131
Сардановская А.А. 73
Сардановская С.А. 73
Сгибнева О.И. 223
Семенов-Тян-Шанский В.П. 29–31
Семенов-Тян-Шанский П.П. 29
Серегина С.А. 94, 131
Скороходов М.В. 37, 69, 71, 94, 109, 117, 121, 124, 131, 220, 234
Скуднева М.В. 222
Соколов Б.С. 85
Сокольская А.Л. 138
Солженицын А.И. 218
Солнцева Н.М. 59, 153
Солобай Н.М. 94, 131
Соловьев Вл. С. 187, 191, 200
Солякины 71
Спиваковский П.Е. 241
Спиридонова Л.А. 153
Субботин С.И. 58, 59, 73, 85, 87, 94, 97, 109, 117, 131
Суворин А.С. 41, 43, 49, 50, 52
Сукиасян А.А. 153
Суматохина Л.В. 153
Суриков И. З. 58, 61, 116
Суровова Л.Ю. 153
Сухов В.А. 145

Титов А.М. 36
Титов Ф.А. 76, 92
Титова В.С. 36, 69, 71, 121
Титовы 103
Тихонова Л.И. 223
Толстая-Есенина С.А. 34, 94, 105, 107
Толстой А.Н. 119, 137, 138, 149, 235
Толстой Л.Н. 20, 33–35, 53, 81, 82, 116, 117, 172, 218, 226
Топоров В.Н. 38

Троцкий Л.Д. 84
Тургенев А.И. 46
Тургенев И.С. 28, 53, 61, 81, 84, 116, 119, 137, 153, 156, 172, 174, 191–195, 200
Тургенева В.П. 172
Турчанинова, владелица имения 52
Тютчев Ф.И. 20, 53

Усок И.Е. 136

Фадеевы 71
Фальк Р.Р. 235
Федосий Иванович, сапожник 103
Федотов Н.П. 48
Фет (Шеншин) А.А. 117, 119
Фирсова О.Г. 223
Флейшер, владелец усадьбы 232
Флешнер, владелец усадьбы 68
Франк А. 233
Фролов В.Я. 34

Хатямова М.А. 210
Хизбуллина Р.З. 223
Хмара Д.Н. 37
Ходасевич В.Ф. 83, 85
Хомяков А.С. 20, 21
Худолеев И.Н. 122

Цветаева А.И. 235
Цветаева М.И. 235

Чайковский П.И. 33, 235
Чеботаревский А.Н. 34
Черниева З.Л. 143
Черников А.П. 153
Чехов А.П. 41–43, 49–53, 142, 153, 154, 159, 174, 241
Чижова В.П. 28
Чуковский К.И. (Корнейчуков) 54

Шатобриан Ф.Р. де 202
Шацева Р.А. 100
Шешунова С.В. 153
Ширенков С.В. 34
Ширяевец А. (Абрамов А.В.) 22, 57, 58, 61, 83, 85, 240
Шмелев И.С. 22, 152–154, 157–165, 167–173, 239
Шмелев С.И. (отец Шмелева И.С.) 152
Шмелев С.И. (сын Шмелева И.С.) 152
Шмелевы 152
Шубникова-Гусева (Гусева) Н.И. 24, 94, 109, 112, 130, 131, 145
Шульгина Д.П. 223
Шумилов Е.Ф. 22
Шумная Т.С. 212, 213
Шура см. Есенина А.А.

Щербаков В.В. 34
Щербаков С.А. – 120
Щукин В.Г. 41, 45–47

Юсов Н.Г. 70, 109, 117

Якушевский С.Ф. 36
Янтарёв Е. (Бернштейн Е.Л.) 122

Об авторе:

Максим Владимирович Скороходов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Отдел новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-6390-5670. E-mail: msk2002@rambler.ru

About the author:

Maxim V. Skorokhodov — PhD in Philology, Senior Research Fellow, Department of Modern Russian Literature and Russian Literature Abroad, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-6390-5670. E-mail: msk2002@rambler.ru

В серии

«Русская усадьба в мировом контексте»

вышли книги:

Богданова О.А. **Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология:** Монография / Отв. ред. Е.Е. Дмитриева. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 288 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1). — ISBN 978-5-9208-0604-8 — DOI: 10.22455/978-5-9208-0604-8

Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 352 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2). — ISBN 978-5-9208-0623-9 — DOI: 10.22455/978-5-9208-0623-9

Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. — М.: ИМЛИ РАН, 2020. — 344 с. — (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3). — ISBN 978-5-9208-0627-7 — DOI: 10.22455/978-5-9208-0627-7

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

Скороходов М.В.

Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX — первой трети XX в.: междисциплинарный подход

СЕРИЯ
«РУССКАЯ УСАДЬБА В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ»
Вып. 4

Редактор
В.И. Мартынюк

Корректор
Е.Н. Сченснович

Компьютерная верстка
А.З. Бернштейн

В оформлении обложки книги использована картина
С.А. Виноградова «В усадьбе осенью» (1907).
Государственная Третьяковская галерея

Подписано в печать 26.11.2020
Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Усл.-печ. л. 17,0
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

ISBN 978-5-9208-0637-6